

ГАРИ ЧАПИДЗЕ

**НАСТУПИЛА
ДОЛГОЖДАННАЯ
ВЕСНА**

Тбилиси
2012

Многогранно творчество грузинского писателя и учёного Гари Чапидзе. Он является автором более 80-ти художественно-литературных книг и 70-ти научных трудов, которые переведены и изданы на разных языках мира.

Сегодня автор предлагает читателям свою новую книгу. В неё вошли два произведения: «Наступила долгожданная весна» и «Тайное завещание».

В первом произведении автор пишет о любви лейтенанта – грузина к украинской девушке Вике, дочери начальника военной части, в которой служит лейтенант. Мечтам и надеждам молодых людей не суждено сбыться. Судьба готовит им страшный удар.

В основу романа «Тайное завещание» положены материалы, добытые в секретных архивах и исправительных лагерях. В нём рассказывается о тайне клада адмирала Колчака.

Автору пришлось перенести множество препятствий для воссоздания правдивой картины описанного исторического материала.

Предлагаемый роман – гимн добра и бесстрашный обличитель порочных сторон жизни.

Надеемся, что эта книга доставит удовольствие читателю!

Редактор – М. Придонашвили

ISBN 978-9941-0-4082-5

Наступила долгожданная весна.

Вслед за капризной зимой наступила долгожданная весна... Как вестник этой весны я обязательно приду на твою могилу, принесу самые прекрасные цветы, и, в память о нашей грузино-украинской дружбе, буду беседовать с тобой как с живой и незабвенной любовью.

Все называю твоим именем и делаю так, как тебе было бы приятно. Каждую секунду я вижу тебя как наяву, для этого даже не нужно закрывать глаза...

И все же, что такое любовь? Зима отобрала тебя у меня... были заморозки... А сейчас, сейчас наступила долгожданная весна и, с высоты прожитых лет не затуманивается твой прекрасный образ...

Сначала наш самолет попал в смерч, а затем разрешения на посадку мы ждали более получаса. Не помню, в который раз осмотрел я с неба вид Ташкента.

Прошло много времени, прежде чем авиалайнер совершил посадку, и мы, прилетевшие из Кабула, сбегали по трапу для того, чтобы ступить ногой на «родную» землю...

Для дальнейшего прохождения воинской службы нас распределили в Ташкент, хотя нам, воевавшим плечом к плечу ребятам, было трудно расстаться друг с другом...

– Вы продолжите службу на Украине, товарищ лейтенант! – сказал мне генерал и напротив моей фамилии в журнале поставил какие-то цифры, и затем

продолжил – Военно-инженерная часть расположена в Чернигове, 93726. Вы назначаетесь заместителем начальника батальона по политической части!

– Повезло тебе, грузин, – Ударил меня по плечу Анатолий Воробенко. – Сейчас у тебя вместо полевой почты будет прямой номер части... наш край – прекрасен! В этом ты убедишься сам.

С этими словами, как знают войны, он попрощался со мной. Остальные последовали его примеру. И я в тот же вечер отправился поездом один в место дислокации...

Декабрь только наступил... В штабе я отрапортовал начальнику батальона о моем продолжении службы в расположении части...

– Наслышан о вашем героизме и воинской отваге, – сказал мне полковник Василий Тарубара. – Не удивительно, кто может научить вас, грузин, искусству боя и воинскому героизму? Именно такой политрук нам необходим... Если я не ошибаюсь, вы журналист?

– Учусь.

– Очень хорошо, вместе будем учиться. Эта профессия интересует не только меня, но и мою дочь. Она, как раз, хочет стать журналисткой. Вика в мае заканчивает школу... Но это потом... А сейчас идите к начальнику штаба для приема документации и кабинета.

В тот же день я приступил к работе. В здании штаба было невиданное тепло, и морозы украинской зимы были нам нипочем...

Курс политзанятий, стенгазеты, молнии отряда, собрания комсомольского актива, лекции по синтезу

строительства и охраны секретных объектов, сотрудничество с газетами и журналами военного округа (где почти ежедневно печатались мои статьи). Время шло своим чередом.

Как вы уже знаете, военно-инженерная часть постоянно строит, а сама всегда остается не достроенной.

Так было и у нас. Мы строили ракетные базы, а собственной батальонной бани у нас не было. Поэтому каждую субботу мы водили солдат в городскую баню. Эта обязанность была возложена на заместителя командира по хозяйственной части майора Костюка.

Однажды меня тоже попросили пойти и, как раз, в это время, в конце декабря, началась история, описанная в этой книге.

Я распределил солдат в баню и вошел в чайхану. Взял фруктовое пирожное и стакан чая, сел в отдалении и, без всякого удовольствия, чтобы убить время, стал пить чай.

Вскоре, напротив моего столика, занял место мужчина с рыжими волосами 40-45 лет.

Вокруг было много столиков, но... Он тоже взял чай и пирожное.

– Грузин?! – сказал он мне и насмешливо посмотрел на меня.

– Да, ответил я с гордостью.

– Молодец! Видно, что ты воевал. Этот орден «За отвагу» где получил?

– В Кабуле!

– Так я и знал! Догадался, что ты афганец!

– Как?

– По выправке и гвардейскому виду.

Пока я думал, что ему ответить, он сам нарушил молчание:

– Я, Геннадий Васильевич Ткаченко, председатель городского Спорткомитета! – сказал он и, немного привстав, протянул мне руку. Я тоже привстал.

– Очень хорошо, я поклонник грузин! Когда у тебя будет свободное время, заходи. Знаешь, какие у меня девочки?! – и с точностью назвал адрес Спорткомитета, который располагался на четвертом этаже в здании Городского Совета, в самом центре города.

Через неделю, когда я гулял по улицам Чернигова, передо мной остановилась черная волга, из которой вышел Геннадий Ткаченко.

– Эй, грузин, забыл обо мне? – было видно, что он пьян. – Возвращаюсь с дня рождения моего друга! Пожалуйста, прости! Хочу пригласить тебя к себе! Отказ не принимается, товарищ лейтенант! Ты знаешь, что грузины спасли мне жизнь! Как? Расскажу. Иди, садись! – Затем он приказал водителю отвезти нас на работу.

Через пять минут мы уже сидели в комнате отдыха, находившейся за его кабинетом, вчетвером: я, Геннадий и две его сотрудницы, действительно необыкновенной красоты и телосложения...

– Вы, грузины, хорошо ведете застолье, – и роль тамады была отведена мне...

– Наверное, что-то важное строится в нашем городе. Иначе из Кабула тебя не перевели бы, – обра-

тился ко мне хозяин после тоста за женщин, за которых выпили в лице присутствующих за столом двух девушек Светы и Люды.

– Нет, там я был ранен и...

– По вам не скажешь! – пронзил меня взглядом Геннадий Ткаченко. Девушки тоже напрягли слух...

– Ранение было легким... – коротко удовлетворил я их любопытство.

– Здесь, здесь чем вы занимаетесь? Говорят, ракетные базы... Правда?

– Наверное.

– Наверное или... – конкретно спросила Света.

– Как сказать...

– Как есть! – С улыбкой прервал меня хозяин. – Мы – жители этого города, и нас здесь все интересует.

– Знаете, нам не нужна война! Но лучшее средство защиты – быть всегда готовым. Строим, но от строительства этих баз никто не пострадает, наоборот...

– Что значит наоборот? – опять спросила Света.

– Ваш родной город внесет большой вклад в защиту огромной территории Советского Союза от бесчисленных внешних врагов...

– И вы верите в существование врага? За что с нами враждовать? – У Люды был необыкновенный тембр голоса. – Несостоявшаяся экономика или перестройка. Вот вы – грузин. Может ли правительство научить вас сколько и где вы должны выпить? Русским необходимо напоминать о мере во время выпивки. Но можно ли в такой большой стране принимать законы, одинаковые для всех?

– Кто об этом думает? Итак страна Советов построена на лжи, – демонстративно объявила Света.

– Вот, почему они обо всем забывают! – это был мужской голос.

– Пусть скажут правду и не надо будет помнить обо всем... – продолжила Люда. Вспоминаю один анекдот, как американец и русский охраняют свои границы и смотрят друг на друга со своих наблюдательных пунктов.

– Такой у тебя есть? – спрашивает советский солдат и показывает американцу автомат Калашникова со «штыком-ножом».

– А у тебя есть такой? – американский солдат показывает оружие ночного боя с глушителем.

Советский солдат молчит. Через некоторое время американец достает булки, начинает есть и спрашивает своего коллегу:

– Такое есть у тебя?

– А у тебя такое есть? – показал советский солдат свой комсомольский билет.

– Н-нет! – растерялся американец.

– Вот. Когда у тебя будет такой билет, тогда посмотрим, как ты поешь булки на посту...

– Девочки! – захлопал в ладоши и попросил внимания Геннадий Ткаченко. – Еще хуже то, что история развивается по спирали, и то, что ожидает нас в будущем, уже произошло в далеком прошлом, и не один раз. Это касается и всем нам известного глобального потепления, разрушительными последствиями которого ученые пугают нас уже два года. По их утверждению причина неизбежности апокалип-

сиса – мы сами, потому что мы не бережем природу и загрязняем ее. Побочные действия индустриальной цивилизации обязательно повлекут за собой изменение климата, глобальное потепление, мировой потоп, похолодание на Земле... Такое явление для нас не ново. Как видно, такие явления не раз происходили во время спиралевидного развития Земли. Как доказали исследователи, на нашей планете 55 миллионов лет назад произошли такие явления, как в фильме «ЗЭШ», снятом в Голливуде. Там был точно такой сценарий, который ожидается в результате глобального потепления: увеличение общей температуры Земли вызвало арктическое и антарктическое таяние ледников. Воды Атлантического океана смешались с большим количеством холодной воды, в результате чего изменилось направление течения теплых вод. С экватора прекратилась подача тепла в Европу и Северную Америку, и арктические льды опоясали их. Так было тогда 55 миллионов лет назад, так будет и в будущем. Есть лишь одно различие: в древности глобальное потепление было вызвано усилением вулканической активности, а теперь причиной этому будет загрязнение природы человеком. А самое главное – это наше нежелание услышать...

– Почему, Геннадий Васильевич? Мы боремся с формализмом.

– Опять формально! – съязвил хозяин.

– Нет! – упротствовал я, – мы уделяем большое внимание проблемам, т.к. видимость безпроблемной действительности сослужила плохую службу: разлу-

чила слово с делом. Это мы знаем. Поэтому сегодня движемся в этом направлении, поэтому начали Перестройку...

– Товарищ! Мы хотим блага для нашей страны, поэтому беседуем открыто! Мы с вами находимся в одном пространстве. Надеюсь, эта разумная мысль победит, и Советский союз расцветет. Только одно меня интересует, какими турбинами вы возводите ракетные базы. Такое я строил на Байконуре, когда был таким как ты, кучерявым юнцом-солдатом, хотя я – участник Вьетнамской войны... – с интересом посмотрел на меня Геннадий.

– Если это вас так интересует, то к следующей встрече я узнаю и расскажу вам...

– Премногим меня обяжете, мой юный друг. Правда, время летит быстро, но интерес не пропадает...

Три дня спустя мы вновь встретились случайно, я и Геннадий Ткаченко. У него испортилась машина, и он вышел, чтобы помочь водителю. Я ехал в виллисе, принадлежавшем Воинской части..., остановил машину и передал ему вчетверо сложенный листок с записью по интересующему его вопросу, и добавил:

– Ничего опасного не делаем, можете спать спокойно!

– Как отблагодарить тебя?!

– Не стоит!

– Я заметил, что во время наших встреч ты ел фруктовое пирожное. Знаешь, из Болгарии завезли фруктовые вафли в гастроном перед нашим Горсоветом. Только, чур, молчи! Зайди в кондитерскую секцию и от моего имени спроси Таню. И скажи ей: «От-

куда ты?» Это будет паролем. Она ответит: «Опять шутишь?» И даст тебе две упаковки вафель... Если едешь в город, то непременно зайти!

Я подумал, что в действительности не стоило так беспокоиться, но мой путь лежал мимо магазина, к тому же у меня было огромное желание познакомиться с Таней и...

– Опять шутишь?! – Спросила Таня и с загадочной улыбкой передала две упаковки вафель...

– Хочешь болгарских фруктовых вафель? – спросил я в машине своего водителя сержанта Красникова. В знак согласия он кивнул головой и повернул рычаг скоростей. Я вскрыл одну упаковку... В ней оказались пятидесятирублевые купюры... Вскрыл другую, и в ней то же самое. Я оторопел. Красников не обращал на меня внимания, дорога скользкая и он напряженно ведет автомобиль...

На другой день я встретился с председателем Спорткомитета в его кабинете.

– Мы уже купили тебя! – сказал он, не обращая внимания на мое застывшее выражение лица. – Твоя информация оказалась верной! Мы тоже у тебя в долгу! Теперь нам необходим полный список стран, являющихся мишенями ракетной базы.

– Но...

– Здесь я диктую условия! Если ты со своими родителями не хочешь попасть в беду – подчинись! Ты будешь обеспечен всем: деньгами, застольем, женщинами... Если тебе не нравятся предложенные мной девушки, можешь привести другую. Я не против, развлекайся вместе с нами! Скоро закончится

твоя двухгодичная офицерская жизнь. А до этого я помогу тебе заработать денег... Потом поезжай в свою Грузию и живи счастливо...

– Я принес вам деньги...

– Подумайте юноша, лейтенант! Мне нужен полный список стран-мишеней с вашей ракетной базы! Послезавтра я буду ждать тебя у ресторана «Киев» в семь часов. Надеюсь, ты не заставишь меня долго ждать на морозе и придешь с немецкой пунктуальностью.

Удивленный, побледневший сел я в машину. Сержант Красников заметил:

– Что-нибудь случилось, товарищ лейтенант? – он спрашивал меня еще о чем-то, но я ничего не слышал.

По прибытию в часть я встретился с начальником Особого отдела подполковником Коваленко.

– Плохо дело! – сказал он. – Но ничего, не бойся! Из всего есть выход!

– Отправлю с тобой мою дочь! Она каратистка! К тому же она мечтает встретиться с тобой с того дня, когда я рассказал ей, что моим заместителем назначен молодой журналист, – сказал мне начальник части полковник Тарубара.

– Знаешь, какая у него дочка... не уппусти шанса, но знай, что она единственная дочь, гордая... Никто ей не нравится. Старший лейтенант Титко посвятил ей целую тетрадь стихов, но у него ничего не вышло. Каждый день из-за нее дерутся все ребята школы...

– Словом, если будешь действовать с умом, то две удачи недалеко от тебя – Вика и орден, если нака-

жем этого поддонка! – сказал мне начальник Особого отдела.

В ту же ночь у меня поднялась температура. На другой день я сидел в кабинете с хмурым видом. Зная, что с минуты на минуту войдет Вика, у меня и мысли не было, чтобы понравиться ей. Ведь она всем отказывала.. но как только она вошла, я встал поневоле и так и стоял, как истукан, не решаясь заговорить. Ни раньше, ни теперь не встречал я подобной девушки.

Вскоре мы подружились, и я понял, что она была не гордая, а удивительно милая и красивая. Пусть никто не говорит о том, что не бывает любви с первого взгляда, бывает, да еще какая...

Ее тоже охватило чувство, так как было очевидно, что и она неравнодушна...

В тот вечер мы провели время в ресторане «Киев» благодаря нашим «спонсорам», которым я передал схему, данную мне начальником штаба. Хозяева тоже были очарованны Викой...

– Теперь я понимаю, почему тебе не понравились мои девочки, – сказал мне во время прощания Геннадий Ткаченко, и вместе с бумажным пакетом передал мне новое задание, более сложное... Но и времени у меня было больше... – целая неделя. А в бумажном пакете опять лежали пятидесятирублевки...

В течении недели я и Вика так сблизилась, что уже не прятали наших чувств друг от друга, и наше детство осталось вблизи поселка Масани...

Мне было тогда 19, а ей 16...

Она известила отца:

– Если я и выйду замуж, то только за грузина-лейтенанта, больше мне ни о ком и ни о чем не говори. Если он не женится на мне, знайте, я покончу с собой...

Полковник посмотрел на меня вопросительно.

– Мы любим друг друга и будем всегда вместе! – из самого сердца шли мои слова.

Потом мама Вики, Наталья Николаевна накрыла на стол, и уже по родственному подняли тост за меня с Викой.

Целую неделю мы утопали в водовороте любви. А к концу недели я должен был выполнить два важных задания. Первое: я должен был передать шпиону Ткаченко чертежи ракетной базы. И второе: надо было оказать помощь сотрудникам Госбезопасности Чернигова при аресте этого шпиона...

...Мне снился странный сон. Помню, явилась ко мне во сне бабушка с непокрытой головой. Никакой седины, волосы отливали вороновым крылом.

– Будь очень осторожным! – крикнула она мне и прошла, не замедляя шага.

В полдень я и Вика пришли в Спорткомитет. Я долго упрашивал Вику остаться, но она не прислушалась к моей просьбе:

– Если ты один отправиться на такое опасное дело, я не выдержу – умру.

Ткаченко забрал у меня чертежи и открыл сейф, чтобы спрятать их. В это время с улицы раздался строгий голос из репродуктора:

– Сдавайтесь, вы окружены!

Геннадий Васильевич не растерялся, вытащил из сейфа пистолет и направил его на меня. В это вре-

мя, со скоростью молнии, Вика сделала сальто, и в сотую долю секунды шпион был бы обезврежен, но... два раза выстрелил пистолет Ткаченко... Вика вздрогнула в воздухе, потом упала всем телом на придвинутый к рабочему столу директора длинный стол и начала сползать вниз... Я нагнулся к ней, и, после еще одного выстрела, согнулся под столами... Потом я видел затуманенным взглядом или чувствовал, не могу сказать точно, как сотрудники Госбезопасности ворвались внутрь... На Ткаченко надели наручники. Все это я видел сквозь туман. Только, повернувшись вправо, я увидел Вику. Она лежала в луже крови. Обе ее руки были протянуты в мою сторону. Затем она тяжело подняла правую руку и медленно поправила упавшую на лоб прядь волос, которая мешала ей хорошо видеть меня. Я потерял сознание...

После двух месяцев лечения я выписался из госпиталя. Сам начальник гарнизона принес мне орден в госпиталь и прикрепил к простреленной груди...

– Грузин, ты настоящий герой, украинский зять! Скоро Вика поправится, и мы погуляем на вашей свадьбе!

Так прошли эти два месяца. Вернувшись в часть, я направился в кабинет командира и еще раз потерял сознание, когда на столе полковника Тарабары в правом углу я заметил портрет Вики в черной рамке...

Сознание вернулось ко мне в госпитале...

После этого прошло уже немало лет, но я никак не могу смириться со смертью Вики. И даже теперь

оглядываюсь на улице и надеюсь, что встречу ее. Не верится, что я потерял ее. Ее могила остается для меня самым родным местом.

О, тогда тоже весна только наступила...

После капризной зимы без тебя опять наступила весна. Как вестник этой весны я приду на твою могилу и принесу тебе букет твоих любимых цветов, и буду долго, очень долго беседовать с тобой, моя вечная любовь...

Тайное завещание

Глава I

С белого неба кружась, падали на землю снежные хлопья...

Игорь не думал выходить на улицу, тем более было воскресенье. В дверь кто-то постучал. Ох! Как не хотелось вставать и подходить к двери. Стук повторился. Игорь с удивлением посмотрел на совершенно незнакомого цыгана, стоящего у открытой двери.

– Вы Игорь есть? – ломанным русским языком спросил он.

– Да.

– Принесите документ, удостоверяющий личность, должен передать вам тайное письмо!

Игорь, подняв плечи, косо посмотрел на незваного гостя и молча вынес паспорт. Гость взял паспорт, посмотрел на фото, затем на Игоря оценивающим взглядом и, найдя сходство, передал ему сложенный вчетверо лист.

– От кого?

– Ничего не знаю!

– Что пишут?

– Ничего не знаю!

Игорь раскрыл лист и быстро прочел маленькое письмо: «Ни о чем не спрашивай, следуй за принесшим это письмо! Твой отец».

Игорь быстро оделся и молча последовал за незнакомцем. В конце села, у леса, когда они поравнялись

с русской мазанкой, незнакомец подал знак, мол, туда заходи, и скрылся.

Игорь, открыл дверь, прошел переднюю, еще дверь и вошел в комнату, убранную медвежьими шкурами, одна лежала на русской печи, вторая – на полу у кровати. На кровати полулежал убеленный сединой старик. Ускоренное дыхание говорило, что высокая температура приковала его к постели. Молодой врач в белом халате на спиртовке вываривал шприц.

При виде Игоря лицо старика просветлело. Он знаком подозвал Игоря и указал на край кровати. Тот молча подчинился, и они долго смотрели друг на друга, пока врач не впрыснул раствор анальгина больному.

– Доктор, большое спасибо за помощь, наверное, завтра опять зайдете, – тяжело дыша в вздыхая сказал большой и добавил – сейчас, если оставите нас, будет хорошо, этому молодому человеку хочу сказать что-то важное, потому что чувствую, что приходит конец...

– Да, завтра утром зайду, спокойной ночи! – Врач надел шубу и вышел. Отойдя немного. Вспомнил слова больного старика: «хочу сказать что-то важное», остановился, протер лицо снегом ... как бы протрезвел, надо вернуться! – принял решение и вернулся. Бесшумно открыл дверь передней и, подойдя к двери, стал подслушивать. Почти все было слышно.

– Что сказал, это главное, хорошо запомни, а что сейчас расскажу – это романтика, – услышал врач слова больного и так огорчился, что со злости схватился за горло, – значит, опоздал, главное уже сказа-

но, но ничего, говори дальше, а остальное заставлю рассказать молодого человека, – подумал доктор и весь превратился в слух.

– Родина – все для человека. Я всегда стоял рядом с теми, кто были истинными патриотами. Воевал с японцами в Манчжурии, и моя кровь пролита вместе с теми защитниками Родины, кто не вернулся назад. Патриот борется и с пришлыми врагами Родины, и с внутренними. Оружие нельзя доверять тому, кто считается внутренним врагом, кто живет в рабстве семейном или общественном и во всем винит Родину, когда его цели не достигаются. Такого человека оружие может привести к непредвиденному поступку и совершить злейшее преступление.

Революция началась именно таким душевным настроением. Оружие оказалось в руках необразованных террористов и погубило того человека, который, не покладая рук, боролся для России.

Адмирал Александр Васильевич Колчак, в белом английском кителе с погонами русской империи на плечах, и с георгиевским крестом на груди, должен стоять во главе списка великомучеников России. 5 марта 1904 года Колчак женился на Софье Федоровне Омировой. Несколько лет провел в неизученном и необитаемом районе Таймыра. Немало сделал для России этот знаменитый офицер. Он добровольно пошел на Русско-Японскую войну: воевал на море, затем командовал артиллерией; он был командиром тех батарей, которые до последнего снаряда сражались с врагом. Кроме родного знал три языка, он автор нескольких трудов. В последние годы жизни его мучи-

ла раздробленность России на белую и красную. Брат воевал с братом. Отец не щадил сына, а сын – отца. Его единственной целью было объединение Родины и наведение в ней порядка. Для этого он объединил добровольцев, начал наводить порядок в Иркутске. На берегу Ангары. Жили мы в пещере недалеко от полуразрушенной церкви Михаила Архангельского и имели немного золота, за которое адмирал думал нанять английские войска. Но англичане обманули и красные начали наступать.

В ту ночь я был у твоей матери, сынок. Утром, когда вернулся, все мои друзья и единомышленники были на месте расстреляны, а адмирал арестован. Адмирал успел разрушить пещеру. Теперь единственным знающим местонахождение пещеры и наследником его клада остался в живых только я.

Я не буду рассказывать биографию адмирала Александра Колчака, но знаю, что тебя интересует судьба человека, сложившего голову за Родину.

21 января 1920 года арестовали адмирала, следствие длилось не долго. 6 февраля к нему в камеру вошел сотрудник КГБ Самуэл Чадуновский и прочел решение Ревкома...

Без волнения вышел адмирал из камеры тайным тюремным выходом, вместе с видным общественным деятелем России премьер-министром Пепеляевым, оказался у стены. Оба отказались от повязок на глаза. Адмирал докурил папиросу, застегнул все пуговицы на мундире и как истинный офицер встал перед пулей... Грянули выстрелы, затем добились еще двумя выстрелами...

Ангара была покрыта льдом. В одном месте была прорубь, откуда монахи брали воду. Именно в эту прорубь бросили головой вниз сперва труп Пепеляева, а затем Колчака...

Сохранившиеся архивные материалы сообщают:

Ленин – Склянскому:

«Пошлите Смирнову (РВС-5 шифровку), не распространяйте никаких сведений о Колчаке. Не печатайте ничего. После взятия Иркутска вышлите официальную телеграмму с объяснением, что местные власти вместе с белогвардейцами готовят заговор против белогвардейцев в Иркутске» Ленин.

Я был свидетелем всего этого, и еще много могу рассказать об адмирале, но это не касается нашего основного вопроса. Ты не думай, что я виноват перед тобой. Если бы КГБ стало известно о моей близости с Колчаком, то меня постигла бы та же участь. Лишенный всех человеческих благ, я прожил до сих пор как зверь, прячась ото всех и от всего, но тебя я не оставлял без внимания, можешь спросить у матери. А теперь иди, и сделай как я сказал... – со вздохом закончил старик и прикрыл глаза. Игорь, побледневший и с тяжелой головой, тихонько вышел. Доктор, все это время подслушивающий у дверей, скрылся в передней. Игорь его не видел...

Глава II

– Кем был мой отец? – неожиданно спросил Игорь маму. Марина вздрогнула. Не маленьким был Игорь, уже сам отец маленьких детей. Она растерялась и испуганно посмотрела на сына. Но он ждал ответа.

Игорь стал собирать сани: положил туда медвежью шкуру, бросил подушку на спинку и прикрыл шубой. Уже стемнело. Игорь впряг в сани верную свою лошадку и поехал туда, откуда пришел час назад. Старик был в том же положении, в каком его оставил Игорь. Только цвет и выражение лица говорило, что он доволен.

Отец указал на шкаф. Игорь достал со шкафа полную бутылку самогона, разложил около кровати старика на стуле ужин и они повели мирную семейную беседу. Люди, лишённые семейной любви, обретая ее, обретают и душевное спокойствие. Старик теперь удостоверился, что в жизни все переменчиво. А Игорь отчетливо видел прошлое своего отца и удивлялся наступающей смерти человека, который не раз шел к ней навстречу. Он удивлялся превратностям судьбы и неспасаемой воли старика, который был вынужден, скрываясь, пронести до конца жизни любовь к сыну и тайну пещеры, о которой он рассказал сыну.

Мирно беседующие отец и сын ждали восхода луны. Старик так был возбужден, что даже затянул песню. Потом вспомнил: «... и в жизни белый лебедь только раз поет»... Задумался и смолк.

Бледные лучи луны проникли в хату.

– Пора! – сказал старик. Игорь, как ребенка, взял отца на руки, ногой открыл дверь и уложил его в сани, тепло укутав шубами.

– Дальняя дорога у нас, надо спешить. Пять километров до поселка Ангарска, затем выше вдоль правого берега еще двенадцать километров. А там скажу, где остановиться, – будто боялся, что его подслушают, шептал старик.

При лунном свете, как искры блестели следы полозьев. Еще раз вспомнил старик лошадь, сани молодость...

В сладких воспоминаниях он заснул.

– Зимняя ночь длинна, все успеем, – подумал Игорь и щелкнул кнутом. До полуночи въехали в поселок Ангарск, хотя от него осталось только название – восемь полуразрушенных хат и три жителя оставалось в этом селе.

Старик еще спал. Игорь, не будя отца, поехал против течения по правому берегу, затем съехал на реку и поехал по замерзшей реке. Не проехав три километра, лошадь вдруг стала, заржала и попыталась встать на дыбы. Старик проснулся. Игорь встал на облучок и оглянулся вокруг.

– Волки! – крикнул он в отчаянии. Волчья стая выбежала из леса. Немного задержалась, понюхав воздух, и стала окружать. Игорь ударил лошадь кнутом, хотел развернуться и спастись в селе, но лошадь с испуга опять попыталась встать на дыбы и отчаянно заржала. Старик из-под изголовья достал еще с времен революции наган... Волки все сжимали круг. Еще немного и начнется нападение. Раздались три

выстрела и три волка упали на снег. Круг распался, волки отступили, но потом опять стали приближаться к саням. Старик заметил вожака, который шел впереди и своим рычанием как бы призывал стаю к нападению. Надо было убить вожака, но его трудно было поймать на мушку. Но вот старик сумел прицелиться и выстрелить. Вожак остановился, лапой почесал голову, трижды покрутился на месте и опять пошел вперед. Волки пошли за ним. Они приближались. Теперь вожак шел впереди. Старик поймал его на мушку и спустил курок. Полчерепа взлетело на воздух и вожак упал на лед. Еще два волчьих трупа остались на льду для растерзания. Все кончилось. Волки в беспорядке побежали в лес. Старик спрятал наган.

Игорь, высвободив лошадь с саней и сев на нее, был готов спастись бегством. Но, когда увидел, что волки скрылись в лесу, смущенно сошел на землю и, подойдя к отцу, с благодарностью поцеловал его в лоб. Когда отец увидел высвобожденную с саней лошадь, то горько улыбнулся. Но ничего не сказал своему единственному наследнику.

– Впряги лошадь! – сказал он Игорю и подумал: «людям свойственно ошибаться»...

Игорь молча подчинился не то просьбе, не то приказу отца и подумал: «пока живет человек, думает о сохранении жизни».

Лошадь медленно шагала по льду, а люди думали свое. «Сегодня волки могли нас растерзать. Несколько лет назад здесь меня могла убить пуля, этим человечество ничего бы не потеряло. Но если бы я изменил какому-нибудь человеку, то могло погибнуть

несколько человек и погубить гениального человека – тем самым отбросить страну на несколько сотен лет назад. Если мы изменим друг другу – этим бессмертными не станем, и тем не прибавим себе жизнь, если убежим от опасности и спрячемся от собственных чести и совести. «Честность – наша внешняя совесть, а совесть – наша внешняя честность» и не одну не спросишь с того, кто их не получал от людей. Человек куется в жизненной борьбе, в счастье и несчастье, поражении и победе. Допущенная в молодости ошибка – большой урок в будущем, который не дано повторить богом.

И зачем только я нервничаю... будто у меня их много. Из кого выбирать наследника. Не все могут быть смелыми и иметь необычайную силу духа, благодаря которым можно осилить стоящие перед ними трудности. Кто поэт, а кто бандит. Для поэта легко описать преступление, но совершить преступление невозможно. Для бандита бесстрашие и безжалостность – единственные в профессии. И для человечества, и человеку в первую очередь, наверное, самоспасение, но не самопожертвование. Что за философские мысли лезут в голову! Я всегда думал о самопожертвовании и спасении других, а сейчас наоборот, не знаю, состарился или оправдываю чужую совесть».

Старик перегнулся через сани, достал снег, растер лицо, как бы очнувшись от навязчивых мыслей, оглянулся кругом. Все было знакомо, еще немного и показались две одинаковые вершины.

– Останови! – обратился он к Игорю. Лошадь стала.

– Потри лицо снегом! – сказал старик опять и продолжил. – Слушай внимательно. Видишь две вершины, под малой из них находится маленькая пещера. Разведи ней костер и уложи меня у него. хочу вспомнить старое и почувствовать душевное спокойствие.

Игорь беспрекословно исполнил желание отца. Разведя костер, уложил отца рядом с ним. Отец некоторое время лежал не шевелясь, потом вдруг встрепенулся и начал:

– Хочу рассказать тебе об этой пещере, только помни, что это тайна, а тайна должна принадлежать только одному, а не многим. То, что я сейчас скажу, это и тайна, и завещание, которое не выполнить нельзя. Может, стоило никому ничего не говорить и унести эту тайну в могилу? Об этом я много думал...

Клад, который находится в этой пещере, принадлежит народу. Колчак хотел употребить его для благосостояния народа, но не успел этого сделать. Может, ты сумеешь эту огромную сумму употребить целесообразно и для людей. Вот эта арка, в которой мы сейчас находимся, завалена на протяжении десяти метров, затем идут большие залы, а дальше, после одного километра, пещера делится на три. Две, слева, тут же близко кончаются, мы их употребляли под жилье. А вот справа идет длинная пещера, около десяти километров, и где-то имеет выход. В двух километрах от развилки пещера перекрывается. На каменной двери написана молитва «Отче наш», которую мы, две тысячи воинов, знали наизусть. За этой дверью никто еще не был, кроме адмирала Александра Васильевича. Там, за этой дверью, находится двенад-

цать сундуков, столько же мешков медвежьих шкур и несколько полевых вещмешков, полных золотом и драгоценными камнями. Когда начнешь открывать дверь, стань на колени, прочти написанную на двери молитву, перекрестись, попроси у бога прощения, пообещай жертвоприношение, а после этого поверни вниз головой каждую третью букву надписи и дверь откроется. Там сам увидишь, что будет...

– Да, но почему ты сам не воспользовался, если все это правда. Или зачем не заявил об этом правительству?

– Если бы я это сделал, меня бы расстреляли. Не то, что единомышленники, а и простые знакомые Колчака были арестованы и исчезли бесследно. Как ты думаешь, не лучше ли было мне быть рядом с твоей матерью, под теплым кровом? Но это было невозможно, гепеушники знали, что Марина – моя жена или любовница, и мое появление у нее – означало гибель для всей семьи, хотя много пытали ее и без моего появления. Гепеушники убедились в моей смерти и оставили ее в покое. Вот в этом месте были истреблены две тысячи человек. Взяли только Колчака, а о дальнейшей судьбе я уже рассказал тебе. Семья Колчака спаслась бегством во Францию.

Сохраненный горением и трудами, действительно истертый в трудах для народа трон Романовых, революция разгромила и выбросила в урну истории. Одетый в «кожанку», вооруженный наганом «народный комиссар» кричал:

– Россия с облегчением вздохнула! Самодержавная монархия пала! Настала долгожданная демокра-

тическая свобода! Теперь главное – не упустить эту прекрасную возможность построить прекрасное будущее.

Демократическая интеллигенция горячо встретила рождение новой идеи. Это были призывы, которые звали сплоченную под революционными флагами интеллигенцию на баррикады. Но это был так же невиданный и неслыханный доселе обман народа. Многие догадались и повернулись спиной к октябрю, но дорого заплатили за такую самовольность. Расстрел, каторга, ссылка... стали обычным явлением.

Колчак смело выступил против красного террора, поэтому его прах не был предан родной земле.

Раззадоренные расстрелом и истязанием своего родного народа, «народные комиссары» злорадно хихикали, искали новые жертвы.

Мы, русский народ, никогда свободно не трудились. Никогда и никак не смогли вполне развить свой ум и талант. Мы вечно стояли под ружьем и были готовы подчинить кого-то себе, сами же оставаясь в кабале. И кто это сделал нам? Все тот же русский народ! Которого можно сравнить с той волчьей стаей, от которой нам с трудом удалось спастись. По моему мнению, появление нового руководителя очень полезно для того, чтобы разбудить спящий русский дух. Идеями стойкого руководителя всего народа должны исполниться справедливые и смелые требования, должны родиться дремавшие долго деловитость и активность, и дать правильное направление народу к его будущему.

– Но почему ты ничего не сделал, если чувствуешь себя озаренным таким душевным настроем?

– Меня спасло чудо. Сегодня наше правительство трезво смотрит на вещи и если кто-то появится с новыми идеями – он погиб. Но эта осторожность скоро притупится и народ увидит обещания, построенные на лжи. Тогда должны выявиться новые движения к правде. Необратимо надвигается голод, разруха, приближение катастрофы. Именно тогда должна появиться новая дорога. Я завещаю тебе. Но может твои дети и внуки осуществят эту непредвиденную идею, и опьяненные сладкой «жизнью в коммунизме» люди протрезвятся, разрушат царство лжи, и пролетарские герои будут награждены ярлыком изменников, наступит вражда между народами...

Ты слушаешь и думаешь, что я сумасшедший, ибо сегодня и думать о моих словах трудно, но это будет! Обязательно будет. Свидетелем этого будешь и ты. Ты скажешь: прав был тот «сумасшедший старик»! Сейчас представители власти громят и губят рабочий класс. Они глушат рабочее движение и удаляют его от границы разумного, искусственно создавая трудные условия. Они так поступают с Россией, как с подопытным полигоном, народ для них животное, которому ученые-бактериологи вводят болезнь, чтобы животное в своей крови выработало противозидемическую вакцину. Но не думают о том, что голодное и замерзшее животное может проснуться, протрезветь, сорваться с цепи и погубить, истребить того, кто делает над ним опыты. От такого бездумного, неразумного опыта страдает, в первую очередь, рабочий

класс. А разгром рабочего класса – значит разгром сил лучших надежд этой страны. Для меня все равно, как ты меня назовешь: «изменником Родины» или «врагом народа», но помни: в стране экспериментов и фантазеров иначе не могу, ибо не безразличны для меня судьба рабочего класса и Родины. Мы все в силах вынести несчастье ближнего, но немногие имеют возможность вынести несчастье родины! Я отношусь к таким патриотам и унесу в могилу беды и несчастье моей Родины вместе с несбывшимися мечтами!

– Все-таки, какие цели были у тебя?

– Свобода!

– В чем выражается твоя свобода?

– Тебя надо заново воспитывать, ты так пропитан коммунистическими идеями, что, если ты не чувствуешь ее, значение свободы, то я погибну дважды, ибо не остается у меня наследника, продолжателя моих идей. Не хотел я говорить, но скажу, что видел тебя красивым, мужественным человеком, но этого недостаточно. Только в сотрудничестве с природой и судьбой можно стать любящим, понимающим Родину человеком. Свобода – это раздолье в прессе, на работе или на Родине, не существование низких или высоких слоев, уничтожение насилия, счастье или несчастье, которое является свободным посредником между жизнью и смертью. Вот, что я называю свободой!

– Ты сам чем не свободен, чего тебе не хватает?

– Как чего не хватает? Собственное имя не могу назвать, если назову – сразу объявят «изменником Родины» и убьют, не дадут мне дожить до естественной смерти.

– А как же должно быть, в государстве должен быть порядок, а не хаос. Убийца должен быть осужден.

– В Манчжурии воевал против японцев, защищая Родину, на Родине, как мог, устанавливал порядок, и я еще убийца? А те, кто на этом месте расстреляли две тысячи человек, поднявших руки и сдавшихся им в плен, не убийцы? Колчак, автор нескольких книг, изобретатель, исследователь, широко образованный человек. Кто сделал больше? Спрашиваю?

– Тогда иначе нельзя было! Революционное положение и железные законы диктовали новому правительству установление порядка.

– Репрессии, аресты и расстрелы без суда и следствия, это разве порядок? Неужели существует такое неблагоприятное положение, чтобы порядочный человек не понял и не разобрался в нем? Каждое положение можно обернуть для оправдания в свою пользу. Именно так случилось с Романовыми. Всю семью расстрелял их же бывший слуга Юрьевский. А, ведь Романовы на несколько столетий сохранили для России нацию, Родину, язык и веру. Так одним махом свалить их на свалку нельзя было, но чую, и их черед уже настает. Если ты хочешь мне возразить, то не надо. Не хочу, чтобы у меня изменилось мнение о тебе. Придет время, и я буду в твоих воспоминаниях правым. Ты живешь в такую эпоху, когда можно многому научиться. А теперь пойдём, скоро рассветет, а я не хочу, чтобы нас видели вместе.

Игорь впряг лошадь в сани, попробовал подруги и собирался ехать, но отец остановил его:

– Потуши огонь! Ветер может подняться, перенести искры в лес и вот тебе пожар.

Игорь улыбнулся, подумал:

– Правильно говорит старик, – и принялся тушить огонь...

Лошадь легко двигалась по замерзшей реке. Игорь не спал и весь отдался думам: «Кто этот человек? Неужели действительно мой отец? Неужели действительно он присылал регулярно посылки без обратного адреса? Неужели это его взор я чувствовал везде и повсюду? Кто он, откуда, что за человек? Одно ясно: он не оставит человека в беде. А я... нет, напрасно я горжусь, что я русский. Никто из другой нации, рода и племени не поступил бы так. Не оставил бы отца на растерзание волчьей стае... А я, я выродок из гнилой породы, выросший и воспитанный в болоте... Тьфу тебе!» Игорь в сердцах плюнул на свою тень. «Лучше не идти рядом с человеком, чтобы он не имел надежды, чем оказаться изменником и бросить его в беде! А он! Как он великодушен! Ни слова о моей трусости и измене! Будто и не видал, что я собирался удрать... Но что делать? Я воспитан в другом порядке. Будь у меня такой наставник, и я был бы похожим на него, но у меня не то чтобы родителя, а и учителя не было, который сумел показать мне, как смотреть на жизнь. Благороден этот старик! Мудр! От него ничего не скрыто. Его мудрость – пропорциональна его возрасту. Быть может, со временем таким же буду и я... Мать действительно по-коммунистически воспитывала меня: днем учила неправде, а ночью рассказывала сказки – и вот результат. Я гордился отцом, первым

летчиком, который погиб в Японии... орденов и наград было много, но она их где-то потеряла. Посылки, которые получали мы, были такими же, какие получали семьи других погибших воинов. А сегодня выясняется, что мой отец жив и семьи погибших в Русско-Японской войне никаких посылок не получали. Правду говорит старик; так же будет сорвана маска с лица коммунистической «правды» и люди увидят настоящую правду.

Лошадь остановилась у избы старика. Игорь сошел, взял на руки старика и внес его в избу. Было шесть часов.

– Позавтракаем! – сказал старик и начал раздеваться. На столе оказалось сало, чеснок, соленья, водка и черный хлеб. Прежде чем сесть к столу, старик подошел к восточному углу, где стояла икона Богородицы. Зажег свечку, прочитал молитву, перекрестился, поцеловал образ и сказал: «Сегодня Рождество Христово. В сегодняшний день, точно в это время явился Христос для спасения человечества. Да восславится имя Его! И если ты помянешь Спасителя человечества и возвеличишь его, пусть даже в лице Бога, от этого ты не пострадаешь».

«Что делать, такова судьба человека» – подумал Игорь и неловко перекрестился.

Позавтракали, выпили немного, а с водкой и говорить легче. Игорь рассказал о том, как рос, как учился, как прозывали его в детстве, что рассказывала его мать об отце, как женился. Рассказал и о своем первенце, что Наташка самая красивая и умнейшая девочка... Старик тоже вспомнил прошлое, но сыну

рассказал только сон, увиденный три дня назад: «Будто лежал я на кровати и рядом со мной лежал не то человек, не то робот – железный человек. Ему, роботу, трудно было встать – болел или какой-то части не хватало. Я с трудом поднял его на ноги, и он расплакался: видишь, мол, не могу, надо лечить меня. В это время открылась дверь и в комнату вползла огромная змея. На голове у нее был белый колпак, точно такой, какой носят доктора. Она подползала ко мне и испускала с открытой пасти яд. Мой железный друг преградил ей дорогу, но змея взмахом огромного хвоста отбросила его в угол. Приближаясь, змея что-то говорила мне, обдавая меня ядом и вонью. Я весь горел, но ничего не мог предпринять. Змея схватила меня за горло и стала душить... Потом все исчезло... Я открыл глаза и, обрадовавшись, что был жив, вздохнул с облегчением. Затем появился Колчак и стал упрекать меня в том, что только я и Овчинников изменили ему, а остальные находятся с ним. Колчак жаловался, что он дождался земли, за которую кровь проливал. Он так же сказал, что все, как и он утонули в воде, только Коля Овчинников и я остались живы. Потом повел меня на широкое, усыпанное цветами поле, где кругом слышно было щебетание птиц, и был накрыт большой стол, который ломился от яств. Мы ели и пили, потом пели и танцевали... Когда я проснулся, то почувствовал, что у меня жар. Если доживу до весны, обязательно пойду на то поле. Действительно зарежу там овцу и сделаю застолье. Утром мой слуга привел доктора и он стал меня лечить. Дай Бог ему жизни, кажется он в этом преуспевает – я поправляюсь.

– Сколько же ты спал? Такой длинный сон я в жизни не слышал, дай Бог, чтобы он тебе хорошо сбылся, – с улыбкой сказал Игорь и, будто сейчас вспомнив, спросил: – А о каком слуге ты говоришь?

– О том, который тебе письмо передал утром.

– Так ты говоришь о свободе и независимости людей, когда сам завел слугу?

– Человеку надо дать зарплату за произведенный им труд, и какое значение имеет, кому служит он? Ты работаешь на производстве, за созданную тобой продукцию дают тебе семь процентов ее стоимости, и ты это называешь свободой? А я своему слуге плачу сто процентов за затраченный им труд, а ты называешь его слугой. Я заболел, не мог растопить печку и убрать комнату. Разве плохо, что ты вошел в чистую и теплую комнату? Или лучше было бы, чтобы некого было послать за доктором и через несколько дней так и околел бы и нашли бы меня уже бездыханным разложившимся трупом...?

Рассвело... В окне забрезжил молочный свет...

– Пора расставаться. Не хочу, чтобы тебя здесь видели, – сказал старик, – утром и доктор придет. Ты выпишись и в полдень зайди ко мне.

Игорь пожелал доброго утра старику и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь...

Старик спал глубоким сном, когда доктор без стука вошел в комнату спящего.

Старик во сне почувствовал пронизывающий взгляд, поморщился и открыл глаза.

– Ох, доктор, вы пришли? – как бы извиняясь, сказал старик.

Доктор, не поздоровавшись, прямо спросил:

– Кто был здесь с санями?

Старика удивила такая бесцеремонность вопроса, но все же он ответил добродушно:

– Никто! Сюда никто не приходил!

– Как не приходил. На снегу хорошо видны следы мужской обуви.

– Повторяю, сюда никто не приходил, а если и приходил, то что вам до этого?

– Я хочу знать тайну клада, которую ты вчера открыл молодому человеку!

– Если ты узнаешь ту тайну, то она уже не будет тайной. Тайна только та, когда ею владеет один человек. Второй – лишний, а третий – слишком много! Тайна моя и кому хочу, тому и открою, но раз ты так настойчиво требуешь – скажу тебе:

– Старый человек всегда думает о смерти, и так как я тоже не бессмертен, то завещаю: когда умру, похороните в церкви Святого Георгия, сделайте ограду вокруг могилы, и каждый церковный праздник режьте овцу...

– Не придуривайся, старик, я вчера все слышал, и нет смысла твоему молчанию!

– Тем более! Если все подслушал, то чего еще просяшь, не понимаю!

– Лично хочу выслушать, чтобы твои показания использовать надлежащим образом. Может эта игра и не стоит свеч, но человек любит копаться в чужой душе, и ты мне все скажешь, пока я силой не заставил тебя рассказать обо всем!

– Если я не хочу, то сам Бог не заставит меня заговорить. Тем более, что мне нечего сказать.

– Заставлю! – со скрежетом зубов произнес доктор. Он поднял одеяло и так ударил по ступне старика, что тот взревел нечеловеческим голосом. Старик повернулся и достал из-под подушки наган.

– Убирайся вон! – надтреснутым голосом сказал старик и прицелился, хотя хорошо помнил, что все пули израсходовал в борьбе с волками, а сейчас барабан был пуст. Доктор отскочил, замер, но увидев, что барабан пуст, злорадно усмехнувшись, бросился к старику. Он одним прыжком навалился на старика, выхватил с изголовья подушку и накрыл ею лицо старика. Всего около минуты боролся старик. Потом вдруг вытянулся и замер... наган выпал из его руки. Железо, упавшее на пол, испугало доктора, он ткнул наган ногой и отбросил его в угол. Потом встал, плеснул в лицо воды, поднял наган и, повернув барабан, усмехнувшись, сунул его за пояс.

... В отделение милиции быстрым шагом вошел доктор и на стол начальника положил коротко написанную объяснительную записку:

«Я, участковый врач Иван Иванов, член коммунистической партии, в селе ... лечил Анатолия Соловьева. 7 января сего года пришел к нему, как обычно, на квартиру. Старик оказался задушенным подушкой. Двери дома убийца оставил открытыми. В комнате на столе были видны следы пиршества, где, должно быть, сидели два человека. На столе стоит бутылка самогона. Во дворе заметны следы саней».

Объяснительная записка была заверена подписью. Срочно была создана оперативная группа, которая быстро прибыла на место происшествия. Были взяты

отпечатки пальцев на бутылке и стаканах, обследован труп и сделано заключение, что смерть наступила вследствие удушения подушкой. Оперативная группа пошла по следу от саней. Следы привели к дому Игоря. Сразу осмотрели конюшню, лошадь и сани. Все говорило о том, что следствие идет по правильному пути. Игоря застали спящего. Пока он пришел в себя, на руках у него уже были наручники. Ошеломленного Игоря забрали в отделение и заключили в неотапливаемую, грязную камеру. На третий день два милиционера повели его на допрос. Игорь предстал перед человеком с тремя звездами в петлицах. Тот довольно учтиво принял его:

– Садитесь, – указал он на стул, стоящий в углу и представился:

– Я следователь Валериан Волков. Мне поручено расследовать совершенное вами преступление, собственно убийство. Если вы против меня имеете какие-либо претензии, можете дать мне отвод.

– Извините, товарищ следователь, о каком преступлении говорите вы и о каком убийстве идет речь, я не понимаю. Я никого не убивал и не думал убивать.

– Знайте, чистосердечное признание преступления облегчает приговор.

– Я никакого преступления не совершал ни перед кем.

– Вы были или нет на санях у старика Анатолия Соловьева 6 января ночью, то есть 7 января на расвете?

– Да! – согласился Игорь.

– Там вы немного выпили. Затем старик прилег, ты

был выпивший и думал, что у старика были деньги, взял и задушил старика подушкой.

– Что? Старик мертв?!

– Не прикидывайся. Мы, коммунисты, видим, что делается в недрах, и тут от нас ничего не скроется.

– Кто сообщил о смерти старика?

– Вот объяснительная доктора Ивана Иванова, он первым нашел старика задушенным.

Игорь вспомнил рассказанный стариком сон: «змея в белом колпаке» и переспросил следователя:

– Простите, но, может, врач совершил эту подлость?

– Как будто приготовился, конечно, преступление продуманно заранее. Но нет мудрости в твоём расчёте. Доктор достойный человек, порядочный, член коммунистической партии, и не только убивать – врать и то не посмеет. Он не убийца, а лекарь, понял? Лекарь! Далее, зачем ты приходил к старику?

– В гости пришел, мы немного выпили, приблизительно в восемь часов утра я ушел домой.

– Вот это и напиши, что не отрицаешь и подпишись.

... Игорь написал, подписался и тут началось... зачем пришел, почему выпил, что делал до утра, и что главное, зачем убил!

Несмотря на физические, моральные и душевные мучения, Игорь вел себя стойко и не говорил ничего, кроме того, что было в действительности. Со стариком его связывало давнее знакомство, и в ту ночь он был у него в гостях.

Через месяц состоялся суд. Зал суда был переполнен – шутка ли, судили убийцу!

Первым был допрошен свидетель Иван Иванов, который слово в слово повторил содержание объяснительной записки. После врача вышел адвокат, слова которого вообще возмутили Игоря:

– Уважаемые судьи, мы все хорошо знаем, что перед нами находится опасный преступник, но не существует такого преступления, которому нельзя было бы отыскать оправдания. Я попытаюсь бесспорными фактами оправдать и поднять со скамьи подсудимых обвиняемого.

Как видно из показаний, обвиняемый несколько лет знал пострадавшего. Их знакомство, по-моему, было связано любовью к алкоголю. Той несчастной ночью они пили до утра самогон и беседовали. Не исключено, что беседа переросла в спор и, уважаемые судьи, алкоголь сделал свое... Молодой человек не смог сдержаться и совершил убийство. Уважаемые судьи! От вашего опыта, глубокого ума не скроются ошибки, допущенные следствием, и, вынося приговор, вы будете иметь в виду, что преступление было совершено во время алкогольного опьянения, и вы великодушно облегчите преступнику наказание!

Игорь на смог стерпеть и, вскочив, крикнул:

– Я не преступник, я не убийца!

Судья позвонил в колокольчик в адрес Игоря и сказал:

– Вам будет предоставлено право последнего слова.

После адвоката встал прокурор:

– Уважаемые судьи! Товарищи! Перед вами сегодня стоит преступник, совершивший уголовное

дело, которого надо судить в соответствии со сто второй статьёй, пункт три. Предварительным следствием доказано, что преступление было совершено под воздействием алкоголя, и что преступник сделал это садистски. Сегодня мы живем в гуманном, в недалеком прошлом рожденном советском обществе. Много было пролито крови, чтобы человек мог свободно работать и жить. Но недобитые террористические группы проливают невинную кровь. Уничтожают и поливают грязью завоеванную Октябрем великую свободу. Мы знаем, что у каждого деяния есть свои последователи. Мы делаем добрые дела и возвеличиваем правду! В дореволюционной России правда была за семью замками. Великий Октябрь разгромил эти тюрьмы, освободил правду, но мы никогда не оправдываем убийц, грабителей, бандитов и других изменников Родины разных мастей. Да, я всех убийц считаю изменниками Родины. Он отобрал жизнь у больного, трудящегося человека.

– Уважаемые судьи! Мне трудно себе представить, не то что говорить об этом. Как можно убить человека! Я прошел огненные дороги революции, воевал с белогвардейцами, а так же с такими бандитами, как он. Но, товарищи, мы победили, а после победы надо уничтожить всякое преступление. Я требую, преступника, стоящего перед нами, осудить по статье сто два, пункт три, что предусматривает 25 лет каторги и 5 лет ссылки.

Зал наградил «гуманное» решение прокурора овацией, а для Игоря будто потолок обвалился, отнялся язык и в ушах стало звенеть.

Судья, позвонив колокольчиком, успокоил людей в зале и обратился к Игорю:

– Даем вам право последнего слова!

Игорь встал и, забыв все приготовленные слова, все-таки начал:

– Я не виноват, я не убивал старика, не был я пьян и не страдаю алкогольной зависимостью. Только одно для меня ясно: очень скоро исполнилось предсказанное мне стариком... Я вижу, что судят меня убийцы, и судят со всей строгостью, чтобы смыть кровь со своих рук. Говорите о «гуманном советском суде» и не спрашиваете, почему у меня нет ногтей на пальцах. Может, я так и появился на свет без ногтей? И о том не спрашиваете, почему сюда меня привели на костылях, где сломал я бедренную кость? Уважаемый мой защитник и глубокоуважаемый прокурор выступили и говорили о любви к человеку, будто революцию совершили для благосостояния людей. Я тоже так думал до сегодняшнего дня. А сегодня ясно вижу как обгарены людской кровью кресла карьеристов. Как отлитые в одном калибре, две фигуры судят меня. Один мой защитник, а второй – обвинитель, но удивительно то, что говорят они оба против меня, только с той разницей, что один требует сурового наказания, а второй облегчения приговора. А о настоящей правде преступления никто не спрашивает. Ясно видна правдивость народной мудрости «собака собачью шкуру не рвет». Но невыносимо то, что мою и мне подобных, шкуру рвут те, кто сами носят собачью шкуру. Я не обращаюсь к «многоуважаемому» суду и «высококочтимому» прокурору, я говорю здесь сидящим

людям, что я не виноват, я не убийца. Именно сейчас надо громко сказать об этом и выяснить истину, а то убийцы не насытятся кровью и, завтра или послезавтра, кто-нибудь из вас попадет в мое положение.

– Правда, со стариком меня связывала давнишняя дружба и любовь, часто ходил к нему. Старик был мудр, и мне нравилось его мудрое отношение к жизненным вопросам. Я и сегодня не верю, что он мертв, и я больше не услышу его. Предварительное следствие причинило мне такое мучение, что я мог взять на себя даже убийство президента. Но эти мучения я вынес потому, что не хочу моими руками и словами убить старика, вообще не хочу представить его смерть. Все время спрашивают, почему я был до утра у старика. Десятки раз говорил и повторяю: старик был болен и я не мог оставить его одного. Утром старик ждал доктора, и температуры уже не было. Уже рассвело и я, оставив его, пошел домой! Это правда! Если хотите лжи, то я ее сам не скажу. А если вам приятно выслушивать лживое обвинение, то перед вами лежит полная папка, для кого смешных, а для кого убийственных признаний.

...Уже месяц, как я ищу в железной камере и сейчас только нашел возможность для больших раздумий. Превращенный в робота, я топтал только дорогу к работе. Забота была одна: – достать кусок хлеба. Находясь за железными дверями камеры я познал одну истину, которую не узнал бы, стоя в очереди за хлебом.

– Так как клетки моего мозга хорошо заработали в заключении, хочу поблагодарить «глубокоочтимо-

го» прокурора и спросить: Не вы ли тот «народный комиссар», который 18 лет назад, облаченный в кожаную куртку гарцевал на черном коне с наганом в правой и нагайкой в левой руке? Может, вспомните сельского учителя, старого «мудрого», который бесплатно обучал детей? Что вменяли ему в вину? Мол, детей обучаешь антиреволюционным идеям! Пусть так и было. Какое вы имели право расстреливать его на месте, без суда и следствия, перед его учениками? Я же сам свидетель этого преступления. Я один из его учеников, которые спаслись от ваших пуль. Сегодня выступаете в другой маске и говорите о дружбе и братстве людей.

Прокурор не выдержал, вскочил с места и заорал:

– Все обманывает, врет этот негодяй! Прикажите сесть, не то вырву ему язык!

Будто ничего не случилось, Игорь продолжал:

– Гражданин Николай Максимович Чернов! Если не ошибаюсь, так звали вас во время «народного комиссарства», вы сказали, что революция принесла вам свободу слова, счастливую жизнь и свободу во всех сферах. Если у нас свобода слова, то когда вы говорили мое лживое обвинение, я вам не мешал. Теперь повремените и дайте возможность сказать правду, которая мне, я уверен, не принесет никакого снисхождения, но для обреченных является очищение души покаянием. И я хочу, чтобы вы лишились спокойного сна, ибо вы думаете, что никто не узнает о ваших преступлениях...

– Хорошо, о старике «мудро» ничего не скажу, но, может быть, что-нибудь скажете о семье Ковальчук?

Скажите, какова судьба этой несчастной семьи? Конечно, меня больше интересует судьба детей – они были моими ровесниками и, Вы в этой «операции» не только участвовали, а даже командовали ею. Может, что-нибудь скажите о Боголюбовых, которых заперли в своей же избе и подожгли!

Прокурору вновь изменили нервы, он выхватил пистолет немецкой марки и размахивая им кричал:

– Уберите его в камеру! Я научу этого негодяя разговору!

Игорь с измученным лицом смотрел на прокурора, будто для него было все равно: его убьют или он умрет, и, не обращая внимания на прокурора, продолжал:

– Теперь, господа, может, хотите послушать о судьбе, о его «борьбе» для нашего благополучия? Слов нет, сама должность говорит за себя. Он выше прокурора, значит и большую лепту внес и больше истратил пуль, чтобы мы жили в такой «прекрасной» эпохе в какой живем сегодня...

Вдруг секретарь суда встал и объявил:

– Суд удаляется для вынесения приговора!

Через час тот же секретарь объявил:

– Встать, суд идет!

Судья доложил суду:

...Судебная коллегия признала виновным Игоря Анатольевича Кузнецова (Игорь носил материнскую фамилию по определенным причинам) по статье 102 пункта три за умышленное убийство Анатолия Дмитриевича Соловьева и приговорила Игоря Анатольевича Кузнецова к 25 годам лишения свободы с отбыви-

ем срока наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима и к 5 годам ссылки на север после отбытия наказания!

Судья быстро закрыл папку и так же быстро оставил зал суда. Игорь горько усмехнулся. Его слова остались «гласом вопиющего в пустыне».

Доктор оказался одаренным следователем. Следы саней ведущие от дома старика, вели к дому Игоря, но следы ведущие от дома старика вели и в противоположную сторону. Значит старик куда-то водил Игоря, наверное, для практической передачи этой «тайны» или «тайного завещания». Когда оперативная милицмейская группа из 6 человек подошла к дому Игоря, доктор, не теряя времени, пошел по следу, ведущему к дому старика. Следы, обойдя деревню, шли к лесной тропе, затем вдоль леса. Когда доктор увидел, что следы ведут далеко и ему не достичь быстро своей цели, он вернулся в село, нанял лошадь, запасся едой и вновь двинулся в путь. У поселка Ангарска потерял санный след, но и здесь он проявил талант аналитика. Обойдя село, он нашел следы, ведущие к северу и пошел по ним. В одном месте увидел следы волков и много крови на снегу... Вечерело, и он не решился идти вперед. Доктор вернулся в поселок Ангарск и постучался в первую же избу. Выглянула старушка, но при виде незнакомца захлопнула дверь перед его носом, испуганная «народными комиссарами». Доктор постучал еще раз и начал убеждать старушку, что он не опасен и его нечего бояться:

– Мамаша! Я врач, честный и порядочный человек, коммунист. Хочу только переночевать, а утром рано уйду!

При упоминании коммуниста, старуха стала причитать и звать на помощь какого-то Андрея, затем закрыла дверь на засов и заставила ставни.

На другом краю села доктор заметил дым из трубы и пошел туда. Хозяин оказался сговорчивее и впустил в избу с условием, если гость захочет полежать на печи без постели.

...Доктор достал из сумки еду и выставил на стол бутылку самогона. Хозяина не пришлось долго приглашать. После первой рюмки он рассказал, что хозяйка, не впустившая доктора в дом, вдова, у которой расстреляли мужа и двух сыновей, обвинив их в «единомыслии с Колчаком». Затем хозяин умолк, хотя рад бы был поговорить с новым человеком, но он боялся чистосердечного разговора. Кто знает, что за человек этот пришелец! Может вовсе не врач, а работник безопасности! Проведает сегодня что-нибудь, а завтра наденут кандалы и отправят подальше...

Стук стакана вывел хозяина из раздумья. Доктор высокопарными словами описал заслуги коммунистической партии и особенно отметил ее лидеров, предложив тост за них. Хозяин догадался, что гость коммунист и в душе рассердился на себя, что впустил на ночевку неизвестно кого. В это время в хату вошла женщина средних лет, а за ней девочка лет четырнадцати.

– Хозяйка дома, а это дочь моя, – представил их хозяин гостю. Доктор с почтением встал и, кивнув головой женщинам, пригласил их к столу. Хозяйка принесла соленую капусту, сала, вареную картошку в мундире. Потом придвинула скамейку к столу и обе примостились на ней. Проголодавшиеся мать с доче-

рью с аппетитом ели. Доктор предложил тост за прекрасные создания природы. Хозяйка зажеманилась, но опорожнила стакан, а дочка наотрез отказалась.

– Никогда не пила и не попробую, – говорила она, но врач проявил свое ораторство, и девочка попробовала водку. Вначале ей стало не по себе, но когда тепло разлилось по всему телу и стало приятно, она пила без принуждения. Теперь не надо было упрашивать ни мать, ни дочку. Запели, потом стали танцевать все четверо. Во время «танго» гость танцевал то с хозяйкой, то с дочкой, поднимая ее на руки и прильнув к ней грудью.

Теперь стаканы опорожнялись без разбору... Хозяйка несколько раз заметила, что гость сам мало пил, а их угощал. А хозяин все пил да пил и скоро его пришлось на руках отнести к печке и уложить на нее.

– Пойду посмотрю, как чувствует себя моя лошадь, – сказал доктор хозяйке. Она накинула шубу и вышла с ним. На сеновале их губы встретились...

Через некоторое время хозяйка сладко заснула. Доктор встал и вошел в хату. Девочка, накрывшись шубой, спала на топчане. Гость приблизился, поддел руку под шубу, пощупал зародившуюся девичью упругую грудь. Девочку бросило в сладкую дрожь.

– Кто ты, не прикасайся! – шепотом сказала девочка.

– Это я, жизнь моя! Не бойся, все будет хорошо! – Затем одурманил ее страстными поцелуями и даже девичий легкий крик не разбудил спящего хозяина, мерный храп которого слышался с печи.

Передохнув, еще раз прильнул к свежим, горячим девичьим губам.

– Дай передохнуть, все болит, – шепнула ему девочка.

– Еще раз, и потом не буду больше, потом отдохнешь...

Через некоторое время притих, накрыл девочку шубой, поцеловал и вышел.

Легко отыскал в сене хозяйку. Лег рядом.

– Где был? – спросила она.

– Шубу принес, замерз! Он укрыл шубой и ее. Потом молча отыскали их губы друг друга и...

Утром рано встал доктор, но хозяйка опередила его пробуждение. Она вскочила, протерла глаза и повисла на шее гостя.

– Опаздываю, я должен идти!

– Еще приходи в гости!

– Обязательно!

Она помогла ему оседлать коня и проводила его со двора.

Девочка при появлении матери спросила:

– Где наш гость?

– Ушел!

Девочка начала рыдать... Для матери были понятны слезы дочери, но она ничего не сказала и, погладив по голове, прошептала про себя «от этого не умирают».

Следы саней привели доктора к пещере. Вот и потушенный костер доказывал, что тут недавно были.

Он с археологической скрупулезностью обследовал вход пещеры и заключил, что вход был завален, и стал составлять план, как проникнуть вовнутрь. Здесь обязательно дело касалось «тайного завещания», – подумал он и заключил: КЛАД.

Доктор обошел все вокруг и запечатлел в памяти. А действие он отложил до весны и решил все сделать без сообщника.

Солнце светило холодно. Он еще раз остановился у того места, где были следы волков и кровь.

– Добрые волки, – громко обратился он к самому себе, уверенный, что его никто не слышит.

– Неужели волки более жестоки, чем люди? – Думал он, – волки ходят стаями, голодают месяцами, но друг друга не едят, пока какой-нибудь из них не погибнет случайно. А мы, люди, напротив, живые едим друг друга. а когда умираем, – сетуем и оплакиваем слезами: какой был хороший человек!

Человек вместе с физической силой употребляет и умственную силу и тем самым побеждает всякое млекопитающее, в том числе и человека...

... Показалось село. Доктор подался к лесу и поехал по тропе. За два часа он объехал село и, найдя тропу, опять двинулся по ней.

Волки тоже так делают. Село, где они зарежут лошадь или корову, потом долго обходят стороной. Наверно волки тоже размышляют, или это инстинкт.

«Многим не понравились тезисы вновь созданного правительства, но в действительности все правильно, – опять предался мыслям доктор, – работающего человека надо держать в страхе и покорности, чтобы он по крайней мере создал столько, чтобы хватило неработающим руководителям.

Крестьянство – маленькая речка, которая легко мутится и ее впадение не ускользает от большой реки, но присоединение маленькой мутной речки не мутит

большую реку – опасно, чтобы маленькие речки не помутнели вместе, не то большая река тоже не останется чистой и... не дай бог...»

Доктор вернул лошадь хозяину, поблагодарил его и довольный вернулся домой.

... Наступала весна, но по утрам было еще очень холодно и мороз пронизывал до костей.

На рассвете к врачебной амбулатории пришел человек в шубе. Черная борода и усы его были с проседью. Доктора в амбулатории не оказалось и пришелец, подняв воротник, двинулся к дому доктора.

– Помоги доктор. Ребенок живот болит. Весь ночь он не спит, и мы не спим, – сказал он на ломанном русском языке.

– Ух! Черт не русский! Таракан черный! – пробурчал доктор и, не спеша, стал одеваться.

Чернобородый ждал и с каждой минутой прибавлялось его нетерпенье.

– Ты еще здесь! Я думал, что ты ушел, зашел бы в дом, – с показным огорчением сказал доктор пришедшему, – на дворе холодно, а ты без шапки.

– Шапку вообще не надеваю – волосы теплые!

– Как звать тебя?

– Агай!

– Так вот Агай! Где у тебя больной ребенок?

– Дома, доктор!

– Ты же знаешь, его надо привезти в амбулаторию.

– А может пойдешь дома. Ребенок очень больной. Может по дороге... Я очень боюсь!

– Нет! Где у меня столько времени, ходить по селу к больным! Через час если не привезешь сюда, потом

меня не будет, я уйду. И сейчас для тебя пришел, надо же понять!

Не прошло и часа как у амбулатории остановились сани. Агай взял с саней на руки мальчика, лет двенадцати, и, толкнув дверь амбулатории ногой, внес ребенка к врачу.

– Спросить надо разрешения! – сердито сказал доктор.

– Извини, доктор! Очень больной ребенок! Знаешь, когда родной сын больной...

...«Неужели они тоже умеют по-родительски любить», – подумал доктор, и снял шубу, чтобы одеть белый халат. Агай заметил позолоченную рукоятку нагана, которая торчала у доктора за поясом и, сразу узнав свою работу, вспомнил старого Анатолия и вздрогнул.

Ребенок извивался на руках у Агая от боли.

– Сюда положи! – указал доктор, на топчан. Потом внимательно обследовал его и обернувшись к Агаю сказал:

– Ничего! Ребенок просто простужен. Дай ему эти таблетки и напои горячим чаем и все пройдет!

Агай поблагодарил его и поставил на стол полную бутылку самогона. Доктор быстро спрятал бутылку в сейф, и запер его.

Ночью ребенку стало еще хуже. Сперва его ломило и знобило, затем он стих, губы побледнели, ногти почернели, ноги стали холодными. Нельзя было ждать. Агай впряг своего коня в сани и во весь опор понесся к районной больнице.

В приемной районной больницы за столом дежурный доктор что-то писал, когда Агай без спроса внес

на руках ребенка. Доктор немедленно осмотрел ребенка и сказал Агаю:

– Крепись! Очень опасное положение. Лечение запоздало. «Аппендицит», «слепая кишка» у него лопнула. Пошло заражение крови. Развился перитонит. В таких случаях мы бессильны. За два-три часа мы еще что-то смогли бы сделать.

Потом Агай ничего не помнит.

С помощью санитаров ребенка увезли в реанимационную.

Через час ребенок умер...

Агай совсем потерял покой. Он ходил как лунатик, он видел перед собой то сына, то старого Анатолия.

Значит, Игорь действительно сидит ни за что, – думал Агай. – Интересно, зачем, для чего убил Анатолия врач? Неужели из-за нагана. А другое, что могло быть! Или что мог Анатолий сделать, этот мудрый и добрый старик, чтобы его предать смерти. Или в чем виноват Игорь, который сидит без вины? Нет! Тут что-то кроется и это что-то я должен найти! Надо сперва невинного Игоря вызволить! – эти думы сверлили Агаю разум и не давали ему покоя. Агай теперь может быть больше страдал, чем Игорь.

Через неделю после смерти сына, Агай сидел в кабинете начальника районной милиции и говорил:

– Начальник! Наверное помните, как месяц тому назад судили Игоря Кузнецова, как убийцу старика Анатолия Соловьева. Хороший был человек, Анатолий. Мудрый, добрый и предусмотрительный. Не все могут так хорошо встретить старость, как это сделал Анатолий. Но я пришел не об этом говорить. Мертво-

му не поможешь, хотя невинно пролитая кровь тоже требует ответа. Я считаю, надо спасти первым делом, живого человека, если он без вины мучается, чтобы быть чистым перед своей совестью.

– Коротко, коротко расскажи, что хочешь, за чем пришел, – сказал майор.

– Начальник, я хочу сказать то, и доказать, что Игорь не виноват!

– Откуда взял ты материалы для опровержения советского следствия и для сомнения в правильности приговора советского суда?

– Я позолотил рукоятку нагана Анатолию Соловьеву, этот наган недавно видел у доктора. По моему мнению, следствие допустило ошибку. Откуда оказалось в руках доктора оружие Анатолия Соловьева?

– Эх, глуп ты, Агай! и думаешь, что я тоже дурак! Дело закрыто, человек осужден, и неужели ты думаешь, что теперь следственные органы и вся судебная коллегия дадут усомниться в своих действиях, чтобы оправдать одного человека?

– Неужели это образование, ум и посты вам нужны для того, чтобы еще смелее совершать преступления, убийства, изнасилования и разбои! – сказал Агай.

Майор вспыхнул и крикнул:

– Напиши все, что рассказал и мы рассмотрим. Не думай, что за изготовление и дарение огнестрельного оружия тебя по головке погладят.

– Я не изготовлял оружия, я только позолотил, и даже если и изготовил, то за это я отвечу, только, чтобы невинный человек не сидел в тюрьме. Жалко!

– Хорошо! Ты сказал позолотил, а откуда у тебя золото.

– Золото принес Анатолий. Моя была только работа.

– Хорошо, хорошо! Все это будет выяснено. Напиши все и оставь.

– Я не знаю писать, начальник!

– А что знаешь? Шпионить и интриганить можешь? Сейчас я напишу, и ты подпишешь.

– Я не знаю читать, и как я узнаю, под чем вы мне дадите подписаться?

– Как, не доверяешь? Мне правительство верит, а ты объявляешь мне недоверие. Сейчас же убирайся вон! И поблагодари бога, что не отправляю тебя к твоему Игорю.

Ошеломленный Агай вышел из кабинета начальника милиции. А майор нажал кнопку и сразу к нему вошли два милиционера.

– Сейчас из моего кабинета вышел черный цыган, догоните, сведите в первый номер и так поговорите с ним, чтобы он перестал вспоминать прошлое и не захотел помнить настоящее!

Приказание было незамедлительно выполнено. Бедный Агай отказался от своих показаний, а так же от знакомства с Анатолием Соловьевым. На второй день с вывихнутыми руками отпустили его домой.

Цыгане, свободные, не признающие господства люди, и не удивительно, что Агаю покоя не давало желание мщения. Он не спал ни днем, ни ночью, следил за каждым шагом доктора, с той надеждой, чтобы самому узнать правду и наказать зло.

После известного допроса Агая прошло около недели. По словесному вызову начальника милиции, в кабинете у него сидел доктор, который на всякий случай, положил в шубу две бутылки водки и теперь слушал майора.

Молодой человек! На тебя жалоба, что ты носишь огнестрельное оружие системы наган, и что-то было сказано о старике Анатолии Соловьеве!

Доктор вздрогнул, что не ускользнуло от внимания майора, но он не подал вида и спокойно стал дожидаться ответа.

– Неправильная информация, товарищ начальник! Мое оружие – это аппарат для измерения давления и, если кто-нибудь вам об этом сказал, то да, он у меня есть.

– Не умничай и других не считай дураками. Меня не устраивает новое расследование. Так как и мне может попасть, и даже могу потерять службу. Поэтому советую как коммунист коммунисту: если есть оружие, то умей хранить!

Доктор из кармана достал две бутылки и поставил под стол майору.

– Ух! В чем дело! Не надо так сильно беспокоиться. Ну, хорошо, хорошо, с сегодняшнего дня будем друзьями!

– Ну, будьте здоровы! – они по-мужски пожали друг другу руки, и врач тихонько вышел из кабинета.

Агай чувствовал, что против него что-то замышляется, он не был бы цыганом, если б не чувствовал приближение беды.

Да и выкрученные руки все болели. А от местных начальников всего можно было ожидать. Но и ухо-

дить так не хотелось, чтобы не отомстить кое-кому. Он следовал за доктором по пятам, но никак не мог поймать его в капкан, да и доктор был осторожен.

Был конец апреля. Лед стал таять, начался ледоход. Агай как всегда сунул свой кнут за широкий пояс и стал в бинокль выискивать доктора. Была суббота. Доктор отдыхал и Агай чувствовал, что доктор может куда-нибудь уйти. Действительно, Агаю не долго пришлось ждать. На серой лошади доктор выехал со двора на дорогу. Агай немного переждал, а потом лесом, не выпуская доктора из вида, последовал за ним на своем верном Соколе.

Доктор, точно чувствуя слежку, часто оглядывался и осматривался вокруг. Так они шли 3-4 часа, потом доктор спешился, еще раз осмотрелся кругом, привязал лошадь у пещеры и вошел в нее. Агай на минуту потерял доктора, но потом вновь увидел его на вершине у входа в пещеру. Видно было, что он что-то измерял, прикидывал, считал... Агай тоже спешился, и оставив лошадь на месте, двинулся к пещере.

– Что тут делаете? Не призвали ли души погибших! – громко сказал доктору Агай. Тот вздрогнул, растерялся, не ждал кого-нибудь встретить здесь, но быстро нашелся и молниеносно выхватил наган, но еще раньше просвистел в воздухе кнут Агая и револьвер упал на скользкий берег реки.

– Агай, что ты делаешь? – теперь уже с мольбой сказал доктор, а сам косился на недалеко упавший наган.

– Зачем убил старика Анатолия? Что он тебе сделал плохого, лекарь? – и вдруг раздался свист кну-

та. – Что тебе плохого сделал Игорь, которого ты упрятал в тюрьму? И еще раз свистнул в воздухе кнут. Доктор упал на землю и скатился к берегу, потянулся к нагану, но в это время треснул лед и доктор провалился в воду. Доктор тщетно старался ухватиться за льдину, но глыба каждый раз переворачивалась, и доктор оказывался под ней. Он еще раз всплыл, держа в руке наган, теперь пытался схватиться за другую льдину, но и она перевернулась и накрыла собой доктора... Больше доктор не показывался.

Агай сел на берегу, набил трубку и задымил, успокаивая нервы. Потом долго смотрел на реку, держа во рту потухшую трубку. Встал, отвязал лошадь доктора и вогнал ее в реку. Лошадь, испугавшись ледяной воды, хотела выйти на тот же берег, откуда ее согнали, но кнут настиг ее, и она поплыла к противоположному берегу. Агай спокойно смотрел на бедное животное. Потом, наверное, лошадь замерзла и потерялась среди льдов... Агай привязал уздцы к седлу своего Сокола и пошел, теперь уже спокойно, по тропе к селу...

Человек сидит в тюрьме и отбывает наказание за содеянное преступление. Он сожалеет, раскаивается и проклинает все на свете и самого себя. Но каково человеку, когда сидит он за преступление, не совершенное им? Он проклинает все на свете, и свое появление на этой грешной земле, подумывает в минуты огорчения о высшей мере своего «самонаказания», самоубийстве, но если он человек стойкий и волевой – думает о мщении и этим живет.

Именно этим желанием жил Игорь. Его единственной целью жизни, теперь стало выжить, а затем найти настоящего преступника и наказать его.

Шли годы мучений, голода, холода, унижений и притеснений. Игорь знал, что 30 лет – это почти вся жизнь для человека и если он хочет выполнить свою цель, то надо бежать. Думать о побеге можно легко, но бежать из лагеря, который охраняет лагерная охрана с обученными овчарками, да еще в тайгу, где ближайший населенный пункт в двухстах километрах, почти невыполнимо. Допустим, отсюда сумел улизнуть, ну, а дальше? Куда идти? Где можно спрятаться от «закона»?

Игорь многое слышал о верности грузин, об их гостеприимстве, мужестве и выносливости. Слышал и то, что если бежавший арестант достигнет Грузии, то его найти и арестовать будет невозможно. Он знал, что не один он сидел без вины. Таких, вероятно, было больше половины. Поэтому Игорь решил познакомиться с кем-нибудь из грузин и подружиться.

Существуют такие переживания, которые человек не сможет вообразить, не выскажет и не сможет описать. Увиденное глазами, неопишанное и не высказанное мучение или радость заставляет пережить человека тайга. Никогда не пронизанная лучами солнца, туманная и скрытая, как сердце арестанта, будто безжизненная и безрадостная, тихая и мирная, вдруг взрывается автоматной очередью, за которой может последовать вопль обреченного... Каждый заключенный превращен в робота. Ну как можно поверить, что в 40–45 градусном морозе человек работает голым по

пояс! А в действительности это так. Лесоруб при работе сначала снимает теплую шубу, потом телогрейку, и под ним нательную рубашку; так и течет потом. Остановись, и мороз мигом схватит одежду и тело, а там, бог знает, что случится! Еды именно столько, чтобы робот жил, выполнял дневную норму, это не фантазия, это так! Я видел прозрачного человека, от которого пахнет трупом, но он живет.

...Тайга похожа на море. Безмолвна, задумчива. Никто не скажет, жизнь скольких людей она унесла и, я бы сказал, жизнь действительно больших людей. Они были рождены для больших дел, но их гибель отбросила страну надолго назад.

Вон тот, который размахивает топором и без конца не то поет, не то плачет... «Руки привыкли к топору» – это Игорь. Он маленький мужчина, он не опасен. Он больше похож на комара, который, когда сядет на руку, то и отогнать его ленишься. А вот тот, который пилит, срубленное Игорем дерево, тот голова, образован, боролся с неправдой и сюда привели, чтобы притупить его головной мозг. Другой мне не знаком, а надо бы познакомиться! Кто он, откуда?

Давайте заглянем в его душу и в приговор Харагаульского народного суда. Там ясно написано, что Гиви Шотаевич Табатадзе считается опасным рецидивистом, за присвоение государственного имущества. Присматриваюсь к тому, у которого только что отметились усы, и удивляюсь, когда он стал «опасным государственным преступником». Какую опасность представляет он для государства? Оказывается, после школы, возвращаясь домой, при переходе железно-

дорожного полотна, он заметил, что на обочине была пшеница, высыпанная с проходящего товарного состава. Гиви достал книги из ученической сумки и вместе с песком набрал туда пшеницу. Когда обрадованный мальчик направился домой, его задержал стрелочник и какой-то сотрудник железной дороги. Пшеницы вместе с песком и сумкой оказалось 3 кг 600 г... Куда ни обращались, везде посчитали законным приговором для него 8 лет ссылки. Если в волчьей стае окажется овца и спасется, останется ли она овцой?

Через два года Гиви изучил все «законы» тюрьмы и никому не уступал ни в каких «делах». Сегодня он забыл все нравоучения матери и со всяким говорил только на языке кулаков. Много нажил он врагов, но они ничего не могли поделать с ним. Трудом и тренировкой он так закалил себя, что даже «волчья стая» не могла с ним что-нибудь сделать.

Игорь часто посматривал на голого выше пояса, Гиви, чье мускулистое тело было покрыто росинками пота.

«Каким вернется он в общество? – думал Игорь о Гиви и забывал о своей беде. – Наверное, будет преступником и очень сильным, да, наверно. – Надо с ним подружиться и бежать» – решил Игорь и закончил обрабатывать одно дерево...

Вечером Игорь подошел к Гиви и попросил его прогуляться вместе с ним. Гиви удивился смелости незнакомого товарища и молча пошел с ним. Когда они немножко отошли, Гиви сам начал беседу:

– В чем дело, Игорь, почему тебе захотелось пройти со мной, все в порядке?

– Для меня, друг мой, мир и порядок был нарушен восемь лет назад. Сейчас для меня все равно, я стою на границе жизни и смерти. Но надеюсь, что встречу человека, с которым можно пожить, а жить хочу потому, чтобы положить в землю или посадить в тюрьму человека, который меня сюда отправил.

– Что, предлагаешь, бежать?

– Догадался!

Гиви пристально посмотрел в глаза Игорю, осмотрелся кругом и, не увидев ничего подозрительного, схватил Игоря за горло и подмял под себя:

– Скажи, кто подослал ко мне, не то убью!

– Никто, я сам, – едва прохрипел Игорь.

– Убирайся отсюда и свои дурацкие мысли говори другому, а то задую, как котенка!

– Никуда не уйду, убей! Лучше умереть от рук мужчины, чем жить такой жизнью!

– Уходи отсюда, Игорь! Не думал пока я над этим вопросом и не баламуть мне душу, и без тебя душа раздирается желанием мести, не доводи меня до злодеяния!

– Если ты до сих пор не думал о свободе, то я сомневаюсь, что ты грузин! Грузинов сравнивают с орлами, а орлы свободны и парят в воздухе. Ты не орел, и даже не воробей, если не знаешь цену свободы. Видишь, я тебя унижаю, срамлю, бей, чего ждешь, нам же не хватает истязаний и унижений!

– Игорь, не бери мне душу! Думал много, обо всем думал, но если ты подослан, знай, нигде тебе от меня не скрыться, из-под земли достану!

Поверь, Гиви! Если веришь какой-нибудь клятве, то клянусь перед тобой, что не предаю тебя. Мне все кажется, что я знаю что-то такое, что не знают другие, и зная это мы выберемся отсюда.

– Трудно будет! Я боюсь только, чтобы тайга не поглотила где-нибудь, и цель, которую когда-нибудь постиг бы, останется недостигнутой.

– Если в достижении цели нет уверенности, то и не думай о ней. Ибо цель облагораживает только уверенность, со страхом же осуществленная цель хуже измены, так как принесет больше вреда, как себе, так и рядом стоящему...

– Игорь! Оставь меня в покое. Кого слушать, кому доверять, уже не знаю. Чтобы обрести свободу, истребили миллионы людей, а сегодня опять кричим, что хотим свободу.

– Да, люди обрели свободу, но оказались в том положении, в каком когда-то были римляне. Император говорил им: «Даю вам все права, только одно оставляю для себя, делайте что хотите, но делайте так, как я хочу». И мы делаем так, как они хотят, а кто не делает – тех заставляют...

– Хорошо! Договорились. Завтра встретимся.

Гиви и раньше думал о том, как выбраться из этого ада. Но не видел выхода из положения, не доверялся никому, был одиноким. Но теперь потерял покой и сон. Начались бессонные ночи и составление плана побега. До сих пор это казалось невозможным. Теперь после многих раздумий и сомнений пришел к выводу, что невозможного тут ничего нет. После частых встреч и разумных бесед с Игорем было реше-

но: запастись едой и оружием, нужным для побега, а весной, когда сойдет снег, осуществить свое решение.

Началась подготовка, скрытая и осторожная. Все надо было обдумать и взвесить, малейшая ошибка означала крах. Как выбраться из тайги – Игорь взял на себя, остальное должен был сделать Гиви.

Для осуществления цели было выбрано двадцать второе июня. Так как составлением плана занимался Гиви, то в сообщники он взял своих соотечественников Давида Коршия и Джгуна Кирдия, которые были его побратимами. Гиви дал им такое последнее поручение: во время обеда оба должны были уйти из рабочей зоны против течения реки и приблизительно в полуверсте начать собирать грибы. Это должно было привлечь внимание охраны из зоны.

Конечно, Коршия и Кирдия поймают вблизи зоны с полными сумками грибов, но они должны оправдываться, что и в мыслях у них не было о побеге, просто увлеклись сбором грибов. За это они могли получить не больше пяти суток «карцера», но для друга можно и больше сделать. На следы Гиви и Игоря до вечера трудно было бы напасть.

Вечером еще раз поклялись в верности, побратимстве, расцеловались и попрощались.

Гиви натер чесноком подошвы своих и Игоря сапог, чтобы собаки не взяли след. Все должно было произойти без ошибок, но Игорь в ту ночь не спал сам и не дал спать Гиви.

– Чувствую, что наша попытка не закончится удачно, поэтому я должен тебе доверить и другую тайну.

Дай клятву, что тот, кто останется жив, выполнит завещание моего отца.

Игорь подробно рассказал о тайне Колчака, нарисовал ему план входа в пещеру и дал советы, как надо действовать. Гиви с удивлением слушал Игоря, и от услышанного на глазах у него появились слезы.

Вот оказывается, что вынудило Игоря положить на весы свою жизнь! – подумал Гиви и дал в душе клятву верности своему другу. Еще много говорили друзья, и наконец договорились, завтра в двенадцать часов встретиться для осуществления своего плана. Точно в двенадцать часов конвой трижды ударил по рельсу, висящему на дереве. Это был сигнал на обед. Зона забурилась, все оставили работу и трусцой побежали к кухне.

К Гиви подошел Давид Коршия и, сказав, что уходит, исчез. Гиви и Игорь стали ждать тревогу, которая должна быть вызвана ложным побегом Коршия и Кирдия, но тревоги не было.

– В чем дело, наверное они незаметно перешли запретную зону, – подумал Гиви и посмотрел туда, где конвоиры наблюдали за обедом арестантов. Потом мигнул Игорю и оба крадучись, побежали к запретной зоне. Ползком пройдя под проволокой, они встали и бегом скрылись в тайге, направляясь по течению реки. Минут через десять, несмотря на шум реки, услышали тревогу.

– Быстрее! – сказал Гиви и бегом пустился к берегу реки. Скоро послышался собачий лай, и показалась дрессированная для поимки заключенных собака.

– Уже нет смысла бежать! – сказал Игорь, и оба остановились. Гиви спиной закрыл Игоря, чтобы в случае опасности первым встретить ее. И вот собака сделала прыжок, чтобы налететь на Гиви, но тот, упав на спину, ногой отбросил распластавшуюся в полете собаку в реку. Она бултыхнулась в нее. Раздалась автоматная очередь. Беглецы подняли руки за голову, их окружили. Один из конвоиров прицелился, но другой откинул руку стреляющему. Раздался выстрел, пуля сбита несколько шишек с ели. Несмотря на то, что в ожидании смерти в ушах звенело, Гиви и Игорь хорошо расслышали сказанные слова акцентом «не стреляй, земляк мой». Больше не стреляли, но избивали обоих и, связав им руки, погнали перед собой. Избитых и обессиленных, подгоняя, били прикладами в спину. О, каким долгим оказался тот путь, который они пробежали за десять-двенадцать минут. Их не повели к рабочему месту, а направили прямо на «вахту» – так называются одни из ворот жилого лагеря. Именно у ворот ударили Гиви в спину прикладом и втолкнули в лагерь. Напрасно ждал Гиви Игоря... Раздалась автоматная очередь, и бездыханное тело Игоря упало на землю. Гиви догадался обо всем: Игорь был убит «при попытке к бегству». Гиви бросился к воротам, но тот конвоир, который говорил на ломанном русском языке, преградил ему дорогу, вывернул руки и сдал конвою.

У трупа Игоря сделали надпись «так будет с каждым бежавшим». Рабочий день кончился. Заключенные возвращались в лагерь и каждого проводили рядом с трупом Игоря, чтобы видели, как обходятся с беглецами.

...Когда Джгуна Кордия и Давид Коршия не увидели рядом с Гиви Игоря, побледнели – с сегодняшнего дня им грозила сильнейшая опасность в лице Гиви.

...Начальник колонии Александр Могила утром устроил Гиви допрос, заранее познакомившись с судебным приговором Гиви Табатадзе:

– Что вынудило тебя к бегству? – строго спросил начальник.

– Гражданин начальник! Если вы читали расследование моего дела и приговор, то легко можно догадаться об этом.

– Хорошо, хорошо! Но что мы можем сделать? Здесь 90 таких как ты, а я простой заведующий складом, которому поручили полные опилками мешки в вашем лице и я должен охранять вас в течении восьми лет. В случае потери хотя бы одного мешка, меня арестуют. Поэтому я должен сделать все, чтобы тебя не потерять!

– А если порвете и выбросите годный мешок, за это не судят?

– Конечно нет! Мы подошьем в дело заключенного последний снимок гибели и сдадим в архив. Но это дело меня не касается, это дело военного штаба, мое же – план.

Гиви предпочел смолчать и мельком посмотрел на, висящий в кабинете, портрет Сталина. Начальник заметил этот взгляд и неожиданно спросил:

– Харагаули далеко от Гори?

– Нет, 4–5 километров будет!

– Ты был в Гори?

– Да, много раз.

– Видел хату, где Сталин родился?

– Да, конечно.

– А мне вот не удалось побывать в Грузии, но успею. Вот ты освободишься, к тебе тоже зайду в гости!

– Эх, гражданин начальник! Кто доживет до освобождения?

– Доживешь, если будешь вести себя умно. Здесь были люди, приговоренные на много больше, чем ты, но сегодня они на свободе и честно трудятся для народа. А ты должен благодарить бога и Закро Николаишвили. Если бы не Закро – лежать бы тебе так же, как Игорю. Вот за это люблю я вас, грузин, что вы – дружный народ. Закро спас тебе жизнь, а сам получил наказание – 10 суток гауптвахты.

Гиви обрадовался, что узнал имя своего спасителя, обрадовался, что начальник знал только о верности грузин, значит, ничего не знал о Коршия и Кирдия, и на губах его мелькнула улыбка.

– Что мне с тобой сделать? Не наказывать тебя нельзя, но и не хочу твое дело передать в суд, твоему приговору не стоит добавлять года, – продолжал начальник. – Напиши объяснительную записку и обвини Игоря, что он уговорил и ввел тебя в заблуждение, что не давал покоя ни днем, ни ночью. Мы это обсудим и на шесть месяцев пустим тебя в «БУР».

– Нет, начальник, Александр Николаевич, если даже приговорите к расстрелу, я Игоря не обвиню.

– Он же мертв, что случится, если его предательством ты облегчишь свое наказание?

– Нет, начальник, Игорь и мертвый, и живой – мой друг.

– Ох, эти грузины! Их не поймешь! – проговорил начальник. Заметно было, что ответ Гиви понравился ему.

...Через три дня Гиви подписался о своем шестимесячном заключении в «БУР».

На четвертом месяце заключения Закро Николаишвили поздно вечером вызвал к себе Гиви.

Гиви очень обрадовался знакомству со своим спасителем, который извинился, что не сумел до сих пор познакомиться ближе с земляком. Годами они были ровесниками и быстро поняли друг друга.

Гиви коротко рассказал свою жизнь, которую Закро хорошо знал по делу.

– А я, Закро Каленикаевич Николаишвили из Гурджаани. Живем в Багдади. Есть мать, отец, две сестры и брат. Живем так себе, как полагается грузинскому крестьянину.

– Я извиняюсь перед тобой, ты из-за меня получил наказание, но если когда-нибудь дождусь освобождения, в жизни не забуду твоего уважения. Моя жизнь принадлежит тебе, и как желаешь, так и можешь поступать со мной, – с таким стеснением проговорил Гиви, что не мог смотреть в глаза Закро.

– Ну, что ты! Я вспомнил свой долг – спас жизнь человеку! А ты тут при чем. Никогда посланная мной пуля в голову не попадет. Я еще никому не давал жизни и поэтому не имею права ее отнимать.

– Ты прав, но я у человека отнял бы жизнь быстрее, чем у животного. Ибо человек является врагом человека. Ружьем и пером, злым языком и ненавидящим взглядом человек все может сделать человеку. А я

опять убегу и обязательно достигну своей цели. И никому больше не поведаю об этом.

– И мне не скажешь ничего?

– Тебе, я же сказал, я обязан жизнью. Тебе все доверю, если бы даже был уверен, что ты предашь.

– А что, тебя предали, и поэтому ты попался?

– Да, предали, но об этом не хочу даже думать. Другие, более важные дела занимают меня.

– Если когда-нибудь решишь бежать – скажи мне. Может, я сумею помочь. Как никак я на свободе.

Потом Закро достал из сумки солдатский паек и оба поужинали, ведя дружескую, теплую беседу. Утром Закро заступал на дежурство, поэтому они распрощались, и Закро обещал часто проведывать Гиви.

Последние два месяца «карцера» Гиви чувствовал внимание Закро к себе. Если до сих пор Гиви был уверен, что на свете есть только зло и предательство, теперь часто думал, что «нет худа без добра».

В преступном мире надо совершить какое-нибудь геройское дело, чтобы тебя отметили, чтобы тебя выделили, поставили выше себя.

Выход Гиви из «карцера» был тем шагом, который проложил начало пути для Гиви в «законники». Теперь все мелкие и крупные дела в лагере надо было разобрать безошибочно. И, к счастью, Гиви это удавалось. Его товарищи были рады, что он завоевал доверие, звание «законника», и авторитет Гиви рос с каждым «справедливо» разобранным делом. Только два человека боялись и сторонились Гиви. Это были два его земляка Давид и Джгуна. Они при встрече с Гиви

по-фарисейски улыбались и старались не попадаться ему на пути...

На одной наблюдательной вышке лагеря был один солдат-часовой, который торговал с заключенными. То хлебом, то куревом, то спиртным снабжал заключенных, конечно за десятикратную и больше цену. Но часто он обманывал своих «клиентов». Получив деньги, иногда вместо бутылки водки бросал бутылку, наполненную водой, а вместо хлеба кирпич, завернутый в бумагу. Заключенные обратились к Гиви. Между вышкой и лагерной оградой было двенадцать метров. Гиви подошел к ограде и обратился к солдату, которого звали «рыжим» за его рыжие волосы:

– Друг, меня прислали для переговоров с тобой!

– Что? Друг? Какой я тебе друг? Когда я был другом арестантов?

Гиви, смутил такой ответ солдата, но он не подал вида и вновь учтиво обратился к рыжему:

– Никто не застрахован от тюрьмы, и так говорить с человеком не следует. Человек сделал себе другом собаку, а мы, заключенные, как-никак люди.

– Любая собака лучше вас! А теперь убирайся вон!

– Ну, кто тебе так насолил, что ты так нас ненавидишь? – опять тихо сказал Гиви, хотя внутренне был весь подтянут и дрожал.

– Вот ты и насолил мне. Пришел сюда и читаешь нравоучения! Убирайся вон! А за то, что я тебя прикончу, мне дадут еще орден! – И с этими словами он пустил автоматную очередь в сторону Гиви. Гиви вынужден был скрыться за барак. На выстрелы быстро

среагировали в штабе и спросили о причине выстрелов у «рыжего».

– Какой-то пьяный заключенный с руганью и угрозами подошел к запретной зоне; и старался приблизиться ко мне, вот я и выстрелил, предупреждая нападение.

Через минуту был построен весь лагерь, но пьяных не нашли. Не было и отсутствующих. Спросили рыжего, узнает ли он нарушителя. Тот ответил, что они все похожи друг на друга, как цыплята, и узнать не может...

На воровском совете было решено: рыжего убить!

Через Закро Гиви узнал дни дежурства «рыжего» и в какие часы дежурил он на вышке.

Ночью в два часа Гиви встал, незаметно вышел в коридор и достал спрятанные под доской два ножа. Он незаметно приблизился к запретной зоне, но зона была освещена. Надо было приблизиться к вышке, а это сделать незаметно было невозможно. Поэтому Гиви уже в открытую перешел запретную зону и подошел к вышке. Рыжий, вероятно чувствуя опасность, сделал пугало и одев на него свой бушлат и нахлобучив фуражку, сам скрылся под вышкой. Гиви бросился на землю и стал ждать. Через некоторое время появилась голова «рыжего», а затем и весь он стал виден для Гиви. Гиви прицелился и бросил в него нож. Рыжий схватился за горло обеими руками и, не издав ни звука, скатился по лестнице...

Гиви опять перешел запретную зону, и быстро войдя в свой барак, спрятал нож, разделся и бесшумно лег на свое место.

Через час в штабе была объявлена тревога, лагерь был полон солдатами. Заключенных подняли на ноги. Гиви не растерялся. Он быстро сообразил, что надо было уничтожить следы в запретной зоне. Гиви побежал туда, увлекая за собой арестантов. Скоро несколько десятков ног ошеломленных, сонных заключенных вытоптали следы, оставленные Гиви. Конвоиры быстро согнали заключенных в центр лагеря и построили. Была проведена поименная перекличка заключенных, все оказались на месте.

За это время уже рассвело. По всему лагерю стало известно об убийстве рыжего. Некоторые говорили, что виноваты местные жители, а другие говорили, что его прикончили сослуживцы, так как он был со всеми в плохих отношениях, третьи говорили, что его убили с целью побега, но не успели совершить бегство из-за быстрой тревоги. Мертвецы не говорят, а правду знали только двое: бог и Гиви...

В одном из корпусов лагеря стоял большой бак с водой. Из этого бака заключенные брали воду для мытья, стирки и купания. Арестанты заходили в этот корпус и брали воду для своих целей. Однажды Гиви поздно встал и направился, с полотенцем на шее, в умывальник. Войдя, он увидел, что кто-то стоит возле бака и оправляется туда. Гиви, как будто ждал этого, ничего не сказав этому «животному», левой рукой ударил его по шее, а правой поддел под зад. Тот бултыхнулся головой в воду. Гиви подождал пока «животное» перестало брыкать ногами, и накрыл бак крышкой. Гиви впервые вышел из умывальника не умывшись и повторял в душе одну фра-

зу: «человек не убивает человека, каждый убивает себя сам».

Гиви был единственным человеком в лагере, который ни с кем не дружил. А это убийственно действовало на Давида Коршия и Джгуна Кирдия. Они думали, что Гиви задумал отомстить им за предательство и сторонились его, но искали момента подстеречь его.

Однажды Гиви был в умывальнике один и чистил зубы. Туда вошел Джгуна Кирдия и, увидав Гиви одного, прикрыл за собой дверь. Гиви увидел, как в руках Джгуна блеснуло острие ножа, но не подал виду. Джгуна сквозь зубы процедил:

– В конце концов, что ты все выслеживаешь меня?

Гиви улыбнулся и сказал:

– Джгуна, тебе просто грехи не дают покоя, тебе кажется, а я тебя не преследую и зла тебе не желаю сделать. Если бы я даже в душе совершил такую измену, какую ты с Давидом совершил перед нами, я бы покончил с собой. Знай, что кровь Игоря лежит на вас и она не дает вам покоя, и не даст, пока вы живы. А теперь спрячь нож и иди отсюда!

– Нет! Сперва тебя зарежу, как собаку, а потом уйду!

С этими словами Джгуна бросился на Гиви, но тот успел увернуться и поймал его руку с ножом. Второй рукой Гиви поймал свободную руку Джгуны и вывернул ее. Теперь Гиви был сзади Джгуны. Как при перетягивании руки, так шла их борьба. Гиви осилил Джгуну и поднес острие ножа под его сердце... Гиви медленно придавливал теперь нож к груди Джгуны и нож вошел в тело. Гиви мог с размаха воткнуть нож

в сердце, но он этого не сделал... Он, медленно нажимая, воткнул нож по рукоятку в сердце Джгуны. Тот медленно стал сползать на пол. Все это видел его «друг» Давид, но не помог Джгуне, а когда тот лежал уже бездыханный, бросился бежать и кричал:

– Помогите! Джгуна! Джгуна!

Через минуту в умывальнике собрались люди, медсестра сказала: «Молодец! Какой силой воли должен обладать человек, чтобы так поступить с собой».

Давид что-то хотел сказать, но к нему подошел Гиви и взяв под руки шепнул ему по-грузински: «Тихо! А то и в земле не спрячешься от меня!»

Давид побежал в изолятор и, вопя, стал просить дежурного. К счастью, дежурным оказался Закро.

– Быстро посадите меня в изолятор, а то меня тоже убьют!

Закро без долгих расспросов открыл двери изолятора и впустил туда Давида Коршия. Только после этого увидел Закро Гиви, который стоял недалеко и спрашивал, что случилось. Гиви в двух словах рассказал Закро о случившемся и попросил никуда не пускать Давида, и обещал, что вечером сам подойдет и все подробно расскажет.

Вечером Закро одновременно сообщил в военный штаб и начальнику колонии обстоятельства дела о самоубийстве Джгуны Кирдия и о пребывании Давида Коршия в изоляторе.

Начальство до утра отложило допрос Давида, почему он попросился в изолятор, а этим воспользовался Закро и призвал Гиви к себе. Гиви немедленно пришел к Закро. Скрывать было нечего. Гиви расска-

зал и о том, как Давид и Джгуна предали их во время бегства.

– Что собираешься сделать теперь? – тихо спросил Закро, хотя в голосе его чувствовалось волнение.

– Надо меня впустить к Коршия в изолятор, а то утром тот все расскажет! Правда я докажу самооборону, но наказания не смогу избежать.

– Как, и его собираешься убить?

Гиви без ответа оставил вопрос Закро, но в его взгляде можно было прочесть: он сам знает, что делать.

– В 12 часов ночи будет проверка. После проверки приходи, двери будут открыты.

– Не думай о плохом. Просто хочу с ним договориться! – будто для себя проговорил Гиви и пошел к выходу.

Закро горько усмехнулся: «Знаю, знаю» – сказал он в ответ и прикрыл дверь.

После вечерней проверки Гиви тайком пробрался к изолятору. Двери были не заперты. Гиви вошел в кабинет дежурного Закро Николаишвили. Несмотря на то, что Закро ждал Гиви, при его появлении он вздрогнул. Вероятно, думал о том, а может и сожалел, что связался с заключенным – своим земляком. Гиви сел рядом с Закро и положил ему руку на колено. Оба молчали, но это молчание вековым колоколом отдавалось в ушах друзей. Наконец, Закро не выдержал молчания и тихо проговорил:

– Двери камеры Коршия открыты!

Гиви взял с тахты подушку Закро, сунул ее под мышку, вышел в коридор и закрыл двери Закро на замок извне.

Давид Коршия при виде Гиви забился в угол и взмолился:

– Не убивай, Гиви! – еле вымолвил Давид.

– Ты зачем хотел меня убить?

– Я не хотел тебя убивать?

– Ты же знаешь, что в смерти Игоря твоя вина, зачем предал меня?

– Испугался, и поэтому не смог выполнить твое поручение.

– Сейчас не боишься? Тогда ты смотрел на Гиви, сейчас смотришь на свою смерть!

– И сейчас боюсь, не убивай, ничего не скажу, не выдам.

– Выдашь! Уверен, что выдашь! Клятвам суки и слезам проститутки верить нельзя! Джгуне зачем изменил, вы вдвоем могли же меня одолеть, но ты изменил и ему. Так что и его смерть на твоей совести. Теперь я помогу тебе спастись от угрызения совести и мучений. Ты сам должен просить меня ускорить исход. Ты знаешь, что отсюда должен выйти один из нас и этим одним буду я!

– Не сдамся! Я выйду отсюда живым! – заорал Давид, бросился на Гиви и схватил его за горло. Тот не ожидал такого от морально разгромленного человека и упал на пол. Давид пытался задушить Гиви, но тот опомнился и ударил коленом в пах Давиду. Давид заорал от боли и отпустил горло Гиви. Гиви теперь подмял под себя Давида, дотянулся до подушки и накрыл ею его лицо. Минуту еще брыкал ногами Давид, но потом вытянулся и обмяк. Все было кончено. Гиви зашел к Закро, положил подушку на тахту и сказал:

– Теперь я пойду, а ты иди закрой камеру.

Закро не зашел к Давиду. Гиви сам зашел туда и при виде мертвого Давида сказал:

– Как я хорошо убил его! – поднял, уложил на топчан и вышел из камеры.

В бараке раздавался разноголосый храп заключенных и было невыносимо душно. Гиви мутило, но он разделся и лег на свое место.

* * *

Читатель должен знать, что написавший эту книгу не бывший заключенный и даже не бывший конвоир, но по историческим источникам и собственным наблюдениям хочет описать ту мерзость, которая творилась в местах заключения.

Что такое преступный мир?

Это часть общества, которую общество изгнало, отторгло от себя. Оно содержит и нечеловеков и «хороших людей». Во-первых это насильники и убийцы матерей, отцеубийцы и насильники сестер, изменники друзей и женоубийцы, бандиты и грабители, воры и «воры в законе». Назовем и «хороших людей», которые без вины сидят в лагерях, это крестьяне, рабочие и интеллигенты. Как назвать их. Вот, например, сидит прямо около окна человек, который распахал пустырь, посеял на нем пшеницу, убрал и хотел повезти ее домой. Его арестовали, обвинили в присвоении государственного имущества и заключили в тюрьму. Такие люди были овцами, а стали волками. Так как попав в среду отъявленных убийц и насильников вынуждены были стать такими же, а то им грозила боль-

шая беда от своих же сокамерников. Вот эта борьба за выживание сделала людей злыми и готовыми на все.

Заключенные не совсем забыты богом. Они имеют право на краткосрочное и долгосрочное свидание с доброжелателями. Краткосрочное свидание с заключенными имеют все знакомые и родственники, а долгосрочное на двое-трое суток только жены, мужа, матери, дети, братья и сестры. Во время утреннего и вечернего развода заключенные, к которым пришли на свидание, от развода освобождаются.

Каждый день на разводе начальник режима делает внушение, обозрение случившегося на «свободе» случая и происшествия. Вот и в этот раз после долгого рассказа о прелестях «свободы» сообщил, что во время свидания с матерью Мишаков поступил так, как не поступают и животные с родителями. Сообщив об этом разводе, начальник режима посмотрел в сторону Гиви, ожидая приговора Мишакову от него. Гиви через некоторое время поднял голову и громко крикнул: «отрубить член!» Мишаков упал на колени и заплакал, он просил помощи и прощения. Но никто не смотрел на него с состраданием.

В лагере очень часто люди дружат группами по два-три человека. Наверно, находя какую-то близость друг с другом душевную, моральную или физическую, или еще какую-нибудь. Такому другу и было поручено привести приговор в исполнение. Мишакова заставили положить член на чурбан и ударом топора отрубили его, но палач «переусердствовал» и вместе с членом подрубил и яйца. На третий день Мишаков скончался в медсанчасти.

Такие люди, которые сейчас находятся в лагере, есть и на свободе, но их там много и они как бы растворены в среде людей, их там не видно. А здесь их видно, им не за кого спрятаться. Поэтому озлобленность доходит до предела. Поэтому самый хороший «друг» наказывает своего «друга», несмотря на то, что завтра он сам может совершить такое же преступление. Представьте, и здесь есть любители денег, большей частью растратчики, которые заражены стяжательством и накоплением, они заражены неизлечимой болезнью, называемой «болотной болезнью». Эти люди ничем не брезгуют, чтобы найти деньги, даже мужеложством. Продают собственный паек, продают все, чем можно торговать и накопить деньги. Этих людей называют «барыгами». У барыг можно за деньги достать морфий, анашу, план, разные таблетки, теплую одежду и носки, этому никто не удивляется. Но вот у барыги появилось мясо. Это вызвало всеобщее удивление. Гиви заинтересовало, откуда оно у него. Оказывается, барыга связался с солдатом и они стали истреблять собак и кошек в военном городке. Барыга продавал кошек как зайцев, а собак как овец. Вечером вызвали барыгу:

– Почему так поступал? – спросил Гиви у молчавшего барыги.

– Обыскать его землянку, найти, что у него приготовлено для продажи и заставить его принять все – от морфия до съестного.

Барыгу заставили съесть все, что было у него приготовлено для продажи. Все это хватило бы ему примерно на 20 дней. Откормив, сделали ему морфий и он скончался в смехе и хохоте.

В лагере царил своеобразный закон, ограждающий человека от его права. Например, никто не мог посягнуть на тот паек, который положен был заключенному. От голода можно пойти на все, но чтобы украсть хлеб заключенных!

Вот такое случилось в лагере:

Хлебовоз, который каждый день привозил хлеб для лагеря, остановил повозку у столовой, а сам зашел погреться в кочегарку. Когда он вышел, от лошади остались только подковы! Остальное голодные люди съели, но хлеб был в полной сохранности.

Однажды вечером, после вечерней проверки, Гиви сидел в изоляторе и поджидал Закро, который еще не вернулся с проверки.

– Как ты сюда вошел? – вместо приветствия сказал Закро.

– Двери у тебя остались открытыми.

– Все четыре?

– Да, все!

Закро проверил двери – все были закрытыми. Он казался рассерженным, и холодность в их разговоре не утаилась от Гиви.

– Я сожалею о нашем знакомстве и сближении, никак не могу придумать, как разорвать это знакомство!

– без стеснения и боязни процедил Закро.

– Знаю, замечаю и чувствую, но «не так страшен черт, как его малюют». Я тебе обязан жизнью, моя жизнь принадлежит тебе и я не могу отказаться от тебя, пока не отплачу тебе достойно.

– Я не хочу «ни унесенное ветром, ни принесенное», ты убийца, а с убийцей я не хочу иметь дела.

– Нет Закро, ты ошибаешься! Я даже курицу не зарезал в своей жизни. Меня жизнь сделала убийцей, и, потом, каждый человек сам убивает себя. А тебя лично я прошу: не совершай преступления, если даже «человек тебя простит, то бог все равно накажет.

– Послушать тебя, можно подумать, что ты невинная овечка! А если меня спросить, то ты убийца, и мне видишься с окровавленными руками, какими бы не были виноватыми убитые тобой люди. Не ты давал им жизнь, которую ты у них отнял.

– Друг мой! Все люди правы по своим понятиям, и ты, наверно, прав, но не передо мной. Этот твой разговор относится к тому, кто совершил преступление из-за денег или ради карьеры. А я убил того, кто задумал убить меня по вышесказанным причинам. Они могли убить меня и тебя, и любого из-за денег, ради своего благополучия. Грузинская земля обильно орошена кровью наших предков! Почему уничтожали тех пришельцев, чьи имена сейчас для нас святы! Почему не их руки сняты тебе окровавленными?

– Люди, борющиеся за справедливость – неисправимы. Бог их не наказывает за совершенные преступления. И я так же. Борюсь за справедливость и думаю, что непогрешим. Хотя знаю, что среди окружающих пользуюсь дурной славой. Ну, а ты, мне кажешься моим добрым ангелом и, как бы ты меня не называл, я не обижусь. Хочу дать тебе совет, – пока основательно не узнаешь человека – не хвали его и не поноси. Знай, чтобы успешно воспользоваться чужим советом, надо не меньше ума, чем дельный совет себе самому и его осуществление. Правда, я

злодей, жизнь сделала меня злодеем, но я был бы еще большим злодеем, если бы во мне не скрывались добрые деяния или желание добра. Это добро и ты замечаешь, когда голодного голодный последним хлебом угощает.

– Ты говоришь, что жизнь сделала тебя неисправимым убийцей, но я думаю, что ты лжешь! Мне кажется, что убийцами рождаются. Я при виде крови теряю сознание, и не могу представить, что кто-то, даже случайно, может умереть от моей руки.

– Я думаю, что все люди рождаются благородными и добрыми. Наверно, и я таким же родился, как ты, но во мне умерло благородство, когда убили моего друга. Именно тогда у меня испачкались руки в человеческой крови. При виде крови и я терял сознание, но тогда злость прибавила мне силы. Не только руки, но и лицо мое было в крови друга, потому что прощался с ним, обнимая его, умирающего. Неделю я не умывался – ходил в его крови... Могу, сказать, с тех пор я и стал убийцей!

– Ты что хочешь этим сказать? Чтобы общество помогло человеку остаться человеком?

– Да! Общество делает человека и добрым, и злым. Ибо люди рождаются добрыми.

– Во мне ты тоже увидел доброго человека, или какова была твоя гарантия, что я тебя не выдам, не расскажу об убийстве?

– Если бы в тебе не было добрых чувств, все равно меня бы ты не выдал, потому что ключи от камеры изолятора хранились у тебя. Волей-неволей ты становился соучастником. Теперь ты бичуешь себя, считая

себя соучастником в убийстве. А я даже убийцей себя не считаю. Ты видел икону Святого Георгия? Сидя на белом коне он пикой пронзает змея! Ты видел иконы Святого Михаила и Гавриила? Они изображены в доспехах с пиками и мечами. Они же всемирно известные святые, зачем им пики и мечи? Для борьбы со злом, да? Значит существа, которые мешают жить людям, надо уничтожить, это божественное дело, а не грешное!

– Хорошо! Говори, зачем пришел на сей раз? Кого решил убить? Знай, я тебе не помощник!

– Мы говорили о благородстве и, думаю, совсем не будет благородством если можешь и не поможешь. В одном писании сказано: «Вот время благоприятное, вот это день спасения!» и этот день нельзя упустить, нельзя дожидаться самоприходящего света.

– В том же писании, Гиви, и то написано: «Человеческое сердце грешно и испорчено больше всех, кто поймет его?» От человека исходит все: злые намерения, прелюбодеяния, бесчестие, воровство, убийство, лихоимство, зависть, алчность, нечистоплотность, бессовестность, неверие. После этого, как доверять человеку и любить его, когда чувствуешь себя безгрешной «овечкой»?

– Безгрешным даже сам Иисус Христос не считал себя! Это тоже большой грех, если грешный считает себя безгрешным! Потом, я не люблю разводить тары-бары, ты должен мне помочь. Во время твоей демобилизации я должен бежать отсюда, чтобы мы вместе оказались на одном тайном месте, которое мне оставлено Игорем в тайном завещании.

– Боже мой! В чем я провинился, почему судьба связала меня с этим человеком? – не вытерпел Закро и вскочил с места. Гиви улыбнулся и дружески сказал:

– Успокойся, Закро! Я могу подождать и оставшиеся два года, но боюсь по двум причинам. Первое, что здесь все может случиться со мной, а это будет моей второй смертью. А второе будет твоя отдаленность от меня. Меня с тобой связывает нечто, что заставляет быть уверенным в тебе, и поэтому только мы сможем завершить дело, связанное с завещанием.

– Что за завещание? Разве может завещать злоумышленник правду?

– Нет, Закро! Игорь не был злоумышленником. Он был жертвой несправедливости. А тайну его завещания не спрашивай, пока не приступим к его выполнению.

– Я, дорогой мой Гиви, умываю руки от этого дела. Ни просьбу твою не исполню, ни помогу в исполнении его завещания.

– Поможешь, никуда не денешься! Нет, я не угрожаю, а предупреждаю, ибо, если не поможешь, я наверняка погибну, тогда моя тень будет преследовать тебя днем, а ночью будет сниться мой образ.

– Боже мой! Но знаешь ли ты, что даже думать о побеге отсюда глупо, так как мы находимся в таком запретном и отдаленном месте.

– Знаю! Но все эти ограды, запреты, сигналы сделаны человеком и он же может найти выход.

Несмотря на отказ Закро, с утра надо было составить план побега. Конечно, составление плана и время побега брал на себя Гиви. Но в лагере произошел

непредвиденный случай. По возвращению с работ у ворот лагеря колонну заключенных встретил начальник военной части. Он заметил, что один молодой заключенный отстал, наверно от истощения и бессилия. Майор заметил отстающего и, разгоряченный от выпитой водки, заорал: «догоняй!» Заключенный прибавил шагу, но майор бросился к заключенному со словами: «зачем отстал, бежать хочешь? Сукин сын!» – выхватил пистолет и трижды выстрелил в арестанта. В лагере поднялось возмущение. Надо было наказать убийцу. Иначе на месте убитого сегодня, завтра мог оказаться любой из заключенных! Необходимо было что-то предпринять. Тайно собрался лагерный совет заключенных.

– Пусть каждый ляжет на свое место, заколотим двери, окна и не выйдем на двор, – предложил Володя Орлатых.

– Нет, устроим сидячую акцию, – сказал Слава Славянский.

– Нет, лучше всем лагерем бросимся на ворота лагеря, прорвем их и бежим, – сказал Мамед Мамедов.

Было еще много разных предложений. Наконец попросили Гиви высказать свое мнение:

– Уступить в данном случае никак нельзя. Лучше еще пролить невинную кровь, чем дать им почувствовать себя безнаказанными.

Володя Орлатых близок к общему мнению, но солдаты ворвутся с дубинками и выгонят на работу и все пропадет. Почти та же мысль и у Славы Славянского. Ну, а предложение Мамедова просто бессмысленно. Со всех сторон на вышках стоят пулеметчики. Они

обвинят нас в попытке к коллективному бегству и всех расстреляют из пулемета. Да еще ордена получают за наше усмирение! Поэтому мое предложение таково: На жилой корпус вывесим лозунг «требуем генерального прокурора!», откроем двери и окна, а сами прибудем к полу кожей, покрывающей яйца. Конечно, солдаты войдут, но, увидав нас всех в таком положении, не посмеют бить, даже и гвоздодеры не принесут, чтобы выдергивать гвозди с кожи, покрывающей яичные железы. Таково мое предложение. Я думаю – это правильный шаг.

В беде многое придумает человек. В беде рождается и мудрость, и глупость. Кто видит только глупость, а не мудрость, тот мудрец глупее глупца.

Предложение Гиви было принято единогласно, и совет закончился поздно ночью.

В лагере было кажущееся спокойствие, хотя чувствовалась внутренняя напряженность.

Утром к шести часам было всё готово, как решили на совете. Первым был пригвожден Гиви, затем в первом ряду участники совета, потом все остальные.

Спустя некоторое время, раздался звон колокола призывающего на работу, но в лагере не раздалось ни звука. Раздался повторный звон – но напрасно. Через пятнадцать минут в лагерь ворвались солдаты, но пришедшие с другой целью, остались ошеломленными, видя такую пока невиданную, неслыханную акцию. Пришел начальник лагеря, заместитель начальника военной части (начальник не посмел появиться), пришли и другие служащие. Но поднять бастующих с пола было невозможно. Для лагерного начальства

выполнение требования бастующих грозило многими неприятностями. Собрался штаб. Надо было сообщить управлению о случившемся. Начальник военной части, понутив голову, молча сидел в кресле, и нельзя было понять, сожалел или гордился он вчерашним кровопролитием. Всё думали и молчали. Вдруг заместитель начальника военной части попросил слова и выдвинул такое предложение:

– Товарищи! Мы не имеем дело с такими цивилизованными людьми, которых нельзя бы было обмануть и провести. С годами заключенные в лагере люди становятся доверчивыми и безвольными и верят всем, кто скажет им доброе слово. Как у правды, у лжи есть тоже свои герои и мы благородной ложью должны совершить геройство. Тому, кто мало знаком заключенным, а таким я считаю Табакова, сделаем ложное удостоверение личности генерального прокурора и впустим его к ним, конечно снабдив его всеми другими документами. Табаков пообещает им принять соответствующие меры и забастовщики прекратят акцию, в конце концов, их требование останется «криком вопиющего в пустыне».

Большинство приняло предложение заместителя, и скоро были сфабрикованы документы генерального прокурора на имя Табакова. Табаков в сопровождении шести военнослужащих должен прибыть к бастующим. Но и бастующие не спали. То дело не было таким, как нарисовал заместитель военной части и представлял заключенных «безвольной и доверчивой толпой».

Гиви предупредил: «Друзья, мы должны на все смотреть недоверчиво. Завтра может к нам прийти

прокурор, но не с управления, а его местный двойник. Поэтому надо внимательно проверить документы пришедшего и в случае обмана его документы должны исчезнуть среди нас, до прихода настоящего прокурора, а лозунг заменить другим «требуем настоящего генерального прокурора, а не двойника!».

Утром Табаков вместе с шестью сопровождающими подошел к лагерю. Все были одеты в гражданское. При виде нового лозунга Табаков хотел вернуться, но было уже поздно. Заключение заметили его замешательство.

Табаков с улыбкой приветствовал пригвожденных, обессиливших заключенных и спросил их требования. Но до получения ответа у него попросили документ, удостоверяющий личность. Табаков достал из кармана и передал удостоверение Гиви. На удостоверении ясно читался номер военной части 0135. Гиви улыбнулся оттого, что его предвидение сбылось, и передал его назад Орлатых, тот Мамедову и так через минуту удостоверение исчезло. Табаков этого не ожидал. Если удостоверение попадет к генеральному прокурору, ему грозит много неприятностей, поэтому Табаков с еще большей улыбкой промолвил:

– Верните мне удостоверение личности. В конце концов, чего от меня хотите?

– От вас ничего! – подал голос доселе молчавший Соловьев, – мы требуем настоящего генерального прокурора, а не двойника. Теперь уходите, а удостоверение личности вернет вам прокурор!

– Вот тебе и доверчивые, и безвольные, – подумал Табаков, обливаясь холодным потом. Он еще раз по-

пробовал поговорить с заключенными, но когда ничего не вышло, перешел на угрозы:

– Ночью всех расстреляю, потом подожгу лагерь, чтобы скрыть следы! Я вас проучу! – кричал он, брызгая слюной. Можно было только удивляться столь быстрому переходу от улыбки к такой ярости. Но заключенные были привыкшие к такому артистизму, еще на предварительных допросах и не обратили внимания на пыл Табакова. Табаков решил покинуть их и так хлопнул дверью, что та чуть с петель не слетела.

Заклученные стали думать: а ведь Табаков может выполнить угрозу! Действительно, кто бы узнал об этом, а если даже узнали бы, кто станет допытываться об испепелившихся трупах? Напишут объяснительную, что в ночное время, когда заключенные спали глубоким сном, по вине растопленной и без внимания оставленной печки произошел пожар, который стал причиной гибели стольких-то заключенных, и делу конец! Таким образом, можно было объяснить смерть многих воров, грабителей, расхитителей и даже творческих работников. Поэтому надо было найти человека, который бы сообщил в управление о создавшейся ситуации. Заключенные все были пригвождены к полу, кроме полоумного Петрова, который использовался заключенными для подношения им воды. Да и что бы он мог сделать!

– Боже, пришли нам спасителя! – по-грузински взмолился Гиви богу, ибо только бог является спасителем для заключенных, попавших в беду.

Не знаю, бог или предвидение, но в эту минуту к Гиви пришел Закро, принеся ему в сетке еду. У Гиви глаза наполнились слезами, и он не скрыл этого:

– Сколько раз должен спасти меня бичо*! Но сейчас не только меня, весь лагерь можешь спасти.

– Что случилось? На кого вы похожи? Такое не только не видел, даже не слышал! Коротко скажи, что мне сделать для вас?

– Табаков грозился нас сжечь и, думаю, что он делает это! Надо срочно сообщить в управление о наших требованиях и угрозе Табакова.

– А если узнают, что я звонил?

– Здесь по-грузински никто не понимает, я тебе говорю, только мы будем об этом знать.

– А, черт с ним, пусть узнают! Иду! Все сделаю! Табаков, этот сукин сын, способен выполнить угрозу. Но я не позволю!

Закро выбежал из помещения.

– Что такое? Кто он? Что ты сказал? Что он сказал?
– посыпались вопросы от Володи.

– Спаситель появился! – и оба заплакали. Сперва тихо, а потом громко, заплакали и другие, а затем все. Они плакали, не зная зачем. Может потому, что появилась искра надежды на спасение, может из-за солидарности, а может и потому, что и среди врагов нашелся человек, который был способен сделать доброе дело!..

Табаков матерился и угрожал, и, видно было, что он не отступится. В штабе созвали совещание. Теперь говорил только Табаков:

– Ни в коем случае! Этих сучьих детей я не прощу за мое унижение! Если мое удостоверение личности окажется в руках прокурора, мне и вам всем не

* Бичо – мальчик. Употребляется в грузинском языке как обращение.

сдобровать! Поэтому пусть лучше они погибнут, чем я! Выжечь их в лагере – не большая проблема для меня. Через два-три дня лагерь пополнится новыми заключенными, нас без работы не оставят. Теперь мы должны сделать все для нашего спасения и забыть все наши прегрешения, так как об этом никто не будет знать!

Табаков еще не окончил кричать, как вскочил молодой лейтенант и стал защищать заключенных:

– Что вы говорите, товарищи! Кто нам простит такое наказание невинных людей. Как сможет наша совесть и мораль забыть то кощунство, которое предлагает товарищ Табаков...

Последние слова молодого лейтенанта потонули в грохоте низко летящего самолета. Все участники совещания вышли во двор. «Кукурузник» сделал круг и сел прямо на площадь около лагеря.

Участники совещания увидели, как из самолета вышли четыре военных в серых папахах – три полковника и один подполковник.

Встречающие вытянулись, но никто не сумел приветствовать прибывших и сделать доклад. Прилетевшие сами начали разговор, и, перекинувшись с местным начальством двумя-тремя словами, пожела-ли пройти в лагерное помещение для заключенных. Никто из них не ждал, что сообщение по телефону оправдается, но войдя в помещение... У начальника управления глаза расширились! Такого он еще не видел и не слышал... Заключенным представился седеющий полковник и протянул Гиви удостоверение личности. Гиви не взял удостоверение и сказал:

– Мы и так знаем, кто Вы!

Прокурору понравился такой ответ, он приказал освободить от гвоздей первых 10 человек и пойти с ним.

– Мы здесь все одного мнения, отдельных разговоров вести не будем, и просим вас на месте выслушать наши требования.

Прокурору понравилось такое единодушие заключенных и он согласился на месте выслушать их.

Заключенные потребовали изменить невыносимые бытовые условия, рассказали об убийстве Игоря у ворот, вчерашнее убийство невинного молодого заключенного, о самозваном «генеральном прокуроре» Табакове, передав прокурору поддельное удостоверение личности Табакова.

Начальник управления возмутился таким обращением с заключенными, вызвал Табакова и здесь же сорвал с него погоны, а затем обратился к заключенным:

– Если верите моим словам, выслушайте и поступите так, как я скажу, а если не поверите – напишу и заверю печатью. Сейчас, как пригвоздились, так и освободите себя, три дня отдохните, узнаете и ответы на ваши требования и выходите на работу! Вопросы есть?!

– Спасибо за прибытие! – вместе ответили заключенные.

Прибывшие вышли из помещения, а заключенные стали выдергивать гвозди.

На второй день начались перемены в лагере.

Начальник лагеря, начальник военной части, его заместитель и почти все начальство было заменено.

На третий день появилось новое начальство, и сразу же Гиви был вызван к новому начальству – начальнику лагеря майору Прокофьеву:

Кто здесь командует, ты или я! Какой ты вор, украл когда-то несколько зернышек пшеницы и раструбил на весь лагерь, мол, я вор! – колотя кулаком по столу, орал майор, видать, он обстоятельно изучил личное дело Гиви.

– Гражданин майор! Я никого не просил называть меня вором, а в лагере со стороны заключенных нужен один старший.

– Зачем нужен! Чтобы вносить смуту и настраивать заключенных на забастовку? Ты знаешь, какой убыток был принесен стране от вашей забастовки?

– А убийство невинных людей не приносит стране убыток?

– Этого у вас не спрашивают, над этим работает правосудие, и оно разберется, никому ничего не простят.

– Было уже прощено, если бы не мы. Отсюда «далеко от Москвы» и мы сами вынуждены сообщить туда о своем положении.

– Кому сообщили, и то хватит, а кто сообщил, мы узнаем и посмотрим еще!

– Гражданин майор! Вы новый человек здесь, и знайте, у лагерного начальства везде и повсюду есть советчики среди заключенных, и я советую не пугать нас, мы еще с детства пуганы и уже никого не боимся.

– Хватит! – крикнул майор, – иди и приготовься, я тебя сажаю на шесть месяцев в изолятор. Этим же вечером сядешь!

– Пока не родился такой человек, которому бы понравилось наказание и который благодарил бы наказывающего.

– Ты поблагодаришь!

– Я скажу, только не спасибо, а предсказание: «карьера, начатая наказанием, закончится кровью». Я пойду готовиться, – сказал Гиви и вышел из кабинета.

В тот вечер в изоляторе оказался не только Гиви, но и все организаторы забастовки. Видно было, что их кто-то предал. Но лагерное начальство не предвидело, что у организаторов были верные друзья, и этим наказанием майор подливал масла в огонь.

На второй день все вышли на работу. А вечером Кузьменко притворился пьяным, чтобы попасть в изолятор. Оказавшись в изоляторе, Кузьменко перестучался с ребятами, спросил, как поступить. Надо было что-то спешно придумать. После долгих размышлений было принято предложение Гиви:

– Найдите большие деревья на делянке, к вершинам привяжите лебедку, включите ее, трактор не сможет сорвать дерево с корнем, и лебедка начнет поднимать трактор наверх. Когда трактор дойдет до лебедки, автомат выключит его и затормозит. Так подвесьте все 28 тракторов и привесьте требование: «Требуем освобождения невинных ребят». Утром Кузьменко выгнали из изолятора (рабочей силой нельзя разбрасываться из-за пьянства) и послали на рубку леса.

На делянке ребята приступили к выполнению задуманного: сначала внизу попробовали трактора – выйдет ли затея. Все было высчитано с математической

точностью. Через некоторое время тракторы висели на здоровенных елях, как шишки.

Солдаты сообщили в лагерь о неслыханном случае. Прибыло начальство. Когда майор Прокофьев увидел подвешенные тракторы – схватился за голову. Действительно, как можно было снять тракторы, чтобы не испортить их? Если срубить дерево, то трактор упадет и поломается! Отпустить тормоз лебедки – то же самое – трактор полетит вниз! Как поступить? Новое начальство еще не приступило к делу и вот, пожалуйста, ЧП. Узнают в управлении и Прокофьеву несдобровать. Поэтому тракторы надо было снять без поломки и без шума. Но как? Легко догадаться – кто придумал подвешивание тракторов, тот придумает и их снятие.

Майор Прокофьев, как сумасшедший, ворвался в изолятор:

– Выходите! Объявляю амнистию, всех освобождаю! – кричал он и заставлял Захро открыть все двери.

Организаторы забастовки не двигались с места. Все ждали ответа Гиви. Вот и камера Гиви открылась. Гиви и майор смотрели друг на друга. Потом, вдруг, майор повернулся и ушел.

В руках он держал кипу бумаг.

– Выходите, все свободны! – жалким голосом произнес он.

Заключенные не выходили.

– Гражданин майор! Мы здесь сидим и отбываем наказание, не имеем права выходить, кроме как на прогулку! – сказал Гиви и прикрыл дверь. То же сделали остальные.

Через полчаса в изолятор пришел заместитель начальника по политчасти Чибатков. Чибатков не был похож на других, знал беды заключенных, старался облегчить им участь. Заключенные уважали его, хотя и у него были свои недостатки. Вечно он старался как-нибудь достичь кресла начальника и занять его. Но этот недостаток мало тревожил заключенных, и они сочувствовали ему. И сейчас, когда Чибатков с просьбой пришел в изолятор, Гиви не стал противиться – взял свои пожитки и вышел. За ним последовали и другие.

Чибатков позвал их к себе в кабинет.

– Первое и неотложное дело – снять тракторы с деревьев, – сказал Чибатков.

– Сегодня это не удастся! – твердо сказал Гиви.

– Почему, что помешает?

– Знаете, есть такая пословица – «клин клином вышибается». Трактор надо снять трактором, а его у вас нет. Все висят на деревьях. Надо одолжить из другой части.

– Там, где висит трактор, мы прикрепим ролик, на него накинem трос одолженной лебедки и один конец привяжем к висячему трактору. Стоящий трактор потянет лебедку, и , после этого, спустим тормоз висячего трактора. Нижний трактор потихонечку станет спускаться с помощью тормоза его вниз. Так что и не будет заметно, что ваш трактор был в беде.

Чибатков с удивлением смотрел на Гиви и думал: бог весть, откуда у человека появилась мысль подвесить трактор к верхушке, и как догадался этот человек снять его так безопасно. Потом, будто опомнив-

шись, улыбнулся, качнул головой и потянулся к телефонной трубке.

– Алло! Делянка? Григорьева хочу... Ага, это вы? Я Чибатков из 75 квартала. У меня к вам большая просьба, на час хочу одолжить у вас трактор. Да, Т-4, он сильный. Есть, но со своими не успеваем вывезти из леса деревья. Сейчас же пришлете? Буду очень обязан! Спасибо! Будьте здоровы!

– Значит, трактор в 12 часов ночи будет у нас. Ночью ничего не сделаете. Утром рано приступайте к работе, – сказал Гиви.

– Вы все пойдете с нами, – сказал Чибатков.

– Мне запрещено выходить в лес после побега.

– Ничего, я возьму на поруки. Там именно ты будешь нужен больше всех!

– Теперь куда мне идти, начальник, в изолятор или в лагерь?

– Не шути, иди в лагерь, хорошо отдохни, а утром рано приступишь к делу. Хотя, подожди, выпьем по сто!

Чибатков достал из сейфа бутылку, откупорил и выпив сам, налил Гиви.

– Гражданин капитан, мы отвыкли от еды и от питья. Это не обязательно для нас. Но человеческое отношение – обязательно. Мы же будущие свободные граждане. Вас потому любят, что ваше виденье выходит за пределы этой тайги, и вы видите нас на свободе. Этот стакан хочу выпить за вашу человечность и человеческое достоинство!

Гиви опорожнил стакан и передал другому. Некоторые выпили молча, а другие сказали только «будем», – водка кончилась.

– Удивляюсь, почему так случается, что сюда попадают ребята с таким умственным размахом, как ты Гиви. Не думаю, что вы родились ворами, грабителями, убийцами, но человек должен отвечать и за малейшее преступление, только не нравится мне, что со всеми обращаются здесь одинаково и с грамотными, и с бездарями, со случайно попавшимся, и с потенциальным убийцей. Там, на свободе, нет различия между хорошими и плохими. Вот ты сказал, что вы завтрашние свободные граждане. Как ты видишь свободу? Выйдите отсюда и вас встретят с распростертыми объятиями? Нет. Выйдешь отсюда, захочешь устроиться на работу, чтобы честным рабочим быть, а директор предприятия, куда ты обратишься, при виде твоего листа об освобождении обязательно откажет тебе. Зачем ему бывший каторжник, который много знает и будет требовать к себе нормального отношения? Ему лучше тот запуганный и замученный рабочий, которого он обманывает и обкрадывает на каждом шагу. Так же откажет тебе и второй, и третий. А там милиция не даст тебе покоя, да и живот подгоняет, и вот опять ты окажешься у нас!

Как говорил наш майор, причину арестовать человека найдут всегда.

– Как, буду просить работу и меня не примет хозяин? – Я же ему душу вымотаю! – сказал Орлатых.

– Вот и я говорю, что ты ему душу вымотаешь, а тебя сюда приведут, да еще в усиленном режиме!

Гиви долго молча слушал капитана, а потом обратился к нему:

– Василий Васильевич! Вы пожилой человек, наверное, много перенесли, много воевали. Неужели вы проливали кровь из-за того, чтобы была такая несправедливость? Или хотели заменить несправедливость справедливостью? А вы, по-моему, заменили имя несправедливости, и справедливость оставили с другим именем!

– Эх, Гиви Акакиевич! Кто меня спрашивал? Вообще такова доля маленького человека. Если что хорошее сделает, то это сделал большой начальник, а за испорченное дело всегда отвечает маленький человек. Маленький человек для большого человека – язва, которую тот старается удалить. Как вы думаете, мир успокоится революцией? Нет. Нашу планету такие кровопролития преследуют испокон веков. Еще за сорок веков до рождения Христа были построены чудеса света; Филон Византийский называет семь чудес света:

Египетские пирамиды Хеопса

Родосский колос

Храм Артемиды в Эфесе

Скульптура Зевса в Олимпе

Александрийский маяк

Висячие сады Семирамиды в Вавилоне,

Гробница фараона в Галикорнасе. Но разве только эти семь чудес в мире? Нет, можно перечислить в сто раз больше и доказать, что ни в смысле грандиозности, ни в смысле архитектуры – дворец Миноса на Крите, Некрополь Тибия в Египте, Царская долина в Египте, город Пальмира в Сирии, Парк де Шевалье – крепость крестоносцев в Ливии, Скальный купол

в Иерусалиме и другие, перечислять можно без конца. Но больше всего удивляешься пирамиде Хеопса, для строительства которой и современная техника не пригодна и, которая создана только человеческим трудом. Плиты покрытия гробницы весят свыше четырехсот тонн и принесены с Асуана, которая расположена в 17 километрах от гробницы. Известняковые монолиты стен гробницы весят свыше двухсот тонн. Все это создано человеческим трудом и связано с именем бога. Если не примем во внимание висячие сады Семирамиды в Вавилоне, которые созданы на почве любви. По-моему, ошибаются те, кто думает, что все эти чудеса созданы рабским трудом. Нет! Все это создано любовью и дружбой, а разрушено врагами. От висячих садов до нас дошли только арки. Разрушены и преданы небытию уникальные создания планеты. Много крови пролито для того, чтобы шагать злыми шагами, но зло все-таки не было уничтожено. Несмотря на греховность, человек создан, как уникальное создание природы и его венец. Он должен сеять кругом красоту и добро, но никогда добро не побеждало зло. Наоборот, зло всегда громко заявляло о себе: кровью, разрушением и уничтожением.

Творец мира махнул рукой на свое создание и грозит планете гибелью. Если прочтем «центурии» Мишеля Нострадамуса, французского астролога и предсказателя, жившего в XV веке, убедимся, что вечного на свете нет ничего. Как ограничена жизнь человека, так же ограничено и существование планеты.

Нострадамус точно назвал дату Троянской войны и ее продолжительность, войны Людовика XVI, царст-

зование Наполеона Бонапарта, Парижскую коммуну, Первую мировую войну, Русскую революцию 1917 года. Если посмотреть на будущее планеты глазами Нострадамуса, то в 1924–36 годах в России ожидаются большие репрессии, преследование богослужителей, в 1941 году со стороны Европы пойдет огромная сила, которая будет угрожать порабощением миру, разграбит огромную территорию, начнется массовое гонение евреев, но в стране снегов потеряется и погибнет эта сила. Конфликтовать будут маленькие государства, славянство и запад Англии разрушат Женеву, не будут выполняться договоры. В эпоху бледного солнца государства будут бороться за первенство, это случится в 2013 году...

Как видите ребята, ничто не бессмертно, сама планета должна исчезнуть в 3797 году.

Может быть не постигаема мудрость Нострадамуса, не то, что нам, своему сыну Цезарю Нострадамусу в 1555 году писал: «Ты, сын мой, не можешь понять меня, ибо твоему непостижимому уму пока еще не в силах усвоить знания этого вида».

Ну, а если мы своими собственными глазами и понятиями посмотрим на нашу планету, то она действительно заслуживает гибели, чтобы зародилось новое человекообразное существо, которому будет чуждо насилие.

– По вашему мнению, что будет с Вселенной, неужели нельзя избежать ожидаемую катастрофу?

– Нет! Что предсказано, то случится! С самого ж начала должно было задуматься человечество, что существует Творец мира, какая-то сила, и эта сила

не простит наши прегрешения. Я не ясновидец, и не могу предсказывать, но, по моему, Творец тогда допустил ошибку, когда создал человека.

Адам и Ева были украшением Эдемского сада. Они согрешили перед богом и были изгнаны из рая. Но этим не кончилось их наказание. Бог из болотной вонючей грязи замесил и сделал другого человека и послал его за Адамом и Евой, чтобы тот смотрел, не согрешат ли они еще. Так разделилось человечество на злодеев и блюстителей порядка. По моему мнению, все, что должно случиться и случилось во всем этом виновато наше отрицание бога. Что за сила возмутила и свела человека с ума, когда он низверг в пучину построенное человеком за многие века! Что заставило человека убивать себе подобного физически и уничтожать душевно? Почему поднял он руку на святое святых своих отцов и матерей – веру во Всевышнего! Творец не простит этого! Тебе, Гиви, человек не простил два зернышка пшеницы, хотя эта пшеница пропадала для всех. А вы хотите, чтобы Творец простил нам уничтожение страны!

– Василий Васильевич, вы верующий?

– О! Чувствую слишком далеко я зашел! Но я знаю, где говорю и с кем. Я вам сказал свое мнение, а моя вера в бога и неверие, не имеет значения. Вообще среди вас тоже есть люди, замешанные из болотной грязи. Вы думаете, что только на основании подозрения оказались вы в изоляторе. Нет! Нам передали совершенно точные данные. Не только вы, мы тоже не любим тех людей, замешанных на болотной вонючей грязи, но вынуждены выслушивать и использовать их.

А вы не доверяйте всем. А именно: Козлову (фамилия была произнесена так тихо, что его услышал только Гиви). А теперь идите. Сегодняшней нашей встречи не было, – и капитан приложил палец к губам...

Утром весь лагерь вышел на работу. Можно было только улыбнуться при виде огромных елей, убраных точно новогодние елки, тракторами. Через некоторое время первый трактор был осторожно спущен на землю, затем второй и т. д. Когда последний двадцать восьмой трактор стал на землю, начальник лагеря подошел к Гиви, хлопнул по плечу и сказал:

– Молодец! Можешь быть не только врагом, но и другом!

Вечером Гиви вошел к капитану и, прикрыв за собой дверь, сказал:

– Василий Васильевич! Я хочу задать вам несколько вопросов и, если вы найдете время для ответов, я буду очень рад.

– Ты прекрасно знаешь, что я не имею права вести подобные беседы с вами, но если они вам принесут что-нибудь полезное, я готов рискнуть.

– Меня удивила ваша вчерашняя беседа. Я встречался со многими офицерами и солдатами, но никто из них такими мудростями даже не обмолвился, поэтому интересно, кто вы, или откуда получили такое образование?

– Вы задали именно тот вопрос, от ответа на который я воздерживаюсь, не люблю говорить о себе. Но раз вы заинтересовались моей личностью, тем более, что мы одни, скажу. Родился я в Белоруссии, в Гродно. Мои родители были преподавателями в гимназии,

высшее образование я получил в Женеве. Молодым лейтенантом вернулся на Родину, где бушевало революционное движение. В коммунистических призывах я увидел лучшие перемены для народа, отказался от царской службы и записался в Красную Армию. Много прошел экзаменов, правда ли я коммунист или нет? Не белогвардейский ли шпион? И так далее и многое другое. И сейчас прохожу подобное испытание и поэтому не пошел выше капитана. Командование мне не доверяет. Оно не любит знающих подчиненных... Это вся моя короткая автобиография. А твою биографию я знаю основательно, если можно назвать ее биографией: школа, а после школьной парты – тюрьма. И добавлю, что по-белорусски зовут меня Василь, так что, я Василь Василич.

– Василь Василич! – улыбнулся Гиви, – меня интересует ваше мнение о человеке, каким он должен быть.

– Природу человека не объяснил еще ни один феномен. Очень сложен, недостижим вообще человек. Можно изучить одного, двух, трех личностей, но нельзя сказать: изучили человека. Каким он должен быть, не знаю! Если спросить сельскохозяйственного рабочего, он ответит: человек должен пахать, сеять, трудиться, создавать благо для своей семьи, быть добрым, честным... Но если мы этот же вопрос зададим солдату, то он ответит: человек должен быть бесстрашным воином и исполнителем приказа старшего. (Боже мой! А старший может быть необразован, пьян или психически болен, но солдат должен выполнить его приказание!).

Если образованному человеку задать подобный вопрос, он оправдает обоих, и рабочего, и солдата, а соображения о себе обойдет, не выскажет. Так же поступили бы и остальные. Скажу и свое мнение. Прежде всего, он должен быть образованным, он должен понять, усвоить, полюбить человека; быть справедливым, порицать несправедливость не потому, что она не устраивает его, а потому что несправедливость не устраивает человечество. Трудиться не потому, чтобы, проливая пот, обеспечить свою семью, но поделиться своим достатком с нуждающимся. Быть ученым не потому, чтобы своим трудом войти в историю, а потому, чтобы свои знания и мысли передать другим. Быть изобретателем, чтобы облегчить труд человеку, а не получить всеобщую известность изобретением отравляющего газа. Быть другом, делиться с людьми своими знаниями, опытом, не смотреть на подчиненного сверху, а, поручая ему дело, стать с ним рядом и сообщая, с любовью делать его. Человек – небесное создание, венец земного существования и первая страница лучшей жизненной книги

Когда человек физически и умственно может создать чудеса, построить тюрьму и дворец, когда преступление руководит человечеством и он же является судьей и присяжным, тогда человек пушечное мясо, а не венец и украшение природы.

Из человека можно сделать и икону, и кандалы. Сегодня человека заставили отказаться от вычеканивания иконы и понаделали столько кандалов, что, если их соединить, получим такую длинную цепь, что

несколько раз обовьет планету, именно под этой цепью стонет наша планета.

Оуен говорит, что в человеке, когда он рождается, нет ни настоящего зла, ни настоящего добра. Есть только возможность и силы, как для одного, так и для другого. И развивается в связи с теми, обстоятельствами, в которых он живет и воспитывается в семье и в обществе. И, если будем верить Оуену, то в умственном и духовном развитии человека первостепенное значение имеет семья и общество и он зависит от них.

– Василь Василич! Вы действительно удивительный человек и жаль, что находитесь в этой системе, хотя, почему бы и нет?

Если это трудовая исправительная система, то ваше и вам подобных место – именно здесь. Но вы, вероятно, единственный или один из немногих и, жаль, вы не сделаете погоду...

Так как мы разговорились и «зашли очень далеко» скажите, оправдывает ли сегодня революция? Или так же оправдывает, как оправдала Парижская Коммуна?

– Нет, революция, в конце концов, себя не оправдывает. Все цивилизованные страны отвергли идеи Маркса. Сам Маркс, прочтя свой «Капитал» сказал: «Кем хотите назовите меня, но только не марксистом». Несколько лет, а может быть и больше просуществует коммунистический режим и, когда народ увидит власть, построенную на лжи, начнет разрушать ее. Каким богатым должно быть государство, и какой гений должен руководить им, чтобы из половины населения создать милицию, а вторую половину держать в тюрьме и кормить их, обе половины

за счет государства! Но истощится государственное богатство, умрет и гений, тогда во главе государства может оказаться дурак, ибо, гений откажется от правления государством и с этого дня начнется распад государства. Человек стремится к лучшему. Он хочет красивую и сытую жизнь. Так как он не бессмертен, желает и смерть красивую. Ты представь, если человека, приговоренного к виселице вывести и разрешить ему выбрать веревку, то он несколько раз переберет эти веревки, в поисках крепкой и красивой...

Василь Василич замолчал, а Гиви думал, потом спросил:

– Василь Василич! Еще один вопрос, как можно заслужить доверие сегодняшнего правительства?

– Не знаю! На этот вопрос я не могу дать ответ. Это сверх моего знания и опыта. Я уже сказал и повторяю, я всесторонне предан той партии, которой служу, но чувствую, что нахожусь под контролем.

– Я почти не виновен ни перед страной, ни перед народом, неужели не простят мое прошлое?

– Не знаю! Думаю – нет! Ибо, все вернувшиеся отсюда, говорят о своей честности. В действительности же подонки (прости это обвинение), остаются подонками. Если даже простят, ярлык каторжника никогда не сотрется с тебя.

– Вот, например, я открыл месторождение золота, или нашел огромный клад, эту тайну доверил только рулевому государства, чтобы все это было употреблено на благо народа. Неужели после такого честного благородного поступка, нельзя простить прошлое?

– Да, можно, конечно. Если, как ты сказал, рулевой государства не террорист и шовинист. Но такому честному человеку следует быть очень осторожным, ибо цветы с могилы врага, как они не были красивы, всегда могут быть отравлены. Тот человек, который сообщит такую тайну рулевому государства, наверно, ожидает лавровый венок, но должен измерить окружность своей головы и эту тайну вверить верному человеку, так как мечтателю лаврового венка легко может достаться петля виселицы! За преступление, похожее на твой вопрос, в нашем лагере отбывает наказание знакомый тебе Алексей Лец. Попроси его, он расскажет свою автобиографию, и мудрый человек научится уму на слепой ошибке Леца.

Теперь расстанемся, не хочу, чтобы обвинили тебя в том, что являешься моим доносчиком, а то не оберешься неприятностей. До встречи. Когда встретимся, дам тебе прочесть судебный приговор Василия Белина, который «безгрешным петухом» шагает по лагерю. Такие не должны жить! Если тюрьма имеет свои законы, то и должны действовать этими законами. Я этим очищаю свою совесть, когда говорю лагерным главарям о преступлениях опасных преступников...

Гиви вышел из кабинета капитана, пошел на свое место, лег и предался думам. Он то видел в воображении свою Грузию, то лавровый венок, то был владельцем огромного клада, то висел на виселице!

Вечером он увидел Василия Белина и попросил его пройтись с ним в умывальник.

– Вася, по какой статье ты сидишь, – спросил Гиви.

– Какое твое дело! Я же не спрашиваю тебя, по какой статье ты сидишь.

– Ты и не спросишь, теперь я спрашиваю, отвечай!

– Иди своей дорогой! Да и вообще иди ты...

В это время раздался глухой удар и Василий свалился, как подкошенный, на пол. Еле поднялся, попробовал подбородок и стал как шелковый. Гиви повторил:

– По какой статье отбываешь?

– 102, вторая часть. Пермский народный суд приговорил...

– Да, это знаю убийство! Кого убил и зачем?

– Убей, больше ничего не скажу.

– Лучше признайся, я все узнаю.

– Сейчас не скажу, завтра утром расскажу.

– Хорошо, пусть будет утром, мы разберем твое дело, – сказал Гиви и первый вышел из умывальника...

Пулеметная очередь разбудила лагерь. Все вскочили и бросились к запретной зоне, где валялся, изрешеченный пулями труп Василия Белина. Лагерное начальство тоже явилось. Взгляды Гиви и капитана встретились. «Это убийство не без твоей помощи», – говорили глаза капитана. Труп внесли в медсанчасть. В ту ночь многие не спали и думали, почему решил бежать Василий Белин и прибег к такой заведомо безуспешной попытке. Гиви никак не мог вытерпеть и при первой возможности явился к капитану.

– Ого! Явился, – вставая, приветствовал капитан Гиви и прямо перешел к делу. – Еще скажешь, что ты чистый человек? Загадочный ты человек, Гиви. Все-

таки вы вынудили его зайти в запретную зону? Или убили, а потом бросили туда?

– Не шутите, Василь Василич! Я вообще забыл о нашей беседе и вспомнил только после убийства, что вы хотели что-то сказать о Василии Белине.

– Ох, Гиви Акакиевич! Так смешно, так смешно, что верю, от хохота скончался изверг Ксеркс, который разрушил Вавилон. Недоверие к другу выдаст тебя в этом деле, но я соучастник и не скрываю. Хотя чистая работа! Обвинить нас нельзя. Теперь уже можно не читать приговор Белина. Коротко расскажу:

– У Белина умерла супруга, осталась сиротой дочка шести лет. Вторая жена невзлюбила девочку и решила освободиться от нее. Но как? Наконец оба супруга Белины решили заставить девочку проглотить пиявки. Сделал это отец, Василий Белин. Пиявки присосались в области горла и глотки. Девочка, конечно, скончалась, но успела обо всем сказать своему соседу, мальчишке, который после смерти Гали, все рассказал, несмотря на запрет родителей, в милиции...

– Должен был умереть и умер как собака! Детоубийце не суждено умереть от старости! – сказал Гиви и со злости смахнул слезу.

Капитан заметил слезу и проговорил про себя, – сердобольный убийца.

– Нет Василь Василич, я не убийца, убийца тот, кто убивает невинного человека. Вы же видите, страна нуждается в очистке от злых духов. Человек – волк. А волк поедает только больных животных...

Рядом с жилыми корпусами в трехстах метрах была рабочая зона, называемая промзоной, где рабо-

тала добрая половина заключенных, а вторая в лесу. В промзоне были ремонтные мастерские для тракторов и машин, и также там распиливали бревна в лесопилке, которая находилась здесь же. Именно здесь, на лесопилке, у транспортера подавальщиком бревен работал Козлов, который обвинялся в предательстве забастовщиков. Козлов был огромный верзила, похожий на медведя с огромными лапами. С красным лицом, выдвинутым вперед, как у гориллы, он обладал неприятным выражением глаз, и был очень силен, что заставляло всех удивляться, почему он стал доносчиком.

На совете главарей было решено: Козлов должен «случайно» упасть на ленту лесопилки. Эту акцию должен был совершить Володя Орлатых.

Огромное тело Козлова «оказалось» на зубцах двигающих железную ленту. Тело не смогло остановить многосильный двигатель и редуктор, и было искромсано, как в мясорубке. Только отпиленные руки успел схватить Гиви и спрятать где-то. Орлатых оказался мастером «кожедером», он содрал кожу с рук Козлова. Сперва очистил кожу солью и кефиром, затем обработал ее известью, и получились прекрасные перчатки. Гиви зашил их в теплой куртке и спрятал.

Был конец мая. Найдя свободную минуту, Гиви сидел у маленькой речки и думал.

– Здравствуй, Гиви!

– О! Привет Закро!

– Как твои дела, Гиви?

– Какие дела могут быть у заключенного!

– Гиви, приближается время моей демобилизации, – перешел прямо к делу Закро. – Ты мой ровесник и мой земляк. Я не могу оставить тебя здесь. Пришел за советом, что мне сделать?

– Что сделать? Я думаю, мы договорились и сейчас повторяю: я тебе обязан жизнью и можешь распоряжаться мной как захочешь!

– Я ночами не сплю, думаю, как вызволить тебя отсюда. Ты уже потенциальный убийца и чувствую, что когда-нибудь тебе не повезет. Поэтому я придумал вот такой план твоего побега...

И два друга связанные многими нитями долго говорили об этом своем совместном плане. Закро, доведя до конца ознакомление плана с Гиви, договорился с ним, что до начала осуществления плана, им не надо было встречаться ни в коем случае.

* * *

– Твой «земляк» женился вчера, – сказал Гиви Соловьев.

– Пошел он! Женился! Как будто на свадьбу приглашает меня! – огрызнулся Гиви.

После нескольких дней Орлатых сказал Гиви, что его «земляк» купил мотоцикл и разъезжает на нем вместе с женой.

– Пошел он к черту, пусть хоть на черте женится, и разъезжает, – еще мрачнее отозвался Гиви, а в душе радовался, что Закро делает все по плану. Гиви не находил себе места, будто что-то искал, ходил из угла в угол, и вот он встретил Алексея Леца и вспомнил беседу с капитаном.

– Алексей, иди ко мне!

Лец и не думал о таком знакомстве с Гиви и, весь дрожа, приблизился к нему.

– Что случилось, Гиви Акакиевич? В чем дело?

– Алексей, давай отойдем, хочу послушать, почему отбываешь наказание. Ты не похож на преступника и такие люди действительно жалки для тюрьмы, – эти слова так были сказаны, что Алексей осмелел и пошутил:

– Если я твоя следующая жертва, то знай, что обогришь руки в крови невинного человека.

– Ладно, не шути! По тебе видно, что ты такой честный человек, что не ты, а тот, кто тебя сюда посадил, сам должен отбывать наказание.

– Хорошо, расскажу, но не судебный приговор, а все то, что пережил я за свою жизнь.

– Я крестьянин. Жил в деревне, в Челябинской области. Работал в совхозе, имел жену и двух детей. Однажды директор совхоза выделил мне землю под картофель около леса, целину. Я взял свою лошадь впряг ее в плуг и стал пахать. На одной из борозд плуг что-то задел и лошадь остановилась. Я думал, что задел какой-то корень и стал расчищать землю, чтобы освободить плуг, Но оказалось, что это не корень, а камень. Я высвободил плуг, а рядом с камнем было что-то, завернутое в кожу. Под камнем оказалась кастрюля, полная золотыми монетами, а в коже был завернут «Маузер» с патронами и запасными обоймами. Я подумал и решил все это отнести к директору совхоза, который выделил мне эту землю. Директор позвонил в милицию и не отпускал меня до тех пор

от себя, пока не приехала милиция. Пришли трое в кожанках, посмотрели на мою находку и глаза у них расширились. Даже похвалили! Потом мою находку сложили в сумку и ушли. Ночью опять пришли трое, но не те, которых я днем видел. Забрали меня без слов. Бросили в какой-то подвал и закрыли. Вонь и темнота такая, что дышать было нельзя и ничего не было видно. До утра простоял я на одном месте. Когда стало рассветать, различил, что поодаль стоит мой директор.

– Иван Иванович! А вы зачем тут?

– Как, разве ты сам пришел? Меня тоже привели. Но ничего, это какая-то ошибка. Наверно утром разберутся и отпустят, хотя, сюда легко попадают, но легко отсюда не уходят. Вот тебя увидел и подумал, не имеет ли это какую-то связь с твоей находкой? Если мои подозрения оправдаются, то...

– Да, но в чем же моя вина? Нашел и отдал властям. За это ведь не наказывают, а награждают...

Двери открылись и директора увели. Через час я оказался в большом кабинете. У письменного стола сидел мужественного вида человек, и что-то быстро писал, не обращая на меня внимания. Прошло минут 30. Потом, будто вспомнил обо мне, указал на стул, куда должен был сесть, и начал: Где нашел клад, когда нашел, в котором часу, сколько было монет, кому их принес, кто видел, было солнце или пасмурно и т. д. и т. п. Я рассказал ему, все, как было. Потом заставил меня поставить три крестика под написанным (так как я подписаться не мог) и отправил. Именно с того дня началось! Били меня в камере заключен-

ные, били на допросах следователи, били все, кому я попался под руки и на десятый день тот, первый, спрашивает:

– Знаешь, почему бьют?

– Не знаю, наверно потому, что нашел клад и сдал, за что положено было наградить.

– Ты хорошо все знаешь! Экспертиза показала, что кастрюля была полна золотыми монетами, та же экспертиза показала, что не хватает трехсот монет. Что скажешь об этом? Где ты их спрятал?

– Товарищ начальник, кастрюля действительно была полна и мы ее сдали вместе с директором человеку в кожанке.

– Опись сделали? Акт о передаче подписали?

– Я думаю, мы ничего такого не сделали, мы доверили представителям власти, а они ничего такого не требовали,

– Представители власти, люди в кожанке, наши сотрудники. Они врать не станут. Если вы с директором не сдали, то есть присвоили 300 монет, то пойдите, куда следует...

Еще дней десять били и допытывали. Били в тройном размере: заключенные, что нашел и не употребил сам, люди в кожанке за то, почему не возвращаю недостающие триста монет, а следователи за то, что не все сдал!

Наконец состоялся суд, который приговорил нас к восьми годам заключения. Директора после этого я не видел.

– А кастрюля действительно была полна? – спросил Гиви.

– Да, действительно!

– А, может, ты присвоил, и не помнишь?

– И ты так говоришь. От тебя мне что скрывать?

Рассказ Алексея Леца еще раз утвердила в Гиви мысль, что зло и добро имеют равную цену.

* * *

Был конец мая. Погода капризничала. Снег почти исчез. Проголодавшиеся звери воем и ревом оглушали окрестности лагеря.

Будто случайно зашедший в жилой корпус Закро шепнул Гиви по-грузински:

– Завтра ночью после проверки приходи в изолятор, двери будут открыты.

Гиви, будто не слыша этих слов, продолжал идти своей дорогой.

До назначенного времени Гиви весь был напряжен. Думал.

На проверку в помещение вошли трое. Гиви притворился спящим. Проверка закончилась. Гиви встал и вышел незамеченным. Он вошел к Закро в изолятор. В изоляторе вместе с Закро была и Галя, которая принесла кое-что для исполнения их плана. Начиналось самое ответственное время для задуманного. Все было подготовлено и решено...

Гиви переоделся, приладил парик и удивился перемене, посмотрев в зеркало. Галя оказалась смысленной и веселой девушкой. Она взяла Гиви под руку, и они вместе миновали вахту, где «сонные друзья» Закро с ворчанием открыли автоматические двери. Первое препятствие прошли прекрасно!

Прибавили шагу. Слились с темнотой и взяли курс на кладбище. Там у могилы, недавно умершего Никитина были приготовлены лопаты. Вырыли Никитина, одели его в одежду Гиви, предварительно положив в нее документы Гиви. А пустую могилу закопали и пошли к реке, унося на себе труп Никитина. В тайге под большой елью, положили Никитина, теперь уже с документами и одеждой Гиви и пошли к Гале. Через час они втроем были в доме у Галины. Закро закрыл Гиви в комнате и приказал не высовывать носа.

В восемь часов раздался сигнал тревоги. В лагере все зашевелилось. Стало известно, что Гиви бежал. Солдаты с собаками стали рыскать в окрестностях и через час у реки, под большой елью, нашли изглоданный труп, на котором не осталось и следов от одежды. Труп нельзя было узнать, но по ключьям одежды, все узнали, что это был труп Гиви. Привели фотографа, сфотографировали с разных сторон и, когда капитан Чибатков приказал похоронить кости «Гиви», у него на глазах появились слезы, но он поспешно смахнул их.

Кто с грустью, кто со злостью уходил с места «присшествия».

Закро тоже с грустью возвращался назад, будто действительно Гиви задрали звери...

Придя домой, он предупредил Гиви, чтобы ему не вскружила голову первая удача, так как еще много препятствий надо будет преодолеть, пока он окажется на свободе.

– Знаю, браток Закро! Не надо Гиви предупреждать. У вас наверно есть погреб, вот туда меня и по-

садите, и я до ухода буду там, только одна просьба к тебе: при Гале говори со мной по-русски, неудобно, она ведь...

– Ничего, ничего, говорите, я чуть-чуть понимаю по-вашему, – смеясь сказала Галя по-грузински.

На окна опустили шторы и, втроем «помянув» Гиви, отметили появление на свет второго Закро.

Через два дня Галя сказала:

– Что будет, то будет. Вторые документы о демобилизации Закро сделаю с фотографией Гиви. Если попадемся, то и так хватит, за что отвечать. Рискну!

На второй день был сделан снимок Гиви для паспорта и других документов. А через неделю все документы были готовы.

Потом началась подготовка к проводу молодых. Галя пригласила брата и родителей из Кизела, начальство и друзей Закро. Вечеринка кончилась песнями и танцами. Потом все разошлись довольные вечером.

Мать пустила слезу при прощании и пожелала счастливого пути...

А Гиви в это время сидел в погребке.

На рассвете мотоцикл навсегда уносил трех пассажиров из этих мест. Без всяких приключений проехали всю дорогу и прибыли в город. Теперь уже свободно вздохнул Гиви и выдвинул свое предложение: направиться не в Грузию, а в Иркутск. После долгих споров Гиви добился своего. Мотоцикл повез их по направлению к Иркутску.

* * *

Распогодилось. Путешествовать стало легче, но все равно семь дней пришлось ехать маленькой экспедицией, чтобы достичь Иркутска и прийти к заветной пещере. После трехдневного труда удалось проникнуть внутрь. Как предполагали, такой и оказалась пещера, только с той разницей, что вокруг было много скелетов, и основная входная дверь валялась на земле, наверно сорванная сильнейшим взрывом.

В пещеру вошли с лучинами. Она была разделена на комнаты, что доказывало о труде природы и человека. Все двери комнат были открыты, кое-где были топчаны, столы, стулья, попадались полные бутылки водки, боевое оружие, патроны в ящиках. Наверно, этого вооружения вполне достаточно было бы для нескольких батальонов.

Только у одной комнаты дверь была закрыта. Заметно было, что когда-то она была покрашена в зеленый цвет, но время и влага уничтожили краску, и ржавчина царствовала теперь на ней. Долго старались, но голыми руками открыть дверь было нельзя. Пришлось проверить все комнаты, в одной из них нашли лом, с его помощью выломали дверь. В комнате было несколько ящиков и мешков из медвежьих шкур. Мешки так были испорчены временем и влагой, что из них высыпались золотые монеты. Открыли все мешки и ящики, и, когда золото и дорогие камни засверкали в свете лучин, Галя сказала:

– Для этого стоило совершить рискованную экспедицию...

Договорились, что после того, как отдохнут, выйдут наружу, спрячут мотоцикл и переночуют тут же, так как уже было поздно.

Утром из запаса «предков» Закро принес две бутылки коньяка, открыли консервы и сели завтракать.

Гиви поискал в ящике, нашел серьги и два обручальных кольца, поздравил молодоженов, сам одел Гале серьги, а затем предложил обменяться обручальными кольцами. После этой церемонии Гиви поднял стакан и превратился в тамаду.

– В этой пещере в свое время кипела жизнь, народ боролся за свободу. Но сейчас впервые здесь свадьба и я хочу поздравить вас с этим союзом. Пожелать вам самого наилучшего в жизни. Галина! Ты со дня нашего знакомства являешься невесткой Грузии, а после заключения брака – грузинкой. Помни, совсем одно жить в Грузии, и совсем другое быть грузинкой. Ни одна женщина и ни один мужчина не делают друг для друга то, что сделали вы, если ими не руководит высшая мораль и сильнейшая любовь, которая вас соединила, а меня вызволила из мучений! Да здравствует тот первый поцелуй, который нам, троим, принес счастье! Да здравствует тот поцелуй, который предшествует рождению ребенка, а затем тот первый материнский поцелуй, пусть множится, чтобы рождалось много грузин, подобных Закро! Дай бог, чтобы жили вы в мире и согласии! А теперь нужно жить с умом.

Все, трое, обнялись с такой любовью, какая была сказана в тосте. Сели и стали думать, как будут жить дальше...

– Я с этого дня умываю руки. Буду рядом с вами, и это будет самое большое мое богатство. Если почувствуете, что это золото нам принесет несчастье – оставьте, ничего не трогайте, вход опять замуруем, уйдем отсюда и забудем обо всем.

– Что тебе подсказывает женское сердце? – спросил Закро.

– Ничего хорошего, но что не знаю, – ответила Галя.

– Хватит, не пугайте. Люди совершают убийство из-за одного кольца, а мы от этого огромного клада, который послал нам бог, хотим отказаться? – с удивлением воскликнул Гиви.

– Плохо создан человек! – сказал Закро, – его пугает и бедность, и чрезмерное богатство. Но богатство, не кричащее о себе и не портящее человека, наверно лучше, чем бедность! Хотя, с ума сходят умные, а дурак и так сумасшедший. Но нам, если поступить мудро, отказываться от богатства глупо. А отдать властям... Ну, зачем? У власти тоже такие же люди, как и мы. Подумаешь, чем они лучше нас? Неужели мы не сможем сохранить тайну и с умом употребить этот клад? А клад открыл ты и тебе принадлежит последнее слово. Как ты скажешь, так и поступим все трое.

– Успокойтесь! Здесь нет моего и твоего, здесь все общее, наше, но знайте, четвертого лица не должно быть. Мой план таков: сегодня мы возьмем легкие, но дорогостоящие предметы на несколько миллионов. Заедем в ближайший город и часть превратим в деньги. Поищем семью Игоря и оставим им деньги на

существование. Помните, если захотите кому-нибудь помочь, то только деньгами. Потом возьмем курс на Грузию, а семье Игоря будем помогать и в другое время. По дороге в разных городах будем превращать клад в деньги – до Грузии тысячи городов и сел. А об остальном кладе поговорим в Грузии.

Сложили в вещмешок бриллианты, дорогие камни, украшения, кольца, серьги, золотые монеты, а сверху положили бутылки коньяка, которого здесь хватало, замуровали вход в пещеру и тронулись в путь.

Первый город, куда они прибыли, был Черемхово. Галя сняла серьги, кольца и другие украшения и взялась их реализовать. Вначале она пришла к ювелиру, который долго рассматривал украшения через увеличительное стекло, потом заплатил ей солидную сумму, серьги она продала на базаре какой-то чрезмерно упитанной женщине, золотые монеты взял другой ювелир и, наконец, собрав сумму, которую они не ожидали, поехали искать дом Игоря.

Войдя в село, они легко отыскали дом Игоря. Жена Игоря пригласила их войти в дом, и они молча расположились на тахте. Наташа, дочка Игоря, сидела за столом и готовила уроки. Мать хозяйничала на кухне. Наконец Гиви нарушил молчание;

– От Игоря что слышно?

Такого прямого вопроса никто не ожидал и все посмотрели на Гиви. Мать Игоря, как подкошенная, села на стул и утерла слезы кончиком платка. Жена со страхом посмотрела кругом и ответила:

– Игорь был в заключении. А два года назад сообщили, будто он утонул во время купания, но что-то не

верится, он плавал как акула. Наверно, убили, – У нее глаза наполнились слезами.

– А где тот врач, который его выдал?

– Божьей «милостью» все, кто принимал участие в деле Игоря, наказаны судьбой и богом. Врач не то сам сбежал, не то был похищен. Его и след простыл. А судья и прокурор, которые без всякой вины сослали его, были объявлены изменниками и врагами народа; их «взяли» и с тех пор ни слуху, ни духу от них.

– Дорогая! – обратился Гиви к жене Игоря, – мы знали Игоря. Правильно, что он утонул. Была холодная вода, а он чуть выпивший и... так случилось. Не надо допытываться об этом деле. Поверьте моим словам. Игорь работал на лесозаготовке и из своего заработка оставил кое-какую сумму нам, и вот мы принесли вам, – сказал Гиви и передал жене сумку, в которой были деньги. Жена открыла сумку и, при виде такой суммы денег, вся затряслась. Она, наверное, боялась взять такую огромную сумму, но Галина, заметив ее замешательство, достала с другой сумки бутылку, консервы, колбасу и когда положила все на стол – сказала:

– Принесите тарелки и стаканы!

Женщина опомнилась, вынесла сумку в спальню и начала накрывать стол. Закро не пил, он управлял мотоциклом, но горячий борщ ему очень понравился. Люда (так звали жену Игоря), выпив стаканчик коньяка, осмелела и сказала решительно:

– Друзья! Я не спрашиваю, кто вы, так как вы являетесь спасителями для нашей бедной семьи, но если

эти деньги могут принести нам неприятность, то забирайте обратно! Лучше провести оставшуюся жизнь в нужде и в поисках каждодневного хлеба, чем проводить старость на каторге.

– Это все зависит от вас, – сказала Галина – деньги не надо тратить без разбора, не надо говорить и о нашем приходе, если так поступите, то и в дальнейшем мы не оставим вас без внимания.

– Неужели такую дружбу посеял между вами Игорь, что после его смерти, не забываете его семью? Меня не деньги удивляют, Игорь, наверное, заслуживает этого, удивляюсь вашей человечности. Таких, наверно, больше нет.

– Как видите есть, не надо плохо думать обо всех. Нет зла без добра, так же, как нет моря без бури. Некоторые считают, что построить церковь – это призвание, а иные думают, что их дело только разрушать. Если люди будут одинаковы, то жизнь будет неинтересна, под влиянием злого человека надо не сгибаться, а закаляться, духовно слабые не могут бороться, а сильный, будучи уверенный в своей силе, борется уверенно и побеждает.

Никто не думал, что Галина так философски может рассуждать и все с интересом смотрели на нее. Затем она сказала:

– Пора идти! – и все поднялись. Люда пригласила остаться и переночевать у них, но Галина настояла на отъезде. Попрощались очень тепло, так как несколько часов, проведенных вместе, были такими теплыми, что этого хватило бы надолго... Скоро горизонт скрыл наших путешественников.

...Романтически путешествовала знакомая нам экспедиция. Дорога им предстояла долгая, но они не спешили. Останавливались везде, где нравилось; натягивали палатку и ночевали. Так понравилось им путешествовать, что стали завидовать кочующим цыганам. А когда достигли Черного моря, Галина вообще не вылезала из воды. Белая как снег, она стала коричневая как мулатка. Закро и Гиви стали похожи на черных ворон. Закро все «причитал»: «Такая белая женщина у меня была и почернела. Как быть, если в доме ее невзлюбят за черноту?» А Галина смеялась и дразнила Закро:

– Ты думаешь, меня солнце сожгло? Нет, я сгорела от твоей любви. Что кожа, ты посмотрел бы в мою душу и уверишься в моей правоте. Но ничего, зимой опять стану белой, тогда полюбишь меня, и этим успокоюсь. А до того не прикасайся ко мне.

– Боже мой! С кем я связался, – по-грузински говорил Закро.

– Сулели – знаю: это дура, а другое слово «гадареули» ты сказал, что это значит? – серьезно спросила Галина Гиви.

– Между сулели и гадареули большой разницы нет. Сулели – это ты, а гадареули – это Гиви, – ответил Закро.

– Ура! С сегодняшнего дня, Закро – директор дома для сумасшедших, – крикнула Галя и, хлопнув в ладоши, стала танцевать.

– Перестань дурачиться! Идем, пообедаем, и коньяк выпьем, да забери с собой гитару. Быстрее, а то передумаю!

– Я сейчас же, господин директор дома для сумасшедших, а вот за гитару извиняюсь. Она сказала, что устала и хочет отдохнуть.

Гиви от всего сердца смеялся шуткам Галины.

Целый месяц прошел в шутках и смехе.

Действительно, незабываемым был этот отдых – путешествие, которое сопровождалось радостью и печалью, весельем и слезами, холодом и жарой, голодом и сытостью... Именно этим оно было незабываемо. Но всему есть конец. Завершалось и их путешествие.

Мотоцикл остановился у двухэтажного деревянного дома в Кахетии. Из дома вышли и стар, и млад. Скоро собрались соседи и родственники. С быстротой пули разнесся в селе слух о возвращении Закро.

– Одного послал, а вернулись трое! Вот такого надо иметь парня! – радовался отец.

– Не три, а четыре. Кажется, невестка в положении, – отозвалась Цира, мать Закро, по которой нельзя было судить, радовалась ли она, или огорчалась невестке. Сестра Закро Нино была на седьмом небе от радости за брата, и, как тень, не отставала от невестки, поминутно обнимая и целуя ее. Закро всем представлял Гиви, как своего сослуживца и в семье его приняли, как сына. Началось застолье, которое превратилось в свадьбу. Украшения, взятые изклада, все были реализованы по дороге. Только у Гиви сохранились два кольца с бриллиантами. Одно кольцо он подарил Цире, а другое Нино. Гиви вел себя чрезмерно скромно. Казалось, был чем-то недоволен, но это только казалось. Он в душе радовался счастью своего

друга и Галины, и в этой радости он не был один. Все были рады за молодоженов.

Серьезность Гиви придавала ему большую красоту и мужество. Многим девушкам запал он в душу. А Нино, сестра Закро, вообще избегала взгляда Гиви и при каждом его слове краснела. Она была очень красива. Тонкостанная и полногрудая, она имела правильные грузинские черты лица и черные очи. Гиви чувствовал ее влечение к нему, да и сам был, как говорится, «неравнодушен к ее чарам». Но он старался избегать мыслей на эту тему. Ибо каждый свой шаг ему надо было согласовывать с Закро и Галей.

На десятый день своего пребывания в гостях, Гиви зашел в маленький магазинчик, который стоял на реке; он хотел купить сигареты, но ни продавца, ни покупателей не было. Решил вернуться, но в это время в магазин забежал совершенно круглый молодой человек и прикрыл за собой дверь. Его вид больше напоминал циркового клоуна. Его пузо свисало с пояса на вершок, короткие руки и ноги придавали ему вид колобка, а лицо и плечи были несоизмеримо большими.

– Ты, бичо! Примаком стал к Порфирию да? Наверно ты имеретинец, вы же никого не бракуете. Только смотри, она в положении от меня и, чтобы не случились преждевременные роды. Пусть один сын в Имеретии растет у меня, большое дело!

– Я пришел сюда за сигаретами. Не понимаю, что ты тут наговорил, кто от тебя в положении, о ком ты?

– О Нино! Если не веришь, поверишь, когда возьмешь ее.

У Гиви потемнело в глазах, кровь закипела, но он сдержал себя и тихо сказал:

– Мужчина такие дела хранит в секрете. А ты и физически не похож на мужчину, но оказывается и морально урод. Не хочу пачкать руки в твоей грязной крови. Выбери сам как хочешь умереть, такие змеи не должны жить, чтобы не расплодились в стране тебе подобные.

Не успел Гиви договорить, как «колобок» молниеносно схватил с полки топор и бросился к Гиви. Но тут успел выхватить наган и прицелился.

Страшен был Гиви с семизарядным наганом в руке. «Колобок» от неожиданности растерялся, бросил топор, а сам упал на колени:

– Не убивай, умоляю, люблю ее и потому сказал, не убивай, дай бог вам счастья, забирай ее. Умоляю, не убивай, – отвратительно извивался на полу «колобок», обливаясь холодным потом.

– Тьфу! Да ты извращенное животное!– сквозь зубы процедил Гиви и добавил:

– Быстро отрежь веревку!

– Сейчас, хочешь дам весь короб, хочешь домой принесу, бесплатно, – всхлипывал он, падая на колени и разматывая веревку.

– Больше не надо. Возьми кусок веревки, стань на прилавок и привяжи к крючку люстры! Не достаешь? Подставь стул... Вот так!

«Колобок», как замороженный, выполнял все приказания, а почему, на это только психиатры могут ответить.

– Сделай петлю! Вот так! Во, во, вот так. Сейчас надень на шею. Вот так!

– Не убьешь же, я же все приказания твои исполняю, слугой твоим стану!

С петлей на шее он выглядел как циркач...

Гиви приблизился к нему и спокойно выхватил стул из под ног «колобка». «Колобок» задергался как кукла, подвешенная на ветру... Гиви прикрыл за собой дверь и вернулся в дом Порфирия.

Дома была только Нино. Остальные ушли в виноградник.

– Где ты был? – спросила Нино.

Гиви не ответил, прошел в свою комнату, и сел на стул. За ним вошла Нино, закрыла дверь изнутри ключом, а ключи выбросила в открытое окно.

– Где был? Тебя спрашивают, не слышишь?

– Как он сказал? «Я ее таскал, она от меня в положении»? И ты поверил? Он не впервые говорит и не тебе первому! Некоторые верят, некоторые нет. Большинство думают, что я его соержанка. А сейчас ты посмотри и уверься, кто я! – Нино коленями придержала рубашку, через голову сдернула с себя платье и нырнула под одеяло, увлекая за собой Гиви.

– Нет, Нино, не, надо! Я знаю ты хорошая девушка, но пока это не надо делать. Ты не знаешь, кто я, я плохой человек, со мной ты можешь погибнуть, – говорил Гиви и старался увернуться от ее поцелуев, но было видно, что он терял силу воли и начал прижимать упругую девичью грудь к своим губам, и затем...

Когда оба устали от объятий и поцелуев, Нино будто пришла в себя, застеснялась и скрылась под одеяло. Оба тяжело дышали.

– Успокоилась, милая? – спросил Гиви, сам взволнованный, и, когда не получил ответа, опять приласкал ее, девушка не сопротивлялась...

Гиви встал, оделся и, так как дверь была закрыта, выпрыгнул из окна, отыскал в траве ключ, брошенный Нино, и вывел ее во двор. Принес воды, попросил ее выпить и успокоиться, усадил в кресло, стоящее под ореховым деревом, сам стал перед ней и сказал:

– Нино, послушай! Я знаю и чувствую, что ты любишь меня, и я не равнодушен к тебе и даже больше скажу: люблю тебя! Но я не имею права рисковать тобой. Ты хорошая девушка и достойна иметь хорошего мужа, быть счастливой в жизни, а меня ты не знаешь, Никогда нельзя оценивать человека на вид. Я очень плохой человек, повторяю, очень плохой человек и со мной ты будешь несчастна.

– Мне лучше быть с тобой несчастной, чем с другим счастливой, – сказала Нино и, склонив голову, заплакала...

Со стороны магазина послышались крики. Собрался народ.

– Ника повесился! – прошла молва среди людей. Нино с широко раскрытыми глазами посмотрела на Гиви, взгляд ее спрашивал «Не ты ли помог Нике повеситься?». Гиви не выдержал взгляда Нино и про себя проговорил: «Боже мой, что за день настал сегодня!», потом, немного подумав, сказал:

– Я сегодня уеду по очень важному делу, вернусь, наверное, через месяц и тогда поговорим о нашей свадьбе.

– Почему ты говоришь с сомнением? Что значит «наверное»? Если под сомнением стоит твоё возвращение, не уезжай!

– Не уехать нельзя. От этого многое зависит. Больше не спрашивай, когда вернусь, всё расскажу. Ты будешь моей единственной, а если не вернусь, то вообще забудь меня!

Ещё что-то хотел сказать Гиви, но во двор вошёл Порфирий со своими домочадцами. От отцовского глаза не утаились заплаканные очи Нино и волнение Гиви. Отец, не найдя причину такого положения, тут же сел под ореховым деревом и будто для себя сказал:

– Дети мои! Правда, вы молоды, в ваши годы кровь бурлит, и человек может совершить такое, что не укладывается в рамки человеческой совести и чести. Каким добрым не был бы человек, но обесчестить семью никому не простительно.

– О чём говоришь, отец! О каком бесчестии ведёшь речь, даже думать об этом грешно!

– Заплаканные глаза выдают, дочь моя, отцовское сердце многое замечает.

– Ника повесился, поэтому я немного всплакнула.

– Кто-то, что-то говорил, не любила ли ты этого колобка?

– Что ты говоришь папа, за что его можно любить. Но ведь жаль стало человека.

– Ну, раз так, то пусть твои глаза не будут чувствовать слез. Дай бог, чтобы у тебя не было больше горя, чем смерть Ники.

– Отец, человек должен почитать думы своего сына, не то станет похож на того сеятеля, который

идет по знакомой борозде, и не может рассчитать, где провести следующую борозду!

Порфирий улыбнулся, а Гиви удивился увертливости Нино и вспомнил где-то прочитанное четверостишие:

О, как не предскажем мир...
Где плачет Паганини гений,
Царят же подлость и измены,
А возвышается – кумир...

А затем подумал: «Боже мой! И Нино коварна, как и все женщины», потом отозвал Закро и Галину и объявил им, что он решил ехать. Оба с удивлением посмотрели на него.

– Куда собрался ехать?

– В свой дом хочу ехать! – ответил Гиви..

– Но ты же знаешь, что это губительно для тебя и для нас!

– Знаю, но все-таки я должен вернуть то, что потерял и что дороже жизни для меня!

– Ну и что ты ищешь?

– Я должен быть «Я». Я должен обрести свое имя и отцовское имение, – сказал Гиви.

– А если тебе поехать в Россию и там жить с моим паспортом? – после раздумий вставил Закро.

– Нет, я хочу жить и умереть со своим именем.

– Вы, наверно, никогда не представляли мой маленький дом, оставшийся без присмотра, с провалившейся крышей, двор с ободранной изгородью, который стал пастбищем для соседского скота. Не представляете? А мне каждую минуту не дает покоя чувство, что я оказался недостойным сыном своего отца!

– Хорошо, но что ты решил?
– Приду к властям и попрошу прощения!
– И, ты думаешь, простят?
– Не знаю.
– А я знаю, что не простят, и ты сам идешь в тюрьму!

– Что будет, то будет. Иначе я не могу. Надеюсь через месяц вернуться. Если не вернусь, не поминайте лихом, считайте, что погиб за свое собственное «Я».

– Слушайте, годы провели вместе и не могли нашептаться, что ли, что вы секретничаете? – спросил отец.

– Мы не секретничаем, но Гиви хочет уехать, а мы отговариваем. Придется отпустить, только после сегодняшних проводов.

Во двор вышла мать Порфирия и, встав перед Гиви, стала отговаривать его от поездки.

Закро, чтобы разрядить неловкость стал говорить о бабушке:

– Наша бабушка очень образованная женщина, когда-то окончила гимназию и сохранила прекрасную память. Она даже помнит, из какого дерева был сделан крест, на котором распяли Иисуса Христа.

– А почему бы не помнить. Ведь часть этого креста муж царицы Тамары принес в Грузию! – не дала договорить Закро бабушка. А Закро продолжал:

– Вот и я говорю, что чудесная память у бабушки. Много раз говорила она, что помнит день рождения «святой Нино», что крест, который она связала из лозы, был из цоликаури*, Она в споре со мной доказа-

* Цоликаури – сорт винограда. Отсюда и вино «Цоликаури».

ла, что у озера Паравани* тогда росли только цоликаури. И вот у обладательницы такой памяти спрашиваю, в какой день я родился. Она посылает меня к черту, говоря, что день рождения чертей не запоминает.

Все засмеялись, а бабушка продолжала:

– Как я дожила до сих пор среди таких сумасшедших?

– Иногда, когда задумаюсь, представляю себя директором дома сумасшедших.

– Чувствует мое сердце, что эта девушка умница, – указывая на Галю, сказала она. – Но своего безумного внука мне все равно жаль. Совсем одно жить в Грузии и совсем другое – быть грузинкой. Почему-то мне думается, что женщина, которая оставляет Родину, мужа тоже скоро разлюбит и ей не трудно будет оставить его. Очень плохо создана женщина. Бог совсем не участвовал в ее создании. Я думаю, черт создал ее. Пусть не обидятся наши женщины, но ее можно сравнить с необъезженной лошастью. Кто первый объедит ее, тому верной и останется. Каждый мужчина должен знать, что лошади той нужен сильный всадник. Надо сильно натягивать узды, а то, если отпустишь, разойдется, ослепнет в скачке и вместе с всадником может полететь в пропасть.

– Бабушка, почему так агрессивно настроена против женщины, ты же сама женщина? Почему тебе не жаль это слабое, но красивейшее создание? – смеясь, спросил Закро.

* Паравани – озеро в Южной Грузии. По преданию путь Святой Нино из Кападокии во Мцхета проходил через Паравани.

– Правильно, сынок, она слаба и прекрасна, обворожительна и привлекательна, не только для мужчин, она привлекательна и обворожительна и для женщин, но все-таки она женщина. Глубоко задуманное существо, которое черт создал для раздора.

– Вот и говори с ней. Совершенным философом сделалась, – сказал Порфирий и стал распоряжаться об устройстве ужина в честь отъезда Гиви.

Ужин кончился поздно вечером. Гиви вместе со всеми шутил и веселился. Но в душе он много думал о трудностях заново избранного пути...

Рассвело. Гиви собрался не спеша и вышел попрощаться, все были в сборе. Только бабушки Эфросиньи не было, но вот и она вышла. Она взяла Гиви под руку и вывела в свою комнату. Бабушка поставила Гиви на колени перед образом, стала сама на колени, и, положив ему руку на голову, начала читать молитву:

– Святая Мария! Это я, Эфросине Абашидзе, безгрешная и чистая перед семьей и нацией. Вечная грузинка и христианка, носительница креста. Как всегда, так же и сегодня внемли моей молитве, ибо просила я на коленях тебя и хочу просить тебя за этого юношу. Дай ему путь праведный, убереги его от греха и помоги в трудный час. Вручаю тебе мою нацию, мое отечество, мой язык. Рассуди на этом языке черный день ворога, дай ему рассудок и призови к прощению. Святая Мария, взвесь на небесных весах справедливость моей нации, грехи и заслуги ее... Ты знаешь цену греха, добра и зла моего народа. Тебе поручаю, Святая Мария, тобою выделенную землю. Дай честность, красоту, чистоту и терпение, ум и выносливость мо-

ему народу. Для размножения моего народа будь покровительницей такому парню и изгони сатану. Дай ему дорогу для отступления, если встретит смертельную опасность. Дай уничтожить самому парню тех, кто вздумает умертвить его. Прокляни, Святая Мария, тех, кто грозит сжечь пергамент моего отечества. Пусть сам бродит без отечества и будет проклят, кто пожелает другому народу зла и проклятия.

Пусть будет счастлива Родина наша, отечество наше, язык наш, молодежь наша, будущее наше сегодня и вовеки веков! Аминь!

Молилась бабушка Эфросине, а Гиви слышал зов и молитву всей Грузии, всего народа.

Бабушка Эфросине встала, перекрестила Гиви, поцеловала его в лоб и вывела из комнаты.

Все собрались у ворот, чтобы проститься с Гиви, только не видно было Нино. Ее нашли в своей комнате заплаканной. Закро хотел провести его до вокзала, но Гиви решил идти один и настоял на этом...

Около девяти часов вечера Гиви сошел на станции Харагаули с поезда. Все тут было знакомо, годы не очень изменили город.

Гиви сразу же направился к станции. Затем он направился туда, где он несколько лет назад собрал пшеницу, потом пошел к той будке стрелочника, где взвесили «краденную» пшеницу, за что и получил восемь лет.

Гиви подошел к будке стрелочника и без спроса открыл дверь. О, боже, тот же стрелочник, который сдал его в милицию, дремал на необструганных досках топчана.

– Добрый вечер, дядя! – приветствовал Гиви.

При виде незнакомца стрелочник нехотя поднялся и отозвался на приветствие. Воцарилось молчание, которое Гиви нарушил.

– Дядя, как видно вы меня не узнали, а я должен с вами поговорить.

– Пожалуйста!

– Нет, если можно выйдем во двор, хочу вам показать что-то интересное.

– Пост оставлять нельзя, могут позвонить, и если меня не будет, знаешь, что сделают?

– Ничего на две-три минуты пройдишь со мной. Если кто позвонит, скажи, что делал обход участка.

– Хорошо, хорошо, пошли, – сказал стрелочник и надел форменную фуражку. Гиви пошел вперед. Дойдя до того злополучного места, Гиви спросил, знает ли он это место.

– Конечно, знаю, тут каждый камень мне знаком.

– Да нет, я не об этом знакомстве веду беседу. Тут несколько лет назад вы поймали и сдали в милицию мальчика за «воровство» пшеницы.

Стрелочник, после раздумий, вспомнил, но начал оправдываться, что он не думал засадить парнишку. Он только надеялся, что мальчика просто проучат и отпустят домой, но, не дай бог, оказаться в их руках. И если на душе какой-то грех, то только этот.

– Да и в этом он не виноват, а виноват строгий закон.

– Закон не гора, его можно обойти, и знаешь ли ты, что твой поступок и слепое следование букве закона погубило человека?

– Ну и что, не такие погибали!

– И тебе не жаль человека, оказавшегося в тюрьме за три килограмма пшеницы?

– Конечно, жаль человека, если по моей вине он сядет в тюрьму. Но перед этим парнем я прав.

– Это как же?

– Да так. Государство не собственный амбар. Если каждый будет присваивать по три килограмма, государство обеднеет, и, может случиться так, что даже больные дети останутся без хлеба. Тот парень сегодня присвоил три кило пшеницы, завтра взломает вагон и возьмет десять килограммов пшеницы или что там есть, а послезавтра взломает склад и так превратится в вора. Те годы, которые были присуждены тому парню, скоро пройдут и после освобождения, может он будет меня благодарить. Трудности должны пройти все, ибо тюрьма духовно слабых уничтожает, а сильных закаляет.

– По-твоему, всех слабых должны уничтожить? Это же философия шаха Аббаса. Но таких людей надо побыстрее уничтожить, не то вы погубите и слабых, и сильных.

– Пусть уничтожают, но если меня не будет, то после меня хоть потоп, – сказал стрелочник.

– После меня хоть потоп, лучше этого не сможет выразить тот, кто ненавидит людей. А потопа после тебя не будет, так как твоей жизни осталось немного, а до потопа еще далеко.

– Подожди, подожди, не тот ли ты парень, о котором мы беседуем. По закону твой срок еще не кончился, убежал? Да я сейчас тебя туда сдам, куда и прошлый раз, а там ищи справедливость!

Стрелочник хотел достать из кобуры висевший на ремне наган, но Гиви ударом в подбородок свалил стрелочника и тот, упав головой об рельс, размозжил себе голову...

Гиви быстрыми шагами удалился с того места, направляясь к знакомой улице.

Подошел к дому. Нет, не так было, как представлялось Гиви. Дом стоял по-старому, из окна выбивался тусклый свет, значит, жизнь продолжалась...

Гиви не вошел в дом, а пошел в виноградник и спрятался. Вспомнил детство и, может впервые за свою жизнь, глаза налились слезами. Ох, как хочется войти в дом, обнять людей, которые его ждали, но этого пока нельзя было делать. В думах и борьбе с самим собой он и не заметил, как рассвело. Под инжировым деревом вырыл яму, положил туда наган, перчатки из кожи рук Козлова, завернул в шапку, засыпал землей и утрамбовал. Еще раз посмотрел на свой дом, виноградник, двор и быстрыми шагами направился к станции. Попутным поездом он приехал в Тбилиси.

Гиви ходил по улицам города и любовался каждым домом, людьми, радовался грузинской речи и так был счастлив, что, будучи голодным, и не думал о еде. Вечером устроился в гостинице под именем Закро Николаишвили, принял ванну, лег и сразу же заснул.

Утром встал рано, почистил и погладил брюки, побрился, рассчитался с администратором и, взяв паспорт, вышел в город.

Пошел по набережной Куры, достал паспорт на имя Закро Николаишвили, порвал его и бросил в реку.

Потом, проверив, нет ли чего подозрительного в карманах, направился к Дому правительства.

В дверях стоял милиционер, требуя пропуск, а у Гиви ничего нет. Гиви решил подождать. В это время подошел какой-то молодой офицер, перед которым постовой вытянулся и отдал честь.

– Извините, товарищ! Вы молоды и лучше меня поймете, нужна ваша помощь; если можно, я хочу лично встретиться с комиссаром внутренних дел.

Офицер, удивившись, после раздумий решил помочь Гиви. Через некоторое время Гиви оказался в приемной комиссара. В приемной сидело много народа, но вот позвали Гиви. Гиви отворил кожаную дверь, но за ней была и вторая... В глубине огромного кабинета стоял большой стол, на котором стояло несколько телефонных аппаратов. За столом сидели два человека со знаками различия на рукавах. Начальник кабинета в пенсне осмотрел Гиви с ног до головы и спросил:

– В чем дело, молодой человек?

– Мне, господин, надо лично с вами поговорить.

– Господ уже давно нет в Грузии, ты должен знать это, а мы друг от друга не имеем секретов. Можешь перед моими друзьями говорить обо всем.

– Нет, господин, если лично с вами нельзя говорить, то я извинюсь и уйду!

– Опять «господин», – улыбнулся человек в пенсне и посмотрел на «друзей», которые «догадались», что надо уйти и зло посмотрели на Гиви за его недоверие.

– В чем дело, молодой человек, садись и расскажи, что тебя беспокоит, – сказал человек в пенсне.

– Не знаю даже с чего начать. Наверно лучше прямо начать с дела. Я Гиви Табатадзе, обладатель огромного клада, золота, серебра, дорогих камней, решил все сдать вам, чтобы вы употребили его для строительства и благосостояния Грузии. Я верю вам, как истинному грузину, патриоту и честному человеку.

Несмотря на силу воли и самообладание человек в пенсне подумал: «Этот парень или дурак, или хочет надо мной посмеяться, но, бедный, не знает, с кем имеет дело». Затем сказал:

– Если настоящая причина вашего прихода то, что вы сказали, почему не объявите это в присутствии моих друзей?

– В таком деле не существует друзей.

– Хорошо, но, как вы сказали, если обладаете таким кладом, почему не хотите употребить его для своего благосостояния?

– Господин, существует, по-моему, два вида людей: одни, кто думают о кресле, а вторые о Родине и народе. Я ни должности, ни карьеры не хочу, а вы можете вернуть мне мой дом, и мое собственное имя?

– Ничего не понимаю, обладатель, как ты говоришь, огромного богатства, просишь собственное имя и свой дом! Откуда у тебя этот клад? Скажи коротко и ясно, пожалуйста, не отнимай напрасно времени для каких-то сумбурных суждений.

– Хорошо, я скажу прямо. Знаю, вы слышали об адмирале Колчаке, который в окрестностях Иркутска боролся против Советской власти. Клад, который я случайно нашел в пещере, принадлежит ему.

– Откуда знаете, что клад принадлежит Колчаку?

– Местные жители рассказали о местоположении его лагеря.

– Продолжайте, как вы оказались в Иркутске и в этой пещере?

– Был в заключении, бежал, вернее сейчас в «бегах».

– Так вот, что вас беспокоит, но какая у вас гарантия, что я не верну вас туда же.

– Вы это можете, но потеряете человека, который уже не является опасным для нашего общества и готов честно трудиться для своей семьи и людей, окружающих его. А если вернете туда же, что делать, клад я все равно оставлю, употребите его для нужд Грузии.

– Где сейчас это богатство?

– Оно находится там же, где и было. Вход в пещеру я замуровал и с большими трудностями добрался сюда.

– Сколько вас было, кто знает еще о существовании клада?

– Только я.

– Из заключения один бежал?

– Да, один.

– Хорошо, я прощу тебе это, но с одним условием: я пошлю с тобой двух верных людей, будете обеспечены транспортом и привезете клад в Грузию.

– Я решил не обманывать других, но меня на каждом шагу обманывают. Какая у меня будет гарантия, что после того, как клад будет загружен в транспорт, меня не уберут или еще что-нибудь? Нет, снабдите меня документами, чтобы я по дороге не был задержан, и я один привезу клад.

– Но где гарантия, что половину не присвоишь?
– Если бы я хотел присвоить, я бы уже это сделал бы.
– Хорошо, я верю тебе, в твою честность, но лучше будет, если я пошлю с тобой моих верных людей!

– Нет, не могу, клад я сам привезу. Но есть еще такой вариант. Я даю точный адрес и чертеж, вы посылаете своих «верных» людей и пусть они привезут клад.

– Этот вариант приемлем, – сказал человек в пенсне и дал Гиви карандаш и чистый лист бумаги.

– Только не сегодня, тогда когда я получу документы об освобождении вместе с моим паспортом, тогда и дам вам чертеж.

Хозяин кабинета покраснел, заметно было, что рассердился, но сдержался и с улыбкой сказал.

– Не доверяешь?

– Как не доверяю, но... где-то водится обман.

– О, это уже оскорбление! – воскликнул человек в пенсне, несколько раз прошелся по кабинету, потом сел против Гиви и пододвинул ему карандаш и бумагу.

– Слушай, как ты смеешь сомневаться в моей честности. Я коммунист и знай, что мое слово с делом не расходятся. Получишь все документы после того, как богатство это прибудет в Грузию. Но если врешь... можешь сейчас же идти туда, откуда бежал.

Гиви взял лист и стал составлять чертеж. Через десять минут чертеж с точным адресом и точными путями подхода к пещере был готов. Он встал и передал лист человеку в пенсне.

– Будьте здоровы. Я зайду через неделю, – сказал Гиви и хотел идти, но человек в пенсне нажал на кнопку.

– Подожди, проведут. Только никому не говори об этой тайне, – Потом стал пальцем играть по столу, размышляя, он принимал какое-то решение и принял. Из ящика стола достал бумагу, на которой был список людей.

– 1313, хороший номер тебе достался, парень! – и записал рядом с номером имя, фамилию, отчество и год рождения Гиви.

В кабинет вошли двое в мундирах.

– Иди с ними, – сказал человек в пенсне.

– До свидания, я зайду через неделю.

– Нет, мы больше не встретимся, документы мы тебе пришлем, – сказал человек в пенсне уходящему Гиви, а военным добавил – этого в третью. Всех приготовить к утру.

Как только Гиви прикрыл за собой двойную дверь, военные с двух сторон взяли его под руки, и повели совсем в другую сторону. Лестница постепенно сужалась и темнела. Наконец он оказался в коридоре, где по обе стороны были камеры.

Двери третьей камеры со скрежетом открылись, и Гиви втолкнули в нее так сильно, что он чуть не упал, но его кто-то поддержал. Когда глаза привыкли к темноте, Гиви стал различать людей.

– В чем тебя обвинили, парень? – спросил тот, бородатый, который его поддержал.

– Утром нас увезут, – вместо ответа сказал Гиви и стал готовить себе место для ночлега, собирая в кучу вонючее сено, разбросанное по камере.

– Тут сам черт не поймет утро или вечер. Не только часы, а дни и ночи уже не разбираем, какой сегодня день? – спросил тот же бородатый.

– Понедельник сегодня, а время, наверно, двенадцать часов, – ответил Гиви.

– Куда повезут? – спросил уже другой.

– Не знаю. Знаю только, что повезут, – ответил Гиви и лег на выбранное место.

Утром около трех часов кто-то открыл двери камеры и крикнул: «все с вещами». Всех построили в коридоре, затем четыре вооруженных конвоира вывели их и затолкали в кузов закрытого автомобиля. В скором времени машина остановилась. Погрузили их в закрытые вагоны и натолкали столько людей, что яблоку негде было упасть. На рассвете прицепили паровоз и повезли куда-то на запад. В Гори прицепили еще один вагон, и состав с четырьмя вагонами поехал дальше...

...Стояло лето 1924 года. В переполненном людьми вагоне стояла невыносимая духота и жара, которая не спадала даже с наступлением вечера.

– Люди, надо что-то предпринять, а то плохи наши дела, – шепотом сказал Гиви.

– Что можно предпринять? В этих вагонах провозят слонов и те не в силах что-либо сделать.

– А мы в отличие от слонов можем думать и что-то сделать, например, порезать пол, – ответил Гиви.

– Ты не думай, что мы тут без присмотра. Вот и сейчас мы находимся в окружении вооруженных конвоиров. Потом, мы ни в чем не виноваты, расследуют, правда нигде не скроется и, узнав нашу правоту, отпустят, обязательно отпустят!

Гиви хорошо знал уже свое положение и, уверившись, что тут не найти сообщника, стал один скрести железной пластинкой доску в середине вагона...

Состав под охраной десятка вооруженных конвоиров медленно полз на запад.

«Желание и труд человека – дивные дела творят» – сказано одним мудрым человеком и действительно после неустанного труда Гиви вырезал в полу одну доску, затем вторую и отбросил их на ходу поезда.

Поезд где-то остановился. Гиви пролез в дыру пола и оказался на рельсах точно по середине железнодорожного полотна.

Он распластался на земле и огляделся. Потом стал ползти назад. Отползая от состава, Гиви огляделся и узнал окрестности Шоропани. Гиви осторожно спрятался в ольшаннике, бурно растущем на берегу реки Дзирула. Когда состав с заключенными уехал, Гиви осторожно перейдя железнодорожное полотно, взобрался на развалины Шоропанской крепости и там отыскал укромное место.

На рассвете длинные очереди пулеметных орудий разбудили окрестность. Выстрелы доносились со стороны Зестафони.

На второй день по Грузии разнесся слух, что в Зестафонском районе в окрестностях Свири были расстреляны четыре вагона ни в чем не повинных людей...

* * *

Восходящее солнце, которое осветило шпили крепости, разбудило и совсем отрезвило Гиви. Он встал, поспешно, хотя, куда он спешил? Он уже не чувствовал себя одушевленным. Ему казалось, что он дух, дух дважды умершего человека. Дух, у которого не

было ни врагов, ни друзей. Дух можно было наказать в аду, или оказаться в раю. Но здесь, в мире живущих, он был новорожденным. Его никто не знал, не преследовал, не ожидал, а сам он... бог весть, какие добрые или злые мысли крутились в его голове. Наверно это и было причиной, что он так испугался восхода солнца. Он поднялся на самый высокий шпиль крепости, подставил грудь лучам солнца и крикнул, обращаясь к селу, раскинувшемуся перед ним:

Э, эй, ...проснись маленькое село, в твоём лице пусть узнает вся вселенная, что этим утром родился человек, Гиви Акакиевич Табатадзе! Новорожденный всегда безгрешен, а Гиви явился миру убийцей. Убейте его! Четвергуйте, пока в борьбе с дьяволами не пролил он чужую, святую кровь...!

Где-то крикнул петух, где-то скрипнула калитка, а еще где-то кто-то услышал эту исповедь.

Гиви сошел со шпиля, отряхнул пыль с одежды и, для себя, но громко сказал: «моим врагам, врагам моей Родины и моего народа придется воевать с моим духом, с моей невидимой тенью. Жаль, что не смогу бороться с законодательством лицом к лицу. Но служителям этого «горе законодательства» постараюсь многим устроить полевой суд. Я буду вторым генералом Аполинарием... Мое преимущество велико! Я невидимый дух и, пока меня найдут, я завалю трупами наземный ад и рай.

Бояться нечего. Меня не ищут. Потом, меня не знают. Я дух одного живого тела и двух смертей. Пойду к своему селу и встречу с тем, что готовит мне Судьба».

Гиви вышел на Военно-Грузинскую дорогу и зашагал в сторону Харагаули. Около станции Дзирула, он почувствовал голод и в душе засмеялся: «Нет, оказывается, я не дух, потому что духи, наверно, не чувствуют голода, а раз я голоден, значит и жив, для поддержания жизни нужна еда. Надо где-нибудь достать.

С этими мыслями, он зашел в столовую, которая стояла над рекой.

Гиви сел у столика в углу зала и огляделся. Подошла официантка и на ломаном грузинском языке спросила: «Что закажете?»

Попросите заведующего, – коротко сказал Гиви.

Заведующего?! – с удивлением переспросила официантка.

Да, заведующего! – ...официантка увидела в глазах Гиви стальной блеск и мигом вынуждена была повернуться и уйти.

Через пару минут к Гиви подошел в меру упитанный, лысеющий, но еще молодой человек и представился заведующим этой столовой – Турманидзе.

Гиви привстал и, будто на ухо шепнул ему:

Вижу вы молодой человек и, надеюсь, поймете меня, в пути я расстратился и, проголодавшись, хочу подкрепиться в вашей столовой. Надеюсь, что когда-нибудь отплачу.

Ну, что – вы, что за разговор, сегодня наша столовая угощает всех за свой счет. Между прочим, я тоже с утра не ел, может покушаем вместе? Пройдем ко мне в кабинет.

Гиви пошел за заведующим. Они вошли в угловую комнату, которая была оборудована, как кабинет с

письменным столом, на котором лежали деловые бумаги и счета. В углу стоял книжный шкаф. Из кабинета дверь была в другую комнату, которая оказалась «комнатой для гостей».

Гиви сел в кресло. На столе скоро появилась еда, подающаяся гостям, бутылки шампанского и хозяин пригласил Гиви к столу. Заведующий наполнил фужер шампанским и спросил;

Друг мой, как вас звать? – Простите, что спрашиваю имя. Но, наверно, молча мы не сможем выпить вино. Больше я ничего не спрошу. Сегодня настал печальный день для Грузии и я хочу напиться, может в вине утоплю свое горе, может это пьянство будет для меня последним. Мне, кажется, обладатель такого взгляда как у тебя, должен быть хорошим человеком. Такой человек не выдаст меня, а если выдаст, то пусть это будет на его совести.

О каком предательстве идет речь? Меня зовут Гиви Табатадзе...

Очень приятно, меня зовут Шалва, фамилию я уже говорил – Турманидзе, я из Шорапани.

Дорогой Гиви! Этим бокалом я хочу выпить за тех ребят, имена которых нельзя даже упоминать. Ребят, которых этим утром недалеко от Зестафони у станции Свири расстреляли в вагонах... Тела их еще теплые, и, наверно, по-христиански им не суждено предаться земле...

Дай бог долгих лет их памяти, пусть земля будет им пухом, если суждено им лежать в грузинской земле...

Гиви от волнения и изумления молчал и, казалось, отключился от действительности... Затем ему вспом-

нились слова человека с золотыми зубами: «Мы ни в чем не виноваты перед народом и Родиной, потому и незачем и некуда нам бежать...».

Глаза заведующего стали влажными, голос срывался...

Гиви с недоумением смотрел на него, затем, вспомнив прошлую ночь, он вдруг воскликнул:

–Что ты говоришь? Неужели такая судьба у тех четырех вагонов, в которых люди были битком набиты. Как? Вы еще не слышали?

Нет! И было, бы лучше не слышать такое.

Интересно! Почему вы до сих пор не слышали? Сегодня вся Грузия говорит об этом... Пулеметом расстреляли четыре вагона людей. Все они были людьми знатных фамилий и представителями культуры.

Гиви опять вспомнилась прошлая ночь, проведенная в развалинах Шорапанской крепости и пулеметные очереди, разбудившие его. Он так сжал в руке стакан, что тот треснул, и только это вывело его из тяжелых дум.

Ой! Извините!.. – сказал он и встал, – я пойду, больше не могу..

Да, худшего нельзя было ожидать!.. Но если ты действительно мужчина не оставишь меня одного... Я сегодня нуждаюсь в сочувствии... Там, среди них, был мой отец...

Пойдем, я хочу посмотреть на то место, – сказал Гиви.

– Я был... Близко никого не подпускают... Если заявишь, что среди расстрелянных родной или знако-

мый – забирают и, бог весть, наверно, такая же судьба ожидает и тебя...

– Ты сам видел все?

– Да! Страшная картина... Из пробоин вагонов еще течет кровь...

– Откуда знаешь, что и твой отец был среди них?

– Письмо! Сегодня принес неизвестный нам человек... Он подобрал его на обочине железной дороги и из любопытства прочел... А затем принес мне... Да вот оно... – Шалва достал из кармана письмо и протянул Гиви. В нем было написано на скорую руку следующее... «Дорогие мои! Везут нас на запад. Наверно в Кутаиси... О местонахождении догадался по чутью, наверно, почувствовал вашу близость. В Кутаиси нас распределят... дознаются, расследуют, узнают, что я ни в чем не виноват и, наверно, отпустят... Ждите! Я скоро вернусь домой. Ваш Илико».

Гиви вспомнил статного, седеющего человека, который спрашивал в вагоне карандаш... Вспомнил его лицо и сейчас нашел общее сходство с лицом Шалвы... Больше всего были похожи глаза, которые выдавали какую-то затаенную печаль.

Гиви взял со стола чистый стакан, наполнил вином и посмотрел в глаза Шалвы. Он долго глядел в них и, если бы кто-то мог прочесть сейчас мысли Гиви, то он бы увидел всю жизнь Гиви. После молчания Гиви залпом выпил вино и, поставив стакан на стол, опустился на свой стул.

Молодые люди стали ближе друг другу, как будто были знакомы весь свой век. Разговорились, выпили, а вино делало свое дело.

Сюда никто не пойдет. Вернее не посмеет зайти!.. Давай познакомимся ближе, оставим условности, опьянеем и поплачем! Мне, мой новый знакомый, сегодня не напиться нельзя, я должен напиться и кому-то рассказать о моем горе. И, так как тебя бог послал ко мне сегодня, я хочу все рассказать о том, кто мой отец и кто я... Давай, еще раз выпьем за отцов, за их тяжелую ношу, за их борьбу... Дай бог, чтобы не даром прошли их труды, и не даром пролилась их невинная кровь, пролитая за Родину, за Грузию, за свободу... Да! Мой отец был борец за свою Родину! Узнали!.. Объявили врагом народа и Родины. Хотя сегодня хорошо видно: кто враг и кто патриот, но завтра еще лучше будет все это видно. Станет ясно, кто является предводителем народа, за кем он должен идти. Людям должны указывать дорогу предводители, которых они считают своим знаменем. Чтобы быть предводителем, надо больше всех любить Родину. Все время быть готовым ради Родины пожертвовать всем на свете, чтобы научить людей любить Родину, как мой отец.

Я думаю, грузина не надо учить любви к Родине! Эта любовь у него в генах, еще с рождения. Но я хочу спросить: в чем видел твой отец свободу Родины? Или сам, как ты видишь свободу?

Так же, как и мой отец! Освобождение я вижу в борьбе. Отец никогда не считал тех людей патриотами, которые в трудные минуты Родины, оставили ее и подались в другие страны. Грузины всегда погибали на поле боя лицом к врагу, а если они умирали от смертельной раны в спину, то это от предателя. Отец лю-

бил всех, кто любил Родину, жалел женщин, мог рисковать многим даже для незнакомого ребенка, если ему угрожала опасность. Был оптимистом, не верил в революцию и утверждал, что свобода, добытая кровью и мечом, не принесет освобождения. Две святыни были для него – человек и Родина! Для него народ был надеждой завтрашнего дня, а Родина – Матерью. Он не представлял жизнь без них. Он был и учеником и исследователем: учился мудрости у народа и исследовал общественное мнение по разным вопросам. С гордостью вспоминал 26 мая 1918 года – объявление Грузии независимой республикой. Ненавидел насилие, возмущался февралем 1921 года, оккупацией... Могучие страны имели девиз: «Сильный, уничтожь слабого и будешь еще сильнее». Грузия, как и другие малые страны, объединилась с Россией добровольно, надеясь на добрую волю той страны, которую не смели закабалить, и сама не была притеснителем. Отец часто говорил: «Надейся на того человека, который не ждет от тебя наследства».

Значит, совершенно невинным его назвать нельзя. Если он боролся против революции – то революция могла встать против него, – сказал Гиви.

Если мы живем в свободной стране и имеем свободу слова, то мой отец не виноват. Но когда насилие управляет страной, а свобода слова и действия загнаны в угол – власти уничтожают борцов за свободу. Вы не думайте, что я против социалистического строя. Нет! Я не могу оправдать тех, кто принес этот строй силой в Грузию. Грузия сама могла выбрать свой путь развития общественного строя, но ей навя-

зали «победители», именно этот строй, а побежденных никогда не спрашивают, что их устраивает. Насилие маскируется в доброго благодетеля, а венчает все жестокостью. «Делайте что хотите, но делайте так, как я хочу».

Руководство революцией оказалось в руках образованного человека, а для образованного загипнотизировать необразованного не представляет большой трудности. По-моему, социализм построен на лжи. Народ одурманенный церковью, обещания социалистов принимает за правду.

Почему вы думаете, что социалисты вруны?

Многое обещают! А твой отец никому ничего не обещал, народ сам видел его борьбу и результат этой борьбы. Мы не имеем права убивать человека, но обязаны бороться с несправедливостью и уничтожать зло. Бороться с поработителями это то же, что защищать смелого мужчину, спасти от разврата женщину, защищать детей и стариков от уничтожения. Не в одиночку человек должен бороться со злом. У борца за справедливость двери всегда должны быть открыты, а у предводителя дверей вообще не должно быть. В его памяти всегда должен гореть огонь любви к человеку, к братству, к согласию и прощению. Доброе дело, сделанное для другого, никогда не теряется бесследно. Наоборот, оно разгорается, передается из уст в уста добрыми людьми и сопровождает тебя до конца жизни, будь ты грузин или русский, христианин или мусульманин... В борьбе человек может порвать свое знамя, если обрывки этого знамени помогут другу перевязать рану и спастись. Это действие

не зачтется тебе предательством, и никто не скажет, что ты предал народ... Но призрачна та победа, в которой не виден успех, и которая имеет ложное сходство с достоинством. Именно этим сходством обманывается народ! Успех сильного так похож на победу гения, что даже история иногда ошибается. История признала Александра Македонского за гениального и сильного полководца, потому что ему подчинилась пятидесятитысячная пехота, пяти тысячная кавалерия и флот из ста шестидесяти кораблей, да еще вдобавок множество других легковооруженных отрядов. История его чтит, как гения, но ничего не говорит о тех бедах и лишениях, которые его армия доставляла поработанным странам. Это, наверное, называется законом сильного...

Батоно, Шалва! Видать вы решили бороться бескомпромиссно, но в вашей борьбе я вижу нелепость. Вы сами сказали, что сильные всегда правы. Поэтому борьбу с Красной Армией я считаю нелепостью. Дагестанский борец за свободу, Шамиль, когда его пленили и сослали в Сибирь, по пути в ссылку, проезжая беспредельные степи, тайгу, болота и горы, воскликнул: «Ох, и дурак же я! Не знал, с кем боролся! Безгранична Россия, где солнце не заходит». А Грузия...

Друг мой! Сегодня у борющихся патриотов Родины – нет Родины. Ее отняло насилие и во главе власти находятся хамелеоны. А борцы против них тоже должны быть хамелеонами, чтобы не быть замеченными. Но, ох, как трудно доказывать, что ты не существуешь, – Шалва встал и, держа в руке стакан, продолжал: – Да, здравствует Родина! За нашу Родину!

За великомученную, израненную, раздробленную, тысячекратно грузином проданную и раздаренную!.. Хотя, оказывается, Грузия велика. Не удивляйся, вот сегодня поют песни и пишут стихи о героях революции, но настанет время и станет ясным их «геройство». История вынесет на свет божий их дела.

Стоя, был выпит тост за Грузию... Много тостов еще было сказано и много вина выпито и, при расставании они обнялись и расцеловались, обещая друг другу братство...

Очаровательно ущелье реки Дзирула. Прозрачный, наполненный кислородом воздух, вековые, еще нетронутые топором, леса, приятный шум, бегущей по камням, реки и множества ручейков, а главное, разноголосый хор птиц, сопровождает идущего человека по этому ущелью...

«Неужели этот «свободный мир» хуже того «лагеря преступников? А может это пристанище злоумышленников, а то место, где «нежатся» «преступники»? Неужели Шалва действительно способен жертвовать собой для Родины? А может быть, он волк в овечьей шкуре, который старается у меня что-то выпытать, а потом, когда я к нему приду, встретит меня с приговором?.. Может его действительно беспокоят судьбы Родины и ищет себе товарища для этой борьбы...» Такие думы родились в голове Гиви, шагающего по дороге.

«Ох, и дурак же я! Не надо было мне оставлять «лагерь преступников». Там я ко всему привык. До срока заслужил я кандалы и остался беспризорным, рабом, который смог освободиться от владыки, но без

него не может существовать. Тяжело рождение человека, особенно когда рождаешься в зрелом возрасте и, будучи преступником, хочешь стать честным тружеником, или наоборот, честным преступником! Допустим, этот больной процесс я прошел, и все-таки, что мне теперь делать? Бороться? Но с кем? С врагом народа и Родины? Нет! Ты не жалок! Можешь распознать недруга и друга, и так подготовить почву для будущего!..

Так рассуждал Гиви в споре с самим собой и подходил к своему дому. Войдя во двор, он отыскивал то место, где несколько дней назад в земле закопал наган и «кисти» Козлова. Достал наган, посмотрел на него и в душе опять начал говорить с собой: «Наган я закопал, чтобы никогда его не трогать, а сейчас так спешил сюда. Эх! Доброго Санчо переделали в Дон-Кихота! Но не такой я дурак, чтобы бороться с ветряными мельницами, когда в них нет мельников!»

Наган сунул себе за ремень, «кисти» Козлова положил в карман и стал обходить дом, любясь им и вспоминая отроческие годы... Все было по-старому, почти ничего не изменилось... потом почувствовав, что больше не может терпеть, надо было увидеть отца, ринулся к двери, но обратил внимание на прибитую над балконом вывеску, которую при свете луны удалось прочесть:

«Прощай любимый дом!

Гиви Акакиевич Табатадзе»

На лице застыла улыбка, – «Интересно какую же смерть мою они узнали», – подумал он и уже не открыл дверь. «Я для них мертв. Наверно уже и забыли

обо мне. Увидят и забоятся встретить мертвого. Если не так, то кто-то не стерпит от радости мое появление и до времени откроется мое существование. А это вызовет расспросы и... прощай надежда на будущее: трижды от судьбы не уходят!..»

Опечаленный уходил Гиви от своего дома и, когда он подошел к автобусной остановке, в селе уже стали петь петухи.

* * *

– Женщина! Да обрати внимание на эту девочку, – говорил Порфирий жене.

– С тех пор, как уехал этот треклятый Гиви, она ни ест, ни пьет. Ты же мать, неужели ничего не замечаешь, я тебе удивляюсь!

– А ты отец и скажи, как мне поступить? Она говорит, что если в обещанное время он не придет, то пойдет искать или руки на себя наложит.

– Но, ведь, пока не пришел этот назначенный срок и стоит ли до тех пор так убиваться? Меня совсем другое гложет сердце. Если это мое предположение оправдается, то из-под земли достану этого «куцего» имеретинца...

– Не говори так, кацо, такое даже подумать о Гиви грешно. Во-первых, он не мог осрамить Закро, с которым в такой дружбе, да и сам он, Гиви, не из тех, кто может ради похоти осрамить дом, где он принят как сын. Нет, нет, Порфирий, не такой он, чтобы и других срамить, и свое имя.

Закро застал родителей в этой перепалке и сам вмешался:

– Я завтра пойду искать Гиви, – Порфирий опешил от такого заявления Закро и спокойно заявил:

– Во-первых, пока еще не прошло время, сказанное им, а во-вторых, ты – не Автандил, и он не Тариел, чтобы ходить в поисках друг друга.

– Хорошо, до его возвращения осталась еще неделя, если в течение этой недели он не придет, то я пойду его искать, и если ты непустишь, то все равно тайком уйду.

– Не понимаю, чем он свел с ума этих детей, что в нем такого, что его любят и преклоняются перед ним!

– Нет, отец! Нас соединяет совсем другая дружба, а истинная дружба не нуждается в любви и преклонении!

– Хорошо, сынок! Когда оправдывает друг – это великолепно, ибо человек без друга – ничтожество...

Пока отец с сыном беседовали, в спальню Нино вошла бабушка и громко спросила:

– Нино, деточка, если станцует, я тебе добрую весть скажу, сегодня или завтра обязательно придет Гиви.

– Правда, бабушка? – девушка, которая еле могла поднять голову, теперь будто на крыльях взлетела и заключила бабушку в объятия.

– Тише, ты, сумасшедшая, еще уронишь!

– Правда, придет Гиви, бабуля?

– Придет, деточка, придет!

– А если не станцую, все равно придет?

– Все равно придет. Его ничто не остановит. Он на девять дней раньше черта родился! Но его окружают ангелы и, зная это, он этим силен.

– Но где ангелы, там чертям делать нечего, бабушка!

– Как это нечего делать? И черти имеют своих ангелов, и ангелы своих чертей... Но Гиви хороший человек. Ох, и много трудностей встретил Гиви за эти несколько дней, еле спасся от смерти... Если мне не веришь, придет и спроси.

– Да, но, бабушка, ты до сих пор никогда не предсказывала, а теперь чему приписываешь свое гадание?

– Жаль стало тебя. Такая жизнерадостная и вечно улыбающаяся девушка, ты за несколько дней стала походить на смерть. Я всю ночь бодрствовала, молилась богу, просила его, вычисляла по звездам и мне явились ангелы. Они сказали, что Гиви скоро придет, что у него о каком-то богатстве или наследстве какой-то спор и, что государственный человек его предал, обманул, что Гиви спасся от неминуемой смерти и сейчас невредимый и здоровый идет сюда.

– Если обманешь, знаешь, что сделаю? Никогда не заговорю с тобой!

– Нет, доченька, когда было, что я обманывала, или разве ангелы могут обмануть?

– Но, бабуля, почему ты позвала к себе ангелов Гиви, ведь если они пришли к тебе, то Гиви же остался без них, а вдруг в их отсутствие с ним что-нибудь случится?

– Нет, любимая! Если бы ему угрожала опасность, то ангелы не оставили бы его в беде...

– Бабуля, то были, наверно, все добрые ангелы! – воскликнула Нино и, не дождавшись продолжения разговора, выскочила во двор.

При виде радостной дочери, Порфирий перекрестился и громко проговорил:

– С ума, что ли сошла?

– Вот что может сделать одно доброе слово, – проговорила бабушка.

Настроение Нино заразило всех. Никто не ожидал появления Гиви, но вот, вдруг, в ворота вошел Гиви. Он шел, широко улыбаясь и радуясь встрече с добрыми, родными людьми.

Неожиданное появление Гиви всех очень обрадовало. Раньше всех поднялась бабушка и обняла Гиви. Все с радостью обнимали желанного гостя. Растерянная Нино, с глазами, полными от радости слез, не знала куда себя девать и стояла как вкопанная. Потом, когда глаза молодых людей встретились, любовь заставила забыть обо всем, и они бросились в объятия друг друга.

Теперь вся семья радовалась. В честь желанного гостя, Порфирий зарезал овцу и пошел пир горой...

Закро всматривался в глаза Гиви и безмолвно спрашивал: «Что приключилось с тобой, расскажи!».

Гиви улучил момент и, не дожидаясь следующего вопроса, рассказал коротко, что еще одну беду накликал на него черт, но добрые ангелы и тут помогли ему уберечься от прямого греха. Рассказал и о том, как его послали на верную смерть, после того как он «выдал» тайну колчаковского богатства.

– Значит, одним махом, не задумавшись, передал тайну клада правительству Грузии? Откуда ты знаешь, что тот, кто тебя послал на смерть, не употребит это богатство в своих личных целях? Ох, и сглупил же ты!

– Успокойся, Закро! Не так уж я глуп!.. Я сразу догадался в вероломстве «человека в пенсне» и быстро решил, как поступить с ним, – ответил Гиви.

– Все-таки, как тебе удалось обмануть человека, который за день обманывает сотни людей?

– Я пошел туда с целью выкупить себе свое настоящее имя и свободу, но когда увидел, что меня обманывают, сам пошел на обман: дал им такой адрес тайника, который не существует ни на какой карте.

– Молодец! Вижу, ты тем и силен, что смерть и жизнь у тебя ценятся одинаково. Сейчас надо благодарить бога, что все обошлось. Как ты поступишь теперь?

– А теперь? Теперь, я проклинаю тот день, когда убежал из тюрьмы. Здесь я оказался совершенно в другом мире. Я обладаю несметным богатством, но беднее меня нет человека на свете... Нет у меня собственного имени, не имею права войти в отцовский дом, переночевать и, вообще, появиться открыто среди своих знакомых сверстников и односельчан. Это жесточайшее наказание: быть «отсеченным» от села. Ты спрашивал, что я намерен делать теперь? Отвечаю – не знаю, и именно поэтому пришел к тебе за советом. Но тут же хочу тебе сказать о своем решении: решил вернуться в «преступный мир», в свою колонию, где жизнь кажется мне более красивой, чем здесь!.. В конце концов, когда-то же освободят меня? Тогда же дадут мне право прийти свободно к своей калитке и войти в нее?

– Сейчас сделать такой шаг невозможно!

– Почему? Думаешь, расскажу правду, как убежал из колонии, выдам тебя?

– Нет, об этом и не думаю. Так может подумать человек, кто тебя не знает. Дело в том, что твое возвращение в кратчайший срок станет известно «человеку в пенсне» и уж потом от него не скроешься.

– Что за напасть! Что он хочет от меня? – воскликнул Гиви.

– Неужели тебе не ясно? Он тебя убил и ты сейчас свидетель его преступления. Узнав о твоём существовании, он не успокоится, до тех пор, пока не отправит тебя туда, где ты, по его мнению, теперь находишься.

– Тогда я поставлю себе более сложную задачу: объявлю тайную борьбу тем, кто хочет уничтожить меня.

– Но знаешь ли ты кого-нибудь, кто в одиночку победил государство?..

Гиви задумался и после долгого молчания спросил:

– Что же ты посоветуешь?

– Надо тебе поехать в Россию, в те места, где жил Игорь. Будешь жить себе привольно под своим именем. Сейчас в России сотни и тысячи таких же беспаспортников, как ты. Постарайся не связываться с законом, а то сразу станет известным твое прошлое...

Наступило молчание. Гиви и Закро думали...

– Да не смогу я без вас и без Грузии...

– Знаю! Будет тебе трудно, но должен терпеть, когда будет невоготу, можешь приехать сюда, проведать нас и твои родные места. Для этого у тебя будут и материальная возможность, да и моральная.

– Нино?

– Этот вопрос решай с отцом в присутствии Нино.

– Как! Ты не имеешь права сказать несколько слов?

– Конечно, если меня спросят, я скажу свое...

– Что скажешь?

– Скажу, что с тобой сможет жить человек, если постараться обойти острые углы, которые встретятся тебе на жизненном пути. Надо будет научиться великому терпению и, уж больше всего, большому прощению.

– Не знаю, как это будет. Судьба каждый день шлет мне все новые испытания. Давно я перестал молиться. Утром, вместо того чтобы перекреститься и упомянуть бога, я приветствую дьявола и спрашиваю, какие новые испытания готовит он мне, чтобы встретить их готовым.

– И что же дьявол отвечает тебе?

В это время в беседу друзей вмешался Порфирий:

– Что вы все шушукаетесь, неужели и нам нельзя послушать?

– Отец, неужели у друзей, которые не виделись столько времени, не будет что сказать друг другу по секрету? – Закро наполнил стакан и дал понять отцу, что пора сказать новый тост.

– Хорошо! Очень хорошо, когда встречаются друзья и ведут беседу. Тем более хорошо, если у них одинаковые взгляды на тему беседы. Но с твоего, Закро, позволения, хочу спросить Гиви кое о чем.

– Говори, отец! – сказал Закро.

– Сердце родителя чувствует и радость своих детей, и боль. Чувствую я, Гиви, что в нашу семью вошла большая радость в виде любви. Любовь большое счастье, но бывает, что она оборачивается и большим

горем. Я считаю, что любовь молодых людей похожа на садовника райского сада. Он старается подобрать здоровый, хорошо развившийся черенок и привить к такому же корню, чтобы в его саду росли действительно райские деревья. Любовь молодых людей похожа на эту прививку. Любовь дана нам от бога и благословенна богом. И кто помешает этому святому чувству, совершит большой грех перед богом и жизнью.

Женщина – уникальное создание. Если бы бог захотел вновь сделать женщину, он не сумел бы сделать ее лучше... Женщина знает, что она красива, но хочет быть еще красивее, она любит красивую жизнь и всю жизнь старается, чтобы и смерть ее была красива.

Красота соединена с честью и обе вместе составляют честь семьи, честь мужа и его гордость, а эта гордость и такая семья – богатство страны...

– Отец, не очень ли ты увлекся, восхваляя женщину? Женщина похожа на жизнь природы, она красива и вероломна. Если она захочет то, не выбирая средства в достижении цели, сделает все, – вставил свою философию Закро.

– Нет, сынок, ты ошибаешься в такой оценке женщины, но, я думаю, сейчас не об этом речь. Я хотел спросить Гиви кое о чем, но твои мысли увели меня от темы беседы.

– Извольте, батона Порфирий, слушаем вас с большим вниманием! – с улыбкой сказал Закро.

– Грузия, даже в самые тяжелые дни, думала о размножении и укреплении семьи. Она в сильной семье видела сильную страну. Хотела, чтобы в семьях

рождалось много детей и как можно больше сыно-вей, чтобы было больше мужчин, защищающих свою семью, свою честь и гордость, свою Родину. Но как создавалась семья? В этом деле активными были родители. Они знакомились с семьей, откуда была невеста, изучали нет ли какого родства между будущей парой, нет ли психически больных среди ближайших родственников и тогда давали добро этому союзу. Так же поступали и родители невесты. Так как в нашу семью вошла любовь твоя, Гиви, наверно, не будешь против, чтобы пригласить твоих родных и родственников. Потом мы посетим твою семью, ближе познакомимся и породнимся. Я думаю, так будет лучше.

– О, ты совсем в прошлом оказался, отец! – опередил Закро Гиви, пока тот думал над предложением Порфирия.

– Кто сейчас делает смотрины, отец? Сейчас любовь является высшим понятием цивилизации, и мешать ей невозможно! Смотрины мы временно отложим, потому что Гиви ждут в России. Он должен уехать. Приедет, а там устроим и смотрины и вы, я уверен, будете довольны его происхождением.

– Ну, да, ты не желаешь вмешательства родных и ближних в такие дела. Ты же сам все решил. Посмотрим, что получится от твоего дела! – с иронией высказалась Цира.

– Подожди, мать, Закро говорит правду, приходит время и меняются люди. Мода заключается не только в том, чтобы сменить чоху на костюм. Нет, изменилась и мода создания семьи. Только любовь осталась неизменной, она вечна, как жизнь.

– Отец, оставим эти разглагольствования и поговорим о судьбе Гиви и Нино. Я знаю Гиви и потому даю положительную рекомендацию. Знаю, что он не изменит нашей дружбе и раньше предаст себя, чем кого-либо из нас.

– Дети мои! Дайте и мне сказать несколько слов, – вмешалась в беседу бабушка Ефросинья, – я прошла, как вы знаете, долгую и нелегкую жизнь, видела много хорошего, но и плохого досталось пережить. Жизнь научила меня чувствовать в человеке настоящего человека и распознавать в нем злое начало. На мою беду союз этих детей не очень нравится моему сердцу, но и без этого союза я не представляю нормальной их семейную жизнь. Мне не очень нравится их отъезд в Россию, но и остаться здесь им не дает ничего хорошего....

– «Чрело пепела гапринди нела... Нурц гаприндеби, нурц моприндеби...»*

Неуместное вмешательство Закро прервало беседу бабушки, но она так властно посмотрела на него, что он надолго умолк.

А бабушка продолжала свою беседу:

– В вашем браке не будет ничего хорошего. Так подсказывает мне это проклятое сердце, хотя, я не против вашего союза. Но я говорю свое. А больше всех зависит от вас, мои дети, Нино и Гиви, ибо вы не нуждаетесь в опекунстве.

– Нет, я не хочу слушать их мнение! – со слезами на глазах проговорила Цира, – не могу оторвать

* «Чрело пепела, гапринди нела... Нурц гаприндеби, нурц мопринде» – слова грузинской песни. Дословно: «Пестрая бабочка лети медленно. Ни туда не летай, ни сюда не летай...»

дочь от сердца и послать ее в далекую Россию. Одно-го едва дождалась... теперь вторую еще ждать... нет, я не вытерплю. Ответ Нино я знаю, ибо где любовь, там женщина слаба. Любовь часто сопутствует коварству, но без вмешательства всевышнего ничего не совершается, поэтому, если противиться этому союзу, может мне придется жалеть, содействовать – может, опять же, придется сожалеть, поэтому мое мнение такое: Пусть Гиви поедет в Россию, где его ждут, уладит свои дела и вернется, а мы его будем ждать и молиться за него.

– Хорошо, мать! Столько ты не рассуждала даже о своем замужестве.

– Теперь послушаем Нино» – сказал Порфирий.

Нино сидела, опустив голову, и внимательно слушала.

– Доченька, задумайся, – продолжал Порфирий, – Россия не Телави*, откуда можно прибежать к родителям и в холод, и в жару, и в радости и в беде. Ты моя любимая дочка, и я хочу, чтобы ты сделала этот серьезный шаг, который не доставит печали ни тебе, ни нам.

Нино подняла голову, покраснела, но, собрав силы, смело и таким решительным голосом обратилась к сидящим за столом родным, что можно было только удивляться и поверить, что ее решение бесповоротно и окончательно.

– Я, отец, и не думала о России. Если будет ваше согласие, я пойду с Гиви хоть в ад. Он будет моей единственной опорой, утоляющим мою жажду и на-

* Телави город в Восточной Грузии, недалеко от г. Гуджаани.

сыщающим мой голод. Он будет теплом моего сердца и единственным спутником моей жизни.

Я остаюсь с вами, но знаю, что не вынесу долго ожидания. Вот, из России приехала наша невестка, которая стала ангелом продолжателем семьи моего отца. Мы же хорошо ее приняли! Так почему же меня Россия примет плохо? Или же я буду с вами – это хорошо, но каково будет Гиви? Как быть ему?.. Вы об этом думали? Как быть Гиви без друга? Или можно заменить любимую кем-нибудь другим? Если вы, мужчины, не знаете, то мать и бабушка меня поймут, что женщина обладает легкостью и веселостью, данными ей богом, которые развевают мужскую печаль. Женская радость прогоняет черные тени тяжелых мужских дум. Какое насупившееся мужское лицо не озаряется улыбкой от женской улыбки? Какие жестокости гасили женские слезы?.. Я подруга Гиви духовно и телесно и, клянусь, мне никто не сможет в этом помешать. Я должна и буду вместе с ним!..

С этими словами, она быстро выбежала из комнаты, и зайдя в свою спальню, бросилась на кровать, зарывшись в подушку...

Слова и поведение Нино так подействовали на слушателей, что они долго сидели молча. Раньше всех нашелся отец, он обвел глазами Закро и Гиви и тихо, чуть слышно сказал:

– Любовь рождается в молодости, от нее никому не скрыться, и я не против этого большого, святого чувства. Только помните, батона Гиви, Нино моя первая дочка, моя первая любовь... Как известно, любящая жена никогда не предаст честь и достоинства мужа,

если любящий муж стоит рядом. Женская любовь к мужу возвышает ее до материнства и создает бессмертие. Женщина в себе только один раз находит любовь, как это сделала сегодня Нино. Это называется первой и истинной любовью. Нет такой силы, которая бы заставила человека забыть это божественное чувство...

Порфирий умолк, как бы думая еще что-нибудь сказать, но потом вдруг высказал свое согласие: «Вручаю тебе тело мое, кровь и сердце мои, и, надеюсь, ваш союз будет счастливым, и нам, родителям, не придется краснеть за вас.

– Кацо*! – дай и Гиви сказать свое мнение. Может он и не желает этого союза, а вы уже ему читаете книгу о любви, – сказала Цира.

Гиви никогда не был в такой ситуации и, еле выговаривая слова, начал:

– Я и Нино любим друг друга святой любовью, и я верю, что она будет хорошим спутником жизни. Я свое чувство могу доказать и делом: не задумываясь, отдам жизнь ради этой любви. Но это не значит, что я могу пожертвовать ее, Нино, ради этой любви. Сам я без Нино, может, погибну, но это вас пусть не тревожит. Если же вы заставите отказаться от моей любви, я буду рад. Я не достоин ее любви, я плохой человек, а почему я говорю о себе так, я попрошу, пока пусть это будет моей тайной. Это не касается ни моего дома, ни моих родственников. Я вижу у вас богатый дом и добрейшее отношение друг к другу, но, верьте, что и я не сын безродных родителей. Клянусь, что уберегу

* «Кацо» – мужчина. В звательном падеже употребляется часто как обращение.

Нино от всяких случайностей и бед, клянусь, что все сделаю для любви к Нино, клянусь братством Закро, что для этого братства я сделаю все!

Порфирий на ухо сказал сыну:

– Хорошо говорит этот молодой человек!

– Да, отец, он говорит правду!

– Но что-то он не договаривает, какую-то тайну он держит...

– Не знаю, отец, но он же попросил, что это пусть пока будет его тайной; так не стоит надоедать ему вопросами. Теперь лучше скажи хороший тост и союз этих молодых людей посчитай удовлетворительным.

– Ты советуешь, их тост сказать вместе?

– Конечно!...

– Видишь, все задумались над тем, в чем дело, почему не договаривает Гиви что-то? – сказал Порфирий.

А Гиви, между тем, немного погодя, продолжал:

– Мое молчание, прошу, не поймите плохо... Дело в том, что человечество делится на три слоя: первый – который проповедует мудрость и служит своему народу, стране; второй – который мешает этой мудрости, и старается помешать развитию мудрости и объявляет мудрецов врагами народа, а третий – слой, который не знает к какому примкнуть и рукоплещет и первому, и второму, ибо в нем доминирует боязнь к обоим.

Мудрецы, которые проповедовали мудрость были уничтожены завистью и вероломством:

Гомер всю свою жизнь нищенствовал.

Сократ, проповедовавший мудрость в Греции, а потом владеющий всем миром, был отравлен по приговору суда.

Ученик Сократа, Платон, был отдан в рабство и там умер.

Пифагор, мудрость которого еще не постигли, был сожжен на костре...

Да зачем идти далеко, Илья Чавчавадзе – отец нации был убит. А Нико Пиросманишвили умер под лестницей всеми забытый и покинутый!

Об этих великих людях до нас дошли самые смутные сведения. И злые языки называют их «плохими людьми». Личности могут быть «плохими людьми» для правительства и даже для личной жизни, но для честных людей, отечества, нации – они блестящие люди... Если поставить меня перед судом, то люди могут отыскать во мне много недостатков, но я бы нашел в себе еще и положительные качества... Теперь вы должны решить нашу судьбу. Перед вами стоит человек, который не знает страха и предательства. Если вы полюбите меня, то и во мне вы найдете ответную любовь...

Слова Гиви произвели большое впечатление, Порфирий до краев наполнил стакан и сказал жене позвать Нино. Цира без слов повиновалась. Скоро мать и дочь заняли за столом свои места.

– Нет, доченька, займи свое место рядом со своим избранным, – сказал Порфирий и, держа в руках хрустальный бокал с красным кахетинским вином, продолжал: – благословляю вас, дети мои! Живите долго, размножайтесь! Дай бог, чтобы эта любовь, которая властвует сейчас у вас в сердцах, была вечной, как говорят, до гробовой доски. А смерть пусть наступит в глубокой старости... – Порфирий еще хотел что-то

сказать, но голос его задрожал, глаза наполнились слезами, он неловко, по-мужски, вытер глаза, сел и осушил бокал...

Бабушка Ефросинья тоже сказала много теплых слов молодоженам и все остальные пожелали всего наилучшего молодым, было выпито много вина и сказано много речей...

На второй день вечером, в комнату Гиви вошел Порфирий и сказал:

– Пора вставать, а то у вас получается, будто вы перепутали время суток, – ночью пьете, а днем спите!.

Когда Порфирий вышел, Закро сказал своему зятю Гиви:

– Что ты заладил «я плохой человек»... говоришь всем и везде. Люди подумают, что ты действительно преступник. Если настоящему преступнику говорить, что он подлец и преступник – запротестует и обидится, а ты! Твое «преступление» было связано с самозащитой или со справедливостью. Такой человек, как ты, не «плохой» человек. Я думаю, если порассуждать, таких как ты обвинять не в чем... Помнишь, у нас в колонии отбывал наказание Миша Мишенков?

– Помню!

– Так вот, этого Мишенкова однажды я вызвал на душевный разговор и укорил его, что он убийца. Знаешь, что он мне ответил? «Я не убийца, кто отбывает наказание за неумышленное убийство, тот не убийца.»

Убийца – следователь, который расследовал дело об убийстве и повел следствие так, что обвинил невиновного человека. Убийцы — прокурор и судья, ко-

торые признали законными допущенные следствием ошибки и приговорили к расстрелу «преступника». Наконец, убийца – это палач, который приводит в исполнение приговор. Перечисленные выше лица не наказываются, а получают зарплату. А нас называют злодеями. Если, вдруг, повторится такая же ситуация и встречу такого же человека, какого я убил, не задумываясь, сделаю то же. Вот такое «оправдание» дал своему поведению Миша Мишенков...

– Хорошо, Закро! Встанем. Это дело мы не исправим. А нам завтра предстоит решить мой отъезд.

– Куда спешить, побудь еще с нами.

– Нет, надо поскорее уехать, а то еще привыкну к вам и потом тяжелее будет расставаться.

– Знаю, трудно расставаться, особенно расставаться с родителями. Знаешь, когда я служил, мне очень хотелось увидеть своих близких и свои родные места... После шести месяцев службы, попросил начальника нашего управления перевести меня в части, которые были в наших краях. Тот рассмеялся и сказал: «Что такое Родина?» Я не ждал такого вопроса от него. Потом, одумавшись, сказал:

– Моя родина одна значительная часть вселенной, настолько маленькая, что на карте мира ее иногда обозначают цифрами, но для меня огромна. Она начинается с той горсти земли, которая насыпана на прахе моего предка и продолжается без конца и края по всему миру... Она там, где я родился, впервые увидел луч солнца, утреннюю зарю и росу, ночное звездное небо, где, впервые по росистой траве пробежал босиком...

– Ты, тоже мне! Человеку, где хорошо, там и есть его родина. Земля везде одинакова. Росистой травы и здесь хватает. Бегай по ней, хоть босиком, хоть в сапогах, кто тебе мешает? У нас тоже бывают звездные ночи, а что касается предков, мы тоже хороним их, мы же православные. А если тебе захочется плакать по усопшим, что их мало ли здесь? Плачь, никто не запретит! Вот если бы было различие в хлебе, вине и водке, то понимаю...

Эти слова, так серьезно сказал начальник управления, что я, как ошпаренный, выбежал оттуда, будто звали меня на кладбище оплакивать незнакомого человека.

Чтобы человек мог тебя понять, он должен знать, что такое родина. Это понятие не постичь человеку, жизнь которого проходит на колесах, который родину отождествляет с сытостью и алкоголем.

Знаю, что тебя беспокоит, я не сравню тебя с такой личностью, но можно же немного взять примера с него и, не совсем, а немного уменьшить любовь к родине, чтобы не сгореть вообще.

– Постараюсь все сделать, тем более, рядом будет дорогая подруга, только прошу, завтра отправьте, не задерживайте!

– Кацо, вы встанете или позвать Гогсадзе? (Гогсадзе был участковый инспектор того района), – опять вошел Порфирий со своими шутками и властью...

Молодые люди встали, умылись, побрызгали друга друга холодной водой и, освежившись, сели за ужин.

Ужин длился недолго, за ужином было такое настроение, будто провожали близких людей куда-то в

такое место, откуда не возвращаются. Были, конечно, тосты напутствия и т. д., но... Впервые семья Порфирий Николаишвили всю ночь провела без сна... Бодрствовала и молила всевышнего о счастье новобрачным, вырастившая Нино, бабушка...

Думали и бодрствовали Цира и Порфирий. Беспокоила их судьба дочки, и переживали за ее будущее...

Думала Нино...

Думал Закро...

Думала Галина...

Но больше всех думал Гиви. Думал человек думу, изгнанный любимой родиной...

Позавтракали так же без радости и с тем же настроением, как и поужинали...

После завтрака Порфирий, Закро, Гиви и Нино сели в автобус, ехавший в Тбилиси и увезли с собой думы и печаль оставшихся домочадцев Николаишвили.

Порфирий купил четыре билета в одном купе, чтобы новобрачным было свободно. Ждать пришлось недолго. Подали состав, отыскиали свое купе, расположились. Молча сидели в купе и смотрели друг на друга. Так же молча расстались, когда объявили отход поезда, Порфирий и Закро, с Гиви и Нино... Лучше было высказать невысказанное. Ведь высказавшись, человек освобождается от груза беспокоившего его раздумья и мыслей. В душе Гиви поставил себя на место Порфирия, и так ему жаль стало его, что чуть не передумал уезжать, но поезд уже тронулся.

Гиви задумался... Расставался он со столицей своей страны, расставался, и, может быть, навсегда.

«Боже мой! И зачем я, грешный, взял еще эту невинную на свою душу» – думал Гиви о Нино... – Теперь, что будет с ней, если что-нибудь случится со мной? Отныне я не принадлежу себе, мне нужно жить для благополучия Нино».

Нино, будто догадавшись о его думах, спросила:

– О чем задумался, Гиви? Не печалься. Я не буду тебе обузой. В беде не оставлю и на твоей шее не повисну. Если разлюбишь, оставь...

– Ты вывела меня из воспоминаний и дум. Спорил я с самим собой. Мой двойник никогда не говорил глупости, а ты в начале беседы уже говоришь глупость, не обижайся...

– Я же с самого начала являюсь частью твоего тела, дум и мечтаний. Я уже не принадлежу самой себе. Ты являешься движущим органом моего существа. Мое сердце догадывается о твоих мыслях. Не лучше ли будет поделиться с моим телом и размышлениями твоими? Тем самым почувствовать душевное спокойствие и мир? – сказала Нино.

– Дальний путь у нас. Мы успеем наговориться и друг с другом и с самими собой. О, как трудно, оказывается, когда «разум взбунтовался, споря с самим собой, и, оставшись наедине с прошлым,» – так поется в народной песне,

– Что жалеешь, что я поехала с тобой?

– Нет! А почему спрашиваешь?

– Так чувствует мое сердце.

– Плохое оно тебе предсказывает?

– Мое предчувствие никогда еще не обманывало; чувствую я, мне не суждено возвратиться в Грузию.

Здесь без тебя я не смогла бы. Мне лучше быть временно с тобой, чем без тебя вовеки, хотя, ведь нельзя же существование одной половины человека?

– Не понимаю тебя.

– Я половина твоего существа, – говорит Нино, – а, разве вторая половина без первой может быть? Знаю, ты меня не любишь, только жалеешь, и потому женился...

– Правда, никого, никогда не любил. Я, думаю, во мне любовь мертва. Не огорчайся, я говорю правду, но верю, что люблю тебя.

– Главное, что я рядом с тобой буду, и буду любить тебя.

– И я буду любить, Нино! – в сердцах выговорил Гиви, и вместе со стуком колес всплыло воспоминание...

* * *

И она клялась в любви, но потом оставила...

...Тогда Гиви отбывал наказание в Благовещенске, который расположен в устье реки Зея, при впадении в Амур. В 350–400 километрах от Благовещенска было маленькое поселение, которое состояло из колоний и поселения около пятисот душ немцев, переселенных сюда из Ставрополя. Все здесь занимались заготовкой леса. Батальон солдат и офицеров охранял, как заключенных, так и переселенцев. Режим не был уж таким строгим, ибо были уверены, что бежать отсюда некуда. Поэтому и переселенцы, и заключенные, и смотрители жили в хороших отношениях. Тайга была полна дичи и зверя, а река – рыбы.

Гиви скоро познакомился с немцем-переселенцем Робертом Цвайгом, который после мирного договора с Германией 12 августа 1919 года был переселен сюда вместе с семьей.

– Почему вас переселили из Ставрополя в этот дремучий край? – спросил Гиви Роберта.

– Наши предки живут в России с 1242 года, после поражения на Чудском озере. Не знаю, мои предки были или нет воинами, но они прижились в России хорошо или плохо, но факт, что мы немцы, что мы человеколюбивы и жили в чужой родине (если это можно назвать жизнью), терпели унижения, но о возвращении на родину не думали. Я окончил Астраханское педучилище и начал работать... Потом революция и вот, в один «прекрасный» день массовое переселение немцев... Некоторых переселили в Казахские степи, а нас сюда... Коммунистические лидеры знали, что мирный договор с Германией не давал гарантию мира, поэтому они освободили от немцев центральные районы.

– В случае войны с Германией вы бы перешли на ее сторону?

– Не знаю, может быть, не предал бы я родной народ и стал бы рядом с ним. Но, если бы я не перешел, другие перешли бы. Мой отец, например, так любит Германию, что первый перешел бы на ее сторону!

– Как думаешь, будет нарушен мирный договор с Германией?

– Обязательно! Там сейчас заправляют фашисты!

– Нет! Никогда не ставил перед собой недостижимую цель.

– Почему? Ставрополь же твоя вторая родина? Неужели не хочешь ты вновь увидеть свои любимые места, где бегал босиком, и, откуда тебя силой переселили в этот угрюмый край? Разве не рождалось у тебя желание мести?

– Второй родины не существует. А месть мною не движет, так как в этой борьбе я проиграю. Если начнется война, то я убегу и стану рядом со своим народом бороться с коммунистическим режимом.

– Думаешь ли ты, что фашизм победит над социализмом?

– Нет! Но фашизм выбран моим народом и я не имею право помогать тому, кто не дает мне убежище.

– Я думаю, что нами движет одно и то же желание...

Такой беседой закончилась в тот день их встреча.

Возвратившись в лагерь, Гиви познакомился с Борисом Бортовым, который был приговорен к 25 годам. С первого взгляда Борис был похож на грузина: овал и цвет лица, черные волосы и борода давали ему сходство с его земляками.

– Земляк, откуда ты? – обратился Гиви к Бортову по-грузински, но, встретив его любопытный взгляд, выражающий не понимающего человека, заговорил по-русски. Разговорились, а затем, с течением времени, подружились...

Однажды Борис и Гиви сидели у русской печки и разговаривали о разных мелочах. Гиви, который все еще думал о сходстве Бориса с грузином, сказал:

– Борис! Все не могу уверить себя, что ты не грузин.

Борис засмеялся, потом задумался, он что-то хотел сказать, но колебался, а потом решительно, но тихо начал:

– Да, я грузин! По фамилии Бортов, но не знаю по-грузински ни одного слова, но, все-таки, грузин. У меня три сестры и два брата и ни один не похож на меня. Поэтому мои братья и сестры в детстве меня называли то грузином, то цыганом. Однажды, когда мне было около семнадцати, я вызвал маму на откровенный разговор, и она рассказала мне, что мой отец действительно грузин, который в то время торговал вином в наших краях. Мать рассказала мне как все было, и дала адрес моего отца, который после революции, лишенный винного магазина, вернулся к себе на родину.

Я поехал в Сухуми отдохнуть и повидать своего отца. Придя по адресу, я вошел в опрятно убранный, красивый двор и окликнул хозяина. Им оказался пожилой мужчина... Боже мой! Я растерялся... Глазами матери я увидел его молодость, каким привлекательным он мог быть двадцать лет назад. Своими глазами я представил свои пятьдесят пять лет и не мог выговорить ни слова от изумления. Хозяин с любопытством смотрел на меня и, наконец, спросил о цели моего прихода. Но я, как вкопанный и немой, смотрел на него и, когда он несколько раз повторил свой вопрос, я, наконец, нашелся и спросил вино. Ну, наверно, такой вопрос был обычным для него. Отдыхающие часто заходили к местным жителям покупать вино. Он повел меня в погреб. Усадил меня, потом наполнил чайный стакан желтым, как пламя вином и, кто повторит тост, который он сказал, выпил сначала сам, а

потом вручил полный стакан мне... Он не спрашивал ничего, и я тоже не расспрашивал. Разговорились до того, что языки стали заплетаться. Наконец, я стал прощаться, обнял его, точно так как это делают грузины, при встрече или расставании.

– Я еще приду, отец!

– Приходи, сынок...

Вручил он мне трехлитровую банку вина, провел до калитки и мы распрощались.

– Больше не виделись?

– Нет!..

– А почему тебя арестовали?

– Обвинили в троцкизме.

– Обвинили или...

– Да не знал я, и не видел никакого троцкизма. Да и наше объединение не имело никакого отношения к белогвардейщине!

– А остались у тебя недостигнутые цели?

– К сожалению...

– Сколько сидишь?

– Три года, вернее три исполнится в апреле.

– Не думал о побеге?

– Нет. Думать об этом здесь лишнее. Нет никакой надежды отсюда бежать. Отсюда весь транспорт строго проверяется, так как здесь большинство политических, а пешком невозможно, ибо кругом тайга, а она жестока, через несколько дней зверь не упустит тебя.

– Человек сильнее зверя и так надо озвереть, чтобы зверь стал бояться тебя.

– Эх! Был бы какой-нибудь транспорт, еще можно было бы думать!

– Но ведь лучший транспорт – это ноги, – сказал Гиви.

– Да, но, когда надо пройти несколько километров. А тут...

– Двадцать пять лет... Сколько километров пройдешь?

– По асфальту много, а в тайге нисколько!

– Жалок человек, потерявший надежду.

– Меня это не касается. Я вижу завтрашний день и знаю, что таится в тайге.

– Жажду жизни, которая нужна для осуществления намеченной цели. А побег отсюда – бесцельная смерть.

– И после 25 лет думаешь осуществить свою цель?

– У намеченной цели нет возраста.

Так или почти так беседовали Гиви и Борис часто. Наконец, после долгих бесед, пришли к общему решению – бежать.

Об этом они признались вначале Генриху, а затем его отцу Гансу. Когда Ганс выслушал друзей своего сына, узнал их решение бежать отсюда, он задумался, еще раз оглядел друзей и спросил:

– Хорошо! Я посодействую вашему побегу, но скажите, какая цель движет вами идти на такой рискованный шаг?

– Мсть тому человеку, который сюда нас заключил!

– Мстить законодательству вы не сможете, а человеку, который исполнил предписание этого закона... он же слепой исполнитель. Убьешь его, на его место посадят еще глупее его,

– Так что же вы предлагаете? Отречься от исполнения мечты?

– Если в исполнении мечты видишь неудачу, наверно лучше покориться судьбе.

– Нет! Я не остановлюсь! Если даже буду уверен в неудаче, сделаю все, чтобы достичь цели и не пощажу жизни!

– Хорошо! Мы во всем поможем вам, но знайте, в случае неудачи не ругайте нас.

– За помощь людей не ругают!..

– Так вот, я сказал, что поможем. План побега у меня составлен, от которого отказался по настоянию семьи. Этот план я передам тебе. Только дай мне неделю, еще раз пересмотреть свои соображения, дополнить этот план новыми наблюдениями, а через неделю ты со своим другом, с которым собираешься бежать, приходи ко мне.

– А если пойти одному?

– Не советую! Это невозможно. Тайга сурова. А для одного человека она почти непреодолима.

Распрощались.

Начались бессонные ночи, проведенные в мыслях о побеге. Через неделю Гиви и Борис получили наставления от Ганса и он же, когда начался таежный буран, спрятал друзей в своей потайной комнате. Когда буран кончился, Ганс передал своим молодым друзьям увеличенную топографическую карту пути, по которому им предстояло пройти.

– В тайге много охотничьих избушек, большинство из них нанесены на карте и найти их будет не трудно. Будете идти днем, а ночи проводить в избушках и

т. д. Надо достичь берегов реки Лены. В охотничьих избушках вы найдете вдоволь пищу и дрова. Берите столько, сколько понадобится, но ничего не портите, утром заготовьте дров и, можете идти. Если в избе кто-нибудь будет, приветствуйте и тепло беседуйте... Дойдя до Лены, встретите охотников-тунгусов, с ними ведите себя по-дружески – они во всем помогут. Избегайте напрасных выстрелов и уничтожения дичи и зверей. Если застигнет зима и пойдет снег – не продолжайте путь, там и зимуйте. Запасайтесь солью, остальное даст тайга. Я на карте обозначу ваш путь, следуйте строго по нему, я его изучил основательно. Избегайте, обходите города и помните: невозможно ничего нет, только ошибку не прощает жизнь, а тайга тем более. Будьте осторожны с людьми больше, чем со зверями. Следуйте заветам Христа, и Бог будет вашим покровителем.

– Очень обязан вашим советам, – сказал Гиви...

Еще немного побеседовали, поужинали и при расставании договорились, что после первого бурана, вновь встретятся друг с другом.

* * *

Через два дня в тайге начался буран, продолжавшийся три дня. Утихла природа, прекратился буран. Центр получил радиogramму: «Во время бурана пропали без вести два заключенных Б. Бортов и Г. Табатадзе, продолжаем поиски».

А два друга сидели в потайной комнате Генриха Цвейга и ждали весны.

* * *

Поезд мчался по берегу Черного моря.

Нино и Гиви, наконец, переступили ложное чувство стыда и предавались зову своих тел.

– Любишь, Нино? – спрашивал Гиви. Нино чувствовала себя самой счастливой женщиной в сильных объятиях мужа... А Гиви через несколько мгновений уже думал: «...ну и дурак же я! Девушка из-за любви ко мне бросила родину, родителей, брата, друзей и родственников и все, что у нее было, тело и душу вручила мне, а я спрашиваю любит ли она меня!»

* * *

Ганс дал им ружье с патронами и спальный мешок и вещмешок, в котором было все необходимое для такого путешествия.

* * *

Этот вопрос для Нино унизителен.

– Извини, Нино...

Девушка улыбнулась... «интересно, зачем извиняется. Это я должна извиняться, что вывела его из его раздумья. Не обиделся ли, что не отвечаю? – думает Нино. Гиви еще крепче обнимает девушку, и они утопают в объятиях друг друга.

– «О! если бы было это счастье вечно! – думает девушка, а Гиви думает, что ей плохо, но потом, присмотревшись, слыша ее ровное дыхание, успокаивается и сам...

* * *

Наступила весна. Стало тепло и в тайном подвале Генриха Цвейга. Но тепло для тайги всего лишь условное название... Только 22 июня на рассвете распрощались. До реки Оровки они дошли вчетвером. Два друга, Б. Бортов и Г. Табатадзе, и отец, и сын Цвейги. Возле пристани, когда друзья скрылись с глаз, отец Цвейг вздохнул и утер слезу с глаз. Он знал, куда направились два решительных друга...

А два человека, два друга, также свободно вступили в тайгу, будто направлялись в ближайший лесок за грибами. Шли с той надеждой, что оставили навсегда свои невзгоды и шли к своему будущему счастью...

Шли целый день без передышки и к вечеру подошли к речке, которая на карте Цвейга была названа «Ура». Здесь должна была где-то стоять охотничья изба...

Вот и она. Гиви так понравилась изба, что сказал Борису:

– Да, здесь можно век прожить!

В избе они нашли около печки заготовленные дрова, в углу висело полтуши соленой медвежатины, на маленьком деревянном столике лежала миска, в которой было налито масло, и торчал кончик бечевки, служащая для освещения. Была и кухонная утварь, чтобы удовлетворить скромные потребности охотничьего застолья.

Гиви развел огонь в печке, Борис лег и, усталый, сразу заснул. Приготовив ужин, Гиви разбудил друга, и они поужинали. После ужина Гиви влез в спальный мешок и заснул.

Где-то около полуночи Борис услышал шум за дверью и разбудил Гиви. Гиви взял ружье и захватив с собой посудину для воды, пошел к реке. Он шел и думал, что тут не может быть случайного зверя, так звери избегают жилья, тем более что из печки валил дым. Он набрал воды, отошел от реки и притаился под деревом. Через минуту он заметил две светящиеся точки недалеко от себя. Гиви взвел курки и подумал: «Если судить по расстановке глаз, то это не медведь, так что же может быть?» Гиви прицелился в середину светящихся глаз и выстрелил. Тишину ночи нарушил гром выстрела, который грохотом отозвался в тайге. А светящиеся точки вдруг подскочили вверх и потом упали наземь, навсегда потухнув. Гиви перезарядил ружье и лишь потом, решил приблизиться к своей жертве. «Страшным зверем» оказался барсук. Пуля пришлась ему прямо между глаз.

Гиви притащил барсука к избушке, а там Борис помог ему втащить его внутрь.

Гиви начал разделывать тушку, а Борис сидел и, о чем-то думая, молчал. Гиви еще вчера заметил, что Борис о чем-то вздыхает, вот и ночью он все ворочался, наверно, не спал. Это было подозрительно. Гиви не хотел опережать события и ждал... Наконец, Борис не выдержал тишины и дрожащим голосом сообщил Гиви, что он много передумал за это время и пришел к выводу, что надо признаться другу:

– Мне не хватает ни сил, ни мужества идти дальше с тобой. Я думал, что смогу быть рядом с тобой, что у меня есть главная цель, в настоящий момент идти с тобой, вырваться отсюда. Но оказалось, что я не готов

к исполнению этого решения... Я думал, что я силен, но оказалось наоборот... Эта бессонная ночь доказала мне, что спутником и другом я твоим не смогу быть... Я должен вернуться, хотя, это зависит от тебя... Я не достоин и потому не прошу прощения...

Между тем Гиви тоже этой ночью не спалось. Эта была первая ночь, проведенная с Борисом уже вне лагеря и убежища Цвейга. Начался самый трудный период в деле осуществления побега. Многие зависело от того, как сложатся отношения с Борисом. Хватит ли стойкости и силы их дружбе, чтобы выдержать такое испытание... и вот Борис сломался...

– Для тебя жестоким наказанием будет то, что от меня уйдешь безнаказанным. Если придешь в колонию, обо мне ни слова, заклинаю тебя твоей совестью. Хотя ты можешь сказать: «Что мне клятва, когда у меня нет совести!». А вернуться в колонию ты должен. Сегодня я не смогу продолжать путь из-за вчерашней бессонной ночи и трудного, 13-часового перехода. Нелегко вынести страх смерти, но еще труднее бояться, что тебя предаст единственный друг. Я думаю, для тебя что свобода, что тюрьма! И одна, и другая для тебя как палка для слепого...

Возвращайся, только знай, что я обязательно достигну долгожданной свободы, а ты даже за этот односторонний переход не достигнешь места, где тебя уже считают погибшим. Подумай, может ты осилишь страх и продолжишь путь с человеком, который не оставит тебя в беде...

Еще долго уговаривал Гиви своего спутника и после долгих раздумий, Борис решил остаться.

– Останусь, но если еще заставлю тебя бодрствовать всю ночь, не обессудь! Я постараюсь побороть в себе страх. В данный момент, например, я не боюсь ничего. Сегодня или поборю в себе страх, или открою тайну этого страха в себе, – сказал Борис.

– Очень хорошо! Мы никуда не спешим, никуда не опаздываем, никто нас не ждет, и мы никого не ожидаем.

– Мы спешим на свободу и она нас ждет, но один день, я думаю, никакого изменения не внесет в нашу жизнь в данный момент. Хотя, наполеоновский генерал Груши опоздал на полчаса и проиграл битву при Ватерлоо. И кто знает, если бы все шло по расчетам Наполеона, может, судьба Европы была бы иной.

– Успокойся, Борис, мы не наполеоны, и не решаем судьбу Европы. Наше рождение не было событием Европы и наши смерти не вызовут потрясения. Давай позавтракаем, и будем такими же бесстрашными, как Наполеон.

Друзья позавтракали шашлыком... Рассвело. В тайге туман рассеялся, и солнце выглянуло.

День прошел весело. Недалеко от охотничьей избушки Гиви подстрелил глухаря и на обед друзья имели дичь.

Стемнело... Темнота одновременно сошла на тайгу и душу Бориса. Дрожая телом и душой, Борис признался Гиви, что боится темноты, и попросил друга:

– Как хочешь назови меня, думай обо мне что пожелаешь, но знай одно: есть люди, которые боятся своей собственной тени; я открыл в себе страх тишины – боюсь тишины. Когда тайга безмолвна, во мне

рождается гробовое чувство и в душе ворочаются тысячи мыслей, я еще не чувствовал одиночества и этого чувства во мне еще не было. Лучше провести всю жизнь с товарищами, чем вынести эту тайгу... С ума сойду и тебя сведу... Не думай, что я боюсь смерти. Нет. Хочешь, возьми ружье, прицелься мне в лоб и я не моргнув, буду смотреть в дуло ружья и с улыбкой встречу пулю... Теперь ты сам рассуди: что во мне страх, или бесстрашие, что сидит во мне ангел или невидимая сила черта...

Гиви молча смотрел на Бориса и думал. Потом сказал:

– Не могу определить, что гнездится в тебе, и не могу узнать, ибо сам не показываешь. Я давно тебя знаю и знаю, как доброго человека. В эту минуту, когда настает пора нашего расставания, я вижу в тебе доброго человека с открытой душой. Спасибо за такое откровение. За то, что за твоим страхом не последовало какое-нибудь преступление... Судьбе иногда надо подчиниться. Рыбак не должен сетовать на бога, если в его сети попадется тощая рыба.

– Да, но эта рыба не должна быть тухлой, – перебил Борис своего друга и дал ему почувствовать, что под «тухлой рыбой» он подразумевал себя. – Я удивляюсь, Гиви, твоему благородству. Оно погубит тебя. Твоим благородством может, ты делаешь дело, возвышающее душу. Но знай, что иногда, вставший на ноги, не пожалеет спасителя. Сегодня во мне родилось чувство страха и где гарантия, что в моей душе не родится звериное чувство, которое рождает антипатию и, которое не знает любви и колебания. Слабые

звери чувствуют приближение сильного зверя... Если бы можно было увидеть душу каждого человека, мы бы ужаснулись! Мы бы ясно увидели, что в человеке гнездится какой-нибудь зверь, пресмыкающееся или насекомое и обладает его повадками... Я родом с Урала. Мои соседи издревле охотятся и уверены, что волк своего последнего щенка рождает собакой, которого сразу же, после рождения, убивает, боясь, что он съест остальных щенков. Может же случиться, что волк пожалеет своего щенка-собаку и не убьет? Может же случиться, что этим щенком-собакой окажусь я, которого ты так жалеешь?

– Возможно, но в человеке всегда есть сила, которая называется честью, а то, куда ты возвратишься, называется правосудием. Эти два понятия, соединенные, вместе называются любовью. Именно это чувство обязывает нас, и той любовью мы можем отрицать и законность, и правосудие.

– Ты должен вернуться, а я не вернусь, потому что, потому! – Неуместно пошутил Гиви, – Дай бог, тебе доброго пути и, хотя у тебя однодневный переход, его надо еще одолеть...

– Гиви, я смерти не боюсь, трудно мне с тобой расстаться, но как вижу это неминуемо, так как вижу, что мой страх может погубить и тебя. Я дам тебе письмо к моей жене, она может снабдить тебя нужными документами и отправить за границу или оставить в Союзе, хочешь, живи в Одессе. Я сейчас же напишу письмо, – сказал и начал писать письмо (Это письмо изъято из личного архива Гиви вместе с семидесятью-восьмидневным дневником).

Одесса. Улица Гоголя, 24. Бортовой Людмиле.

«Здравствуй, Люда!

Как поживаешь? Знаю, что ждешь меня каждый день. Знаю, какой шаг сделала ты из-за моей любви и ты знаешь, как я люблю тебя. Когда ты получишь это письмо, я не знаю, что уже случится со мной. Человек, принесший это письмо – мой верный друг... Моя последняя просьба. Помогите ему сделать нужные документы. Остальное он сам скажет тебе. Надеюсь, что меня оправдают. Жду освобождения. Скоро встретимся! Поцелуй за меня Галину и Володю!

Целую, твой Борис».

Гиви сложил вчетверо письмо, положил в карман на груди и обещал: «Если приеду в Одессу, обязательно передам письмо адресату». Перед расставанием друзья еще долго беседовали... Борис не захотел промедления и с рассветом попросил Гиви провести его на некоторое расстояние. А Гиви не надо было просить об этом. Он провел Бориса на несколько километров, несмотря на предательство, сердечно попрощался с ним, и вернулся в охотничью избу.

Он развел огонь, закрыл дверь и заснул усталым, мертвым сном. Тот день и вторую ночь он провел в избе. Утром, 25 июня, сложил в вещмешок вещи, предназначенные для долгого путешествия, и пошел к долгожданной свободе.

Многое может вынести человек, но одним из трудных, если не самым трудным, является одиночество. Для Гиви, конечно, трудно было привыкнуть к одиночеству и, тем более, одному идти по тайге, не зная

дороги и пробираться вперед только по карте. Он не одичал, не опустил: мылся каждый день, брился, ел 2 раза в день и, вообще, старался быть всегда в форме. Ночевал он всегда в охотничьих избах, а уходя, всегда прибирал после себя, оставлял много нарубленных дров и дичи или другого мяса. Он не спешил, знал, что в тайге легко сбиться с пути и потом трудно будет найти выход из положения. Населенных пунктов он избегал, тем более городов. Он чувствовал дыхание тайги и ее шум; привык рассчитывать каждое свое движение, не рисковать. Не раз спасало его человеческое, или, может быть, перешедшее в звериное, чувство осторожности.

Наверно, читателю будет не очень интересно знать, как в чаще на идущего Гиви вдруг сверху бросился огромный барсук. От тяжести и внезапности Гиви упал, ружье выпало из рук, но он успел выхватить нож и всадил в грудь зверю. Спасся. Только рукав был у Гиви разорван и распорот вещмешок. Однажды медведь оказался прямо перед Гиви. Долго смотрели друг на друга зверь и человек. Зверь не двигался, наверно, впервые увидев человека, и, бог знает, что думал он своим звериным умом, или что чувствовал он своим звериным инстинктом. А человек размышлял по-человечески: чувствовал, что одно неосторожное движение и зверь бросится на него, и потому надо было ждать, думать об обороне и держать руку на ноже...

Нет, человек не уступил, не ушел с поля возможной битвы. Зверь оказался осторожен, не рискнул: повернулся и, бормоча, пошел в сторону...

Много неожиданных встреч и трудностей было на пути Гиви, но он упорно шел, строго следуя пути, указанному на карте Генриха Цвейга. На исходе шестидесяти восьмого дня, Гиви вышел на берег реки Лены. На карте стояла цифра, обозначающая расстояние 2313 километров. Почувствовав запах огня, Гиви пошел вверх по течению. Он радовался встрече с человеком, ждал его и шел быстрее. Вдруг, где-то поблизости, грянул выстрел и из чащи выбежал раненный огромный медведь. Гиви не успел прицелиться, но выстрелил. Пуля лишь задела голову зверя. Настала минута смертельной опасности. С ревом бросился зверь на человека. Здесь должны были победить лишь разум и скорость, сила должна быть побеждена мудростью человека.

Гиви, надев на левую руку свою шапку, успел воткнуть ее в открытую пасть по локоть. А правой рукой полоснул своим ножом по горлу зверя так сильно, что задел свою левую руку. Зверь не остался в долгу, он так сильно ударил лапой в грудь человека, что у него изо рта пошла кровь. Человек упал, а зверь на него... У Гиви перехватило дыхание под огромным зверем, смешалась человеческая и звериная кровь, которая под воздействием вырывающегося из горла дыхания, пенилась. Гиви задыхался... Он попытался сбросить полутонную тушу с себя, но не смог. Потом попытался перевернуться, чтобы свободнее было дышать, но... «Вайме, деда*» – промелькнуло у него в сознании и... все провалилось куда-то...

* «Вайме деда!» – грузинское горестное восклицание. Буквально: «Горе мне, мама».

Сдались смерти два существа; зверь истек кровью, а человек, задыхаясь, потерял сознание...

Гиви не помнил, как подошел охотник (пуля которого ранила медведя). Охотник кое-как, при помощи сломанной большой ветки, перевернул медведя и освободил человека, залитого кровью, пощупал у него горло и, почувствовав дыхание, вытер с его лица кровь. Охотник из веток соорудил что-то вроде носилок и, положив раненого на них, поволок.

Через полчаса он достиг своего жилья. За это время Гиви дважды приходил в себя, но тут же терял сознание.

При помощи жены, охотник внес раненого в избу и уложил на убранную дорогими мехами кровать. Гиви раздели, обмыли теплой водой, перевязали раненную руку и вправили вывихнутое плечо...

После трехдневного лечения настоями трав и втирания жиров, Гиви, наконец, пришел в себя. Очнувшись, он привстал и, увидев около себя хозяев избы, улыбнулся. Хозяева, увидев ожившее и улыбающееся лицо больного, обрадовались.

Гиви вспомнил слова Генри: «На берегу Лены живут охотники тунгусы», наверное, они и есть эти тунгусы. Сперва он посмотрел на мужчину, который более был похож на мужчину, чем женщина на женщину. Мужчина был мал ростом, а женщина еще меньше, но красивее. Мужчина имел такую редкую бороду, что можно было сосчитать каждую волосинку на лице... Дом состоял из двух комнат. В одной всегда горел огонь – там сушились шкуры разных зверей, и готовилась еда. Обе комнаты были оклеены,

как шпалерой, деньгами разных государств и разных времен, их называли «красивыми бумагами». Они не знали их назначение, не умели считать, ни распознавать их... Шкуры они меняли на муку, соль, спички и охотничьи принадлежности. В основном они занимались охотой и рыболовством. Много раз удивлялся Гиви меткости стрелка, попадающего в беличий глаз, чтобы не испортить шкурку. Они были гостеприимными. Верили в бога и молились своим идолам.

Когда хозяева увидели, что Гиви пришел в себя, женщина спросила первая:

– Иностранец, кто ты, как оказался в этой тайге?

– Пришел купить меха. Помню, как меня подмял раненный медведь под себя. Больше ничего не знаю, наверно, вы спасли меня.

– Хорошо, не разговаривай, ты еще очень слаб, – сказал мужчина и заставил проглотить несколько больших ложек горячего супа. Принятая еда и чувство сытости приятно разлились по телу. Хозяин приказал не тратить слабые еще силы и лежать.

Так шли дни, а затем недели. Гиви окреп и уже подумывал о продолжении пути, но однажды хозяин сел около Гиви и сказал:

– Вот уже месяц ты находишься у нас, незнакомый гость, и я уже чувствую, что ты собираешься продолжить путь.. Ошибаешься, уже давно похолодало, начинается зима, а зимой идти по тайге очень трудно. Предупреждаю, не совершай неблагодарного поступка, без нашего ведома не уходи. Не думай, что тебя пугаю, а предупредить я тебя обязан. Хороший ты человек, красивый, даже завидую тебе. Не удивляй-

ся, каждый человек завидует другому, кроме своего сына. Отец хочет, чтобы его сын был лучше всех, – охотник ненадолго умолк, а потом продолжал, – как тебя звать?

– Гиви.

– Значит, Георгий.

– Нет, Гиви,

– Хорошо, пусть будет Гиви. Меня зовут Колка, Никола, Коля, как хочешь называй. Мою жену – Наташа, Таня. У нас русские имена, а так мы тунгусы. Верим в бога, не знаем предательства, но если нас предадут – мы не прощаем.

Гиви улыбнулся. Колка был необразованный, но очень хитрый, он заметил улыбку Гиви и спросил:

– Чему улыбаешься? Не нравимся?

– Что ты, Коля, очень даже нравиться. Я даже не знаю, как буду без вас жить, когда уйду отсюда.

Коле понравились слова Гиви и он кликнул свою жену:

– Таня, заходи!

Таня зашла и без всякого стеснения села на колени Гиви.

– Слыхала, Танюша, что сказал наш гость?

Жена отрицательно качнула головой.

– Мы ему очень нравимся, даже любит нас. Я завтра утром уйду, а вы любите друг друга.

Затем обратился к Гиви:

– Правда, будешь любить мою жену? Она же очень красивая?

Гиви бросило в жар, как быть? Сказать, что его жена красивая и что даже нравится ему, – может это

вызовет его ревность, сказать, что не нравится – может обидеть... Гиви замешкался с ответом, а Коля это принял за согласие и продолжал беседу:

– Когда вернусь, если Таня будет довольна тобой, я тебе покажу место, где можно находить много желтого камня (золота), а если будет мальчик, то одно место тебе подарю.

– А зачем мне золото?

– Останешься и будешь жить.

– Нет. Этого я тебе не могу обещать. Меня зовет моя родина, туда я должен идти.

– Здесь не останешься?

– До твоего прихода.

– Хорошо. Если Таня будет тобой довольна, в мае, когда к нам придут за пушниной, вот с ними вместе и пошлю тебя и хорошо одарю.

– Сюда придут за пушниной?

– Нет, здесь мое охотничье место, здесь никто не может стрелять кроме меня. Здесь у меня два золотых рудника, а живем мы в трехдневном переходе. Там мы, почти вместе, живем восемь семей в одном хуторе. Есть школа, магазин... в год два раза в мае и сентябре приходят покупать пушнину, за которую дают нам муку, соль, спички и другие вещи для семьи.

– А желтый камень не берут?

– Раньше брали, а теперь нет. Говорят, арестовывают, у кого золото есть...

– Откуда приходят за пушниной?

– Не знаю. Одни говорят, что из Москвы, другие из Якутии, третьи – из Новосибирска...

– Приходят одни и те же люди?

– Да.

– А чем, каким транспортом забирают пушнину?

– Самолетами. Прилетят, привезут водку, и целый месяц гуляем!

– А деньги не дают за пушнину?

– Как нет! Но зачем они нам? У нас их много.

Куда их деть?

«Здесь действительно незачем деньги, да и негде их тратить, – подумал Гиви и посмотрел на стены, оклеенные денежными купюрами разных государств и разных эпох.

Утром Коля уложил в кожаный мешок охотничьи принадлежности, еду, одежду и, взяв ружье, отправился...

Наташа села на колени Гиви и горячо поцеловала его.

– Наташа, у тебя дети есть? – спросил Гиви.

– Мальчик и девочка. На хуторе живут у бабушки. Хорошие дети, но твои будут лучше, а потом мои дети будут лучше всех на хуторе.

– Ты совсем ребенок...

– Кто ребенок? Я мать двоих детей, мне тридцать лет, ты сам ребенок! – таким обиженным тоном сказала Наташа, что Гиви пожалел ее.

– Хорошо, хорошо. Не плачь, тридцатилетняя девочка, – сказал Гиви и сунул руку ей под блузку... Гиви почувствовал упругие груди Наташи и в душе удивился, какой свежестью, для тридцатилетней женщины, они обладали. Гиви прямо с колен взял ее на руки и уложил на дорогие меха...

* * *

Поезд вошел в Туапсе. Пробыв в воспоминаниях всю ночь, Гиви заснул только под утро.

– Где мы?

– Проснись! Вставай! Завтрак готов, – сказала Нино, которая тихо ходила до этого по купе, стараясь не разбудить мужа.

– Где мы? – повторил Гиви.

– В Туапсе.

– Хорошо!.. Раньше здесь проходила граница Грузии – вздохнул Гиви.

– Хватит вспоминать об этом...

Гиви встал, умылся и оба сели завтракать... А поезд мчался все на север. На каждой остановке Гиви сходил на перрон и приносил для Нино все, что ей хотелось и нравилось... После обеда Гиви проиграл партию в шахматы одному пожилому человеку. Потом проиграл и вторую партию.

– Что с тобой? – удивленно спросила Нино, зная его возможности.

Гиви только сейчас очнулся от каких-то дум и воспоминаний, нахлынувших на него. Затем Гиви выиграл третью партию, четвертую выиграл быстро и вдруг... противник его, пожилой мужчина, схватил шахматы и выбросил в открытое окно купе.

– В чем дело, чем я обидел вас, дядя? Лучше было бы избить меня, если я в чем-то виноват!

– Не обижайся, сынок, на старика. Стар я стал, но не научился уму-разуму! Привычка у меня, скверная такая! Кто знает, сколько шахмат я поломал и... купил!...

– Будьте здоровы! Я знаю, не мне учить вас, но если вы обиделись за проигрыш, то посмею напомнить вам слова Эмерсона «Каждый человек, с которым я имею контакт, чем-то лучше меня и я готов учиться у него».

Гиви закрыл за собой дверь купе и вернулся к себе. Прилег, и, когда собирался развлечься с Нино, вдруг постучали в дверь купе... Гиви открыл дверь. В купе без приглашения вошел пожилой «шахматист», который держал под мышкой два комплекта шахмат.

– Если можно, одолжите мне карандаш или ручку, – улыбаясь, попросил он.

Нино протянула ему свою авторучку. «Шахматист» раскрыл доску и на внутренней стороне написал: «В подарок моему незнакомому другу, которому я, своим ужасным характером нанес обиду. Иногда довольствуемся и ничтожным, если после этого следует примирение. Карло Себисквирадзе.»

«Шахматист» вернул авторучку Нино и преподнес шахматы Гиви. Когда Гиви поблагодарил за подарок, «шахматист» смущенно сказал:

– Благодарить меня незачем, это я должен быть благодарным, потому что у тебя многому научился, но хочу спросить у тебя, кто такой Эмерсон?

– Эмерсон – американский философ и писатель.

– Спасибо, сынок, ты сегодня меня отучил от страшной привычки. Если пожелаешь, то сыграем.

– Сыграем, только моими шахматами, подаренными вами.

– А почему именно ими?

– Потому, что может, постесняетесь и не выбросите!

Оба партнера весело улыбнулись и на «высшем» уровне провели четыре партии. Потом Карло Себисквирадзе пожелал им спокойной ночи и вышел.

Нино выключила свет, и они легли. После любовных ласк Нино спокойно уснула, а Гиви вновь утонул в воспоминаниях о тунгуске.

* * *

Чистый воздух и хорошее питание прибавило сил Гиви. Он каждый день тренировался, ходил на охоту, купался в холодной воде. Его тело стало еще сильнее и привлекательнее.

Тайга. Это была настоящая свобода для него. Никаких забот и трудностей, только сегодняшний день и сегодняшние заботы о том, как провести настоящий день и развлечься. Таня была очень сексуальной женщиной, которая предупреждала любые желания своего партнера. Так прошло семь месяцев, и наступил май. День ото дня ожидал Гиви возвращения Коли, которого пока не было видно. А Наташа была счастлива и довольна. Заметно было, что она что-то скрывает. Об этом догадывался и Гиви.

– Наташа, скажи правду, почему опаздывает Коля? Скажи, не то я оставлю тебя и уйду!

– Не оставляй меня, не уходи я все скажу. Он не придет, пока у меня не будет ребенка, – сказала Наташа и ласково провела рукой по своему животу, по которому уже ясно было видно, что в нем растет жизнь нового существа.

- Он же обещал по-другому?
- А он выполнил обещание, был здесь, но я попросила, чтобы пока не показывался.
- Когда был?
- Неделю назад, когда ты был на охоте.
- Хорошо, не хочу его помощи, ты проводи меня на хутор, чтобы улететь, как ты называешь «в большую страну».
- Не знаю дорогу. Даже если бы знала, не пошла.
- Почему?
- Потому, что люблю тебя.
- Значит, остаться с тобой?
- Нет, когда родится ребенок, уходи, я твою любовь перенесу на него.
- Не хочу твоей помощи, пойду пешком. Может даже лучше так.
- Я тебя убью! – с таким жаром сказала Наташа, что нужно было верить, что она сделает это без стеснения совести.
- В конце концов, когда освободите меня от этого плена?
- Сейчас пешком не пущу, дорога дальняя. Майский самолет уже улетел, а в сентябре я или Коля проведем тебя до большого города...
- Для Гиви стало ясно все. Да и не очень сожалел он об этом пленении. Он привык к этой девушке-женщине, кажется, даже немного полюбил. Беременность еще больше укоротила ее и сделала круглой.
- Хорошо, подчиняюсь, еще три месяца останусь, только после этого, если еще обманете, возьму ребенка и уйду пешком.

– Не обману. Мы никогда не обманываем, вернее не знаем, что такое обман.

Прошло два месяца, и Коля объявился с нагруженными пушниной санями. Очень обрадовался при виде Тани. Он все ласкал ее живот и целовал в шею. Она слегка отталкивала его. Обрадованный Коля целовал и Гиви в грудь, ибо выше не доставал. Потом разгрузил сани, всю пушнину бросил под ноги Гиви и сказал:

– Это все тебе! Завтра поведу тебя и подарю золотой рудник. А если останешься с нами, то все будет твое, а мы будем твоей прислугой.

– Нет, Коля, я в сентябре должен улететь, если все будет хорошо, потом вернусь, проведу вас. А вашего ничего не хочу: ни пушнины, ни золота. Не знаю, что происходит на дороге. Узнаю, а потом, когда вернусь, может быть, возьму пушнину на одну шубу.

Коля был очень обрадован. Он метался туда-сюда, и готовил торжественный обед, даже выставил припрятанную бутылку спирта.

Коля выпил, вероятно, больше положенного, спирта, и, мертвецки опьянев, заснул. Гиви выпил немного, но на второй день чувствовал себя плохо. Наташа сбегала на реку, поймала в сеть большую щуку и приготовила уху. Когда они сидели и хлебали уху, вдруг, после того, как Таня что-то сказала на своем языке Коле, Коля вскочил и, выбежав во двор, скрылся в тайге.

– Что ты такое сказала? – сердито спросил Гиви.

– Ничего, мне плохо.

– Ну и что, это его рассердило?

– Нет. Он побежал за повивальной бабкой.

– Когда же он вернется?

– Если будет быстро идти – завтра после обеда.

Наташа отодвинула еду, оперлась на стол и, положив голову на руки, закрыла глаза. Она обливалась холодным потом.

Вдруг у нее расширились глаза, и она вскрикнула:

– Гиви, помоги!...

Гиви отнес ее в другую комнату и уложил на постель.

– Гиви помоги! – еще жалобнее вскрикнула Таня.

– Как тебе помочь, я же не повивальная бабка, – сказал Гиви и хотел выйти.

– Не уходи! – догадалась Наташа о намерении Гиви.

– Позову Колю, может, недалеко ушел.

– Нет, не оставляй меня!

– Не бойся! Не оставлю, – сказал Гиви и положил руку на живот Тани.

Таня схватила его руку и, как бы передавая ему свою боль, сжала его руку. Потом немного успокоилась, но вдруг вскрикнула, сжалась, ахнула... И Гиви услышал плач новорожденного...

Таня улыбнулась плачу ребенка. Гиви утер пот с ее лица, разорвал свою рубашку, взял, вытер ребенка, потом завернул маленькое тело человека в полоску рубашки и положил рядом с матерью.

– Мальчик! – сказал он Наташе и в знак благодарности поцеловал ее в губы.

Гиви посмотрел на часы, 12 часов, пятое июля, полнолуние. Звезды предсказывали прекрасное будущее новорожденному...

- Как назовем? – спросил Гиви.
- Именем отца, – коротко и твердо сказала Таня.
- Почему? Назовем Колей.
- Нет. Он на Колю совсем не похож.

Ребенок, действительно, не был похож на Колю – был белым и голубоглазым...

Целые сутки не отходил Гиви от Тани и выполнял все ее просьбы. После обеда вернулся и Коля, приведя с собой древнюю старуху. Коля так обрадовался новорожденному мальчику, что не вытерпел и вскрикнул «мальчик»! Ребенок от его крика проснулся и стал плакать. Наташа выставила мужа из комнаты, и он повиновался ей без слов.

Гиви, чтобы развеяться, пошел к реке. Когда вернулся, стол уже был накрыт. Коля представил его старухе. При знакомстве, Гиви протянул руку старухе, но она протянула руки к небу и что-то пробурчала.

Гиви не понравилось ее поведение, и он постарался заглянуть ей в глаза, сидящие в узкой прорези. Черные точки, смотрящие оттуда, действительно имели что-то магическое. Она на своем языке что-то сказала Коле, а Таня перевела для Гиви. Старуха, оказывается, сказала, что гость неверующий и с ним за одним столом она не будет сидеть.

– Переведи своей старухе, что бог один, а вер много, что бог создал много направлений в вере, чтобы люди разными путями шли к богу.

На это старуха ответила, а Наташа перевела:

– А почему бог не избрал одну веру, одну праведную дорогу?

– Мы вникаем в тайну бога и не имеем права вмешиваться в его мудрость.

– А какую веру ты исповедуешь? – спросила старуха.

– Христианскую. Именно православную.

– Знаю. Слышала, что православная есть и католическая.

– Правильно.

– А если правильно, то почему одна и та же вера разделяется на две.

– Так же, как буддийская вера делится на две: Йная (узкая дорога) и Майиа (большая дорога).

Старуха не знала столько о буддийской вере, но уступать не хотела, и задала новый вопрос:

– А как ты считаешь, какая из них правильная?

– Конечно, православная!

– Чем докажешь?

– А тем, что исповедую эту веру, а избранная мной дорога самая праведная.

– Это не доказательство, – сказала старуха.

– Тогда скажу еще. В мире четыре основных вероисповедания: иудаизм, буддизм, христианство и магометанство. Бог имеет в каждой вере своего посредника: это – Яхве (Иудаизм), Будда (буддизм), Иисус Христос (христианство) и Магомет (магометанство).

– Вот это я и спрашиваю, – с расширенными глазами, сказала старуха, – какая из них истинная?

– У одного царя было четыре сына и только одно фамильное кольцо. Царским правом и величием мог пользоваться лишь тот, кто обладал этим кольцом.

Царь всех сыновей любил одинаково. Перед смертью он заказал золоточеканщику-ювелиру такие же кольца и, призвав сыновей по одиночке, дал им каждому по одному кольцу. Каждый был уверен, что он является обладателем настоящего, подлинного кольца, а другие братья носят подделки. Истину же знал только отец... Так и бог. Только он знает истинную дорогу, хотя все дороги ведут к нему. А вера, какой бы она не была, проповедует одно и то же. Если не ошибаюсь и в вашей вере есть десять заповедей: человеколюбие, почитание родителей, не убий, не прелюбодействуй, не воруй, не завидуй, люби ближнего, а ты не хочешь даже сесть со мной за стол.

Старуха с интересом слушала Гиви и качала головой переводу Наташи. Когда Гиви закончил, старуха воздела руки к небесам, потом ударилась лбом об землю, целуя ее. Поднявшись, несколько раз повернулась на месте, обошла все углы и посыпала их чем-то; потом подошла ко всем, кто был в комнате, и обрызгала их какой-то водой, не забыла и Гиви. Потом повернулась и ушла...

На другой день Коля повел Гиви куда-то в лес. Подошли к одной горке. Коля убрал с земли мох, разрушив при этом муравейник, и показалось маленькое отверстие. Он расширил это отверстие, так что в него можно было влезть. Коля упал на землю и стал молиться. Закончив молитву, он вошел в лаз и позвал за собой Гиви. Вход постепенно увеличился и уже в 2–3-х метрах от входа, можно было различить полуметровую скульптуру из золота.

– Это лицо бога, Будды! – объяснил Коля.

Идол был сидящим, воздев руки к небу. Не трудно было догадаться, что он изображен во время молитвы.

Буддизм возник в VI веке до нашей эры в Индии. Создателем его считают Будду, но его изображение известно лишь с I столетия до нашей эры.

Коля взял перед скульптурой железную миску, наполненную оленьим жиром, зажег его спичкой и осветил пещеру. Это оказался хорошо укрепленный и убранный рудник. Впереди виднелась золотоносная жила.

– Этот рудник – тебе подарок, – сказал Коля и в знак уважения положил ему руку на грудь.

– Зачем он мне? Отсюда даже маленькое кольцо нельзя увезти. Кто знает, коммунисты могут обвинить, могут даже расстрелять. Это богатство и ты не можешь употребить, для тебя ведь, килограмм соли лучше! Спасибо за подарок, – сказал Гиви и таким же манером положил руку Коле на грудь.

Еще месяц побыл Гиви в этой тихой глуши. Ходил на охоту, учился ходить по тайге без компаса и карты. А через месяц нагрузили сани и отправились вчетвером в сторону хутора. На третий день подъехали к хутору. Встретили их все жители маленького хутора. Все были рады вновь прибывшим.

Вечером, уже опьяненный спиртом (его местные жители гонят из коры деревьев), Гиви спросил у Наташи о ее детях. Она ответила, что никаких детей, кроме их ребенка, маленького Гиви, у нее нет...

Прошел еще месяц и 12 сентября прилетел вер-

толет. Сразу же начался торг. Прибывшие скупали, конечно, за бесценок дорогую пушнину, выплачивая некоторым деньгами, а некоторым спиртом, водкой, порохом, дробью, солью, мукой и разными побрякушками.

В день отлета Гиви оделся в дорогую шубу и приготовился. Таня тихо сказала Гиви, что его шуба двойная и, что в нее вшито много денег, которые он может употреблять при надобности. «Кроме того в твой вещмешок, я положила много денег. Мне и Коле для тебя ничего не жаль, только знай, что мы ждем тебя и все любим».

Настал час отлета. Провожать летчиков и Гиви пришли все. Только Тани не было видно.

Гиви спросил у Коли:

– Где Таня?

– Плачет в своей комнате.

Гиви не спрашиваясь, вошел в комнату. Заплаканная Таня повисла на шее Гиви. Вошел и Коля, также со слезами на глазах. Гиви тоже не выдержал, и его глаза налились слезами.

Гиви, сняв со своей шеи цепочку с крестиком и надев ее на младенца, взял его на руки...

Раздался гул мотора вертолета. Гиви еле оторвал от груди Таню с младенцем, попрощался с Колей и выбежал...

В пять часов вечера, он был в Иркутске. Там он сел в такси и поехал на железнодорожный вокзал. Повезло. Поезд на Новосибирск отходил через 10 минут. Он, купив билет, сел в поезд и поехал. Через два дня поезд прибыл в Новосибирск.

Гиви совсем не беспокоился, что его кто-нибудь остановит и спросит документы. Он больше похож на богатого интеллигента, чем на беженца из колонии. Посмотрев расписание движения поездов, купил билет до Сочи и, так как было еще время, пообедав, пошел в кинозал. После кино, он вышел на перрон и сел в поезд Новосибирск – Сочи. Но, не доехав до Сочи, он в Ростове пересел на одесский поезд и поехал в Одессу. Там на вокзале, он протянул водителю такси адрес, написанный Борисом на клочке бумаги, и поехал. Таксист остановил машину у дома на улице Гоголя. Гиви осторожно постучал в дверь. Дверь открылась без повторного стука. На пороге стояла молодо выглядевшая женщина лет двадцати пяти.

– Извините, пожалуйста. Людмила Бортова здесь живет?

– Это я, в чем дело?

– У меня к вам личное дело.

– Пожалуйста, проходите, но не обессудьте за беспорядок, для уборки не хватает времени, а моя дочь мне не помогает.

В это время из другой комнаты вышла девочка лет 15. Блондинка в белом домашнем сарафанчике, который плотно облегал ее девичье тело. Она поздоровалась и вышла.

– Моя девочка, Галина, – сказала Людмила.

– Очень приятно, меня зовут Гиви, по фамилии Табатадзе.

– Грузин?

– Да.

– Я давно мечтала познакомиться с грузином, поэтому я рада знакомству.

– Я должен передать вам письмо.

– От кого?

– От вашего супруга, Бориса!

При упоминании имени Бориса, женщина смутилась и взяла у Гиви письмо, будто бумагу, чтобы завернуть в нее табак.

Она одним взглядом прочла письмо и обратилась к Гиви:

– Интересно. Как вы оказались там, что-то не похоже вы на арестанта. Хотя там могут быть всякие люди. Подождите, подождите! Год назад мой муж писал, что познакомился с хорошим человеком, грузином. Гиви зовут, это о вас?

– Нет, я случайно познакомился с ним два месяца назад, ездил туда покупать пушнину и...

– Как, вы едете из загробного мира? – сердечно засмеялась Людмила. – Мне можно довериться и потому мой муж прислал вас ко мне. Не думайте, что я сообщу в ЧК.. Как вы могли познакомиться с моим мужем, когда год назад руководство колонии сообщило мне, что мой муж во время бури пропал без вести.

–?

«Наверно, и мой отец получил подобное сообщение» – подумал Гиви и переменился в лице.

– Что с вами? Вам нехорошо?

– Нет. Жаль, что вы мне не верите.

– И не поверю... Два месяца назад вы не могли видеть моего мужа. И потом зачем вам моя помощь.

Если вы потеряли документы, обратитесь в отдел внутренних дел, заплатите штраф 10 рублей и через неделю вам выдадут новый паспорт.

Гиви оказался в ловушке. Он не ожидал такого оборота и теперь для себя размышлял. Если признаться во всем, еще больше не поверят, могут обвинить в убийстве Бориса. Он ведь не знал вернулся Борис или нет в колонию. Гиви на минуту задумался.

– Извините за беспокойство! – сказал он Людмиле.

Встал, взял свой вещмешок и направился к двери.

– Подождите! – почти вскрикнула Людмила и стала перед ним. – Извините, я неправа. Я уже заранее знала, что ты сам сказал бы, после того как убедился, что я «хорошая женщина».

– Я пойду, может так лучше для обоих.

– Нет! Не отпускаю. Ты же хороший друг моего мужа и, пока не убедишься в моей верности, никуда не отпускаю! Правда, я не богата, но и не голодаю, работаю, и кусок хлеба разделим без упрёка.

– Хорошо, – согласился Гиви, – объедаю вас не буду, и если не будет вам трудно, приготовьте ужин. Вот вам деньги.

И Гиви положил на стол пачку сторублевков. Людмила сначала хотела отказаться от денег, а потом взяла и положила в карман.

– Хорошо. Считаю, что ты меня нанял... – сказала Людмила с обворожительной улыбкой и повернулась к гардеробу, чтобы переодеться. Она взяла сумку и пошла из дому, попросив Гиви не скучать.

Людмила оказалась прекрасной хозяйкой. Вечером все четверо – Людмила, ее дети Галина с Володей и их гость сидели за обильным ужином. Было, конечно, и вино с водкой.

Было жарко. Гиви снял пиджак и переоделся в плотно облегающий его грудь спортивный костюм. Людмила шепнула Галине: «Наш гость очень красив». Слова матери ускорили биение сердца девочки. Вместе со словами матери девочка почувствовала первое желание близости с мужчиной, а может, и первую любовь.

А Гиви и не думал о чувствах к девочке и словах хозяйки.

Пили только Гиви и Людмила. Галина и не дотрагивалась до стакана, тем более восьмилетий Володя. Водка подействовала: Людмила поставила пластинку. Гиви танцевал танго то с матерью, то с дочкой. Людмила прижималась к мускулистой груди Гиви и, обвив его шею руками, целовала его то за ухом, то в шею, не стесняясь детей. Когда Гиви танцевал с Галей, она стояла от него далеко, но вся дрожала. Гиви чувствовал влечение к молодому девичьему телу...

Передохнули. Еще выпили и вышли во двор подышать свежим воздухом. На дворе было свежо, с моря дул ветерок... По возвращении, Людмила в прихожей обняла Гиви и жарко поцеловала в губы. У Гиви не возникло никакого чувства, хотя, он тоже ответил на поцелуй. Людмила вошла в комнату вся красная. От взгляда Галины это не ускользнуло. Ей стало стыдно за мать, и она отвела от нее взгляд.

Потом Галина уложила брата, пожелала спокойной ночи и вышла из столовой. Людмила, оставшись наедине с Гиви, раздела его выше пояса и стала так целовать, что на второй день он был весь в синяках...

– Такой как ты, я еще не встречал, – шепнул Гиви Люде.

– Где же ты мог встретить? Ты еще молод. Наверно, на два-три года старше Гали. Такое рождается с годами. Это темперамент. Мне 35 лет. Это пора расцвета женщины...

– Дети уже спят. Мы тоже заснем, – предложила женщина и прилипла к нему.

– Нет, сперва выпьем, – сказал Гиви.

– Хорошо, – сказала Людмила и наполнила стаканы.

– Надоело играть в кошки-мышки с тобой! – сказал Гиви, подхватив Людмилу на руки, внес ее в спальню и грубо бросил на постель...

Утром, когда Гиви посмотрел на себя в зеркало, то увидел, что не только грудь, но и шея были в синяках.

– Ну и гостеприимство! Я весь искусан. Куда я такой пойду. Не собираешься ли ты держать меня под домашним арестом?

Люда изможденно улыбнулась и думала о том, когда ей еще придется провести такую ночь!

* * *

Рассвело. Гиви не шевелился, ибо Нино лежала на его груди и спокойно дышала. А поезд мчался на север.

Вдруг Нино во сне вскрикнула «Вай», но опять закрыла глаза и произнесла: «Хорошо, что это сон».

– Что тебе приснилось, Нино? – спросил Гиви у жены.

– Не расскажу! Боюсь! Во сне человек выносит все, наверно, потому, что сон мгновенен. Не обижайся, Гиви, не повторю, боюсь!

– Чего ты боишься? Ты же лежишь на моей груди.

– Вот именно, потерять эту грудь и боюсь. Не спрашивай. Хочу заснуть, чтобы во сне забыть этот страшный сон.

– Засни, – сказал он жене и заботливо поправил ей одеяло. Сам тоже заснул. К нему вернулся тот же сон, что и прежде.

* * *

Шло время. Гиви даже забыл, что он беглец и что надо быть осторожным. А время шло в ласках и нежностях Людмилы. Она уже становилась все надоедливее. Из тюрьмы легче было убежать, чем от пут этой женщины. Галя же избегала его. Живя в одной квартире, он редко видел ее, хотя при встрече можно было догадаться, об их обоюдном влечении.

«О любви не говорят». Ее без слов чувствуют сердца. Гиви чувствовал любовь девушки... Однажды, когда Людмила ушла на работу, Гиви вошел в спальню к Гале. Девушка не встала и, когда Гиви присел на край ее кровати, она повернулась к нему, посмотрела на него заплаканными глазами и, опять заплакав, отвернулась к стенке.

– Успокойся! Не плачь! – сказал Гиви и погладил ее по голове.

Ласка еще больше подействовала на Галю. Она зарыдала. Потом приподнялась в постели, закрывшись одеялом по горло. Гиви привлек ее, осторожно поцеловал в щеку.

– Выйди, я должна одеться!

Он подчинился и, выйдя в другую комнату, сел на стул.

Галина вошла, без стеснения села к нему на колени, обняла за шею и по-детски поцеловала его в щеку. Гиви не остался в долгу и тоже поцеловал.

– Люблю! Без тебя не могу. Мать соперничает со мной. Я дважды хотела отравиться, но не смогла, только вырвало! – выпалила поспешно девушка. – Потом решила все сказать тебе, а умереть всегда успею. Я люб-лю те-бя! – по слогам произнесла девушка, без тебя я жить не могу. От тебя зависит моя жизнь. Возьми меня, куда хочешь, хоть на месяц, а потом я покончу с собой довольная и счастливая!

– Переговорю с матерью, и поженимся законно.

– Не смей! А то совсем потеряешь меня. Я ей рассказала обо всем, а кому же еще сказать, ведь никого у меня нет, чтобы сказать свою тайну.

– И что она?

– Избила и пригрозила, если эту мысль не выброшу из головы, то вообще выгонит из дома.

– Хорошо! Я побеседую с ней, и пусть еще посмеет обидеть тебя!

– Посмеет! Она никого не боится. А о стыде и нечего говорить!

– Как ты говоришь? Не любишь свою мать?

– Я люблю, она не любит! Ты не можешь представить, какое горе я выношу с ней.

– Расскажи все. Ничего не утаивай. Мы же одна плоть и душа с сегодняшнего дня. Если любишь, я все сделаю ради твоей любви.

– Мы жили на Урале. Отец очень любил меня, и мать любила, но, когда мне было семь лет, мать полюбила брата моего отца. Оставила семью и вместе с ним бежали сюда. Трудно было кормить чужого ребенка и меня отдали в детдом.

– Что ты говоришь? Мать пошла замуж за своего деверя? Борис не твой отец?

– Моего отца зовут Игорь.

– Жив?

– Да. И живет с женой и двумя детьми.

– Видишься с ним?

– Конечно.

– Володя сын Игоря?

– Нет, Бориса.

– Как же ты вернулась из детдома в эту семью?

– Когда Бориса арестовали, семье стало трудно. После окончания восьми классов, меня взяли домой и отдали в профессиональное училище. Учусь шить. Стипендией помогаю семье.

– Спасибо, Галиночка, за откровенную беседу. Теперь я открою свою тайну. Я потерял паспорт. Только мать может мне сделать его, так сказал Борис. Сегодня же пристану к ней, чтобы быстрее могла мне сделать паспорт. Потом убежим отсюда.

– Мать не сделает тебе паспорт.

– Почему?

- Не знаю. Но знаю, что не сделает.
- Тогда скажу, что хочу с тобой расписаться.
- Выдаст и тебя арестуют.
- Как же быть?

Кто-то открыл калитку, и раздались шаги. Шла Людмила. Галина побежала в свою комнату и легла в постель. А Гиви взял книгу и углубился в чтение.

Вошла Людмила, принесла продукты. Поцеловала Гиви и сняла пальто.

– Ты, наверно, еще не завтракал. Боже мой, ты умираешь, наверно, от голода. А Галина, наверно, дрыхнет. Неужели нельзя приготовить завтрак! Бездельница! – сказала Людмила и приступила к приготовлению завтрака.

– Сделай глазунью с колбасой, – приказал Гиви.

– Чай выпьешь? – спросила Людмила.

– Чай! У нас, в Грузии, его пьют при гриппе, чтобы вспотеть. А мы выпьем водки.

– Кажется, ты стал пьяницей! А то я и до тебя пила.

Людмила послала Галю за водкой, а сама стала накрывать на стол.

Гиви задался целью напоить Людмилу и склонить ее, чтобы быстрее помогла сделать паспорт. Несмотря на то, что Люда была пьяна, она не согласилась помочь.

– Уйду без паспорта, – сказал Гиви.

– И не мечтай! Убежишь и опять вернешься! Таковую нигде не найдешь.

– Правильно, такую не найти.

Сели за стол. Гиви взялся быть тамадой и стал

расписывать каждый тост по-грузински. Пили много. Люда напилась до того, что не могла двигаться. Гиви пригласил на танец Люду и опять начал говорить о паспорте.

– Когда мне сделаешь паспорт?

– Никогда!

– Почему?

– Потому что, заимев паспорт, ты уйдешь от меня.

– Нет, я люблю тебя и никуда не уйду.

– Ты меня не любишь. Ты любишь Галину. Но скоро я вас разлучу, – ехидно произнесла пьяная Людмила.

Гиви едва сдержал себя, чтобы не ударить ее.

– Почему должна разлучить? Разве в доме не помещаемся?

– Нет. В одной берлоге два медведя не помещаются.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему, еще выпьем, – сказал Гиви и наполнил бокалы. Выпили. Людмила так напилась, что не усидела на стуле и перевернулась, даже не пытавшись подняться, она заснула. Гиви наполнил два стакана и сказал Гале:

– За нашу любовь!

– Нет, Гиви, не смогу.

– Ты два раза выпила отраву, а теперь по моей просьбе не можешь выпить водку? – Галина без слов выпила и поставила стакан. Закашляла и какая-то теплота разлилась по всему ее телу.

– Еще раз выпей, – попросил Гиви.

– Налей!.. – Губы их соединились. Галина стала уже смелее от выпитой водки. А Гиви до того пьян,

что еле дошел до постели, разделся, лег и сразу же заснул.

Галина выключила свет. В комнате стало темно. Она подошла к Гиви, стала на колени перед его кроватью и поцеловала его в губы. Гиви не шевелился. Она еще смелее поцеловала его, но Гиви спокойно дышал. Галина разделась и легла рядом. Он не шевелился. Она разделась донага и легла на него сверху, прижимаясь к его телу. Гиви не чувствовал ничего. Осмелевшая девушка стала целовать его, вся вспотела, но никак не смогла разбудить своего избранника, чтобы пожертвовать свою непорочность. Вдруг Гиви обнял лежащую на нем девушку, перевернулся и подмял ее под себя... Девушка от боли вскрикнула и утихла... Оба утонули в ласке и неге...

На рассвете, проснувшись, их губы опять отыскали друг друга и соединились.

– Тебе приятно быть со мной? – спросил Гиви.

– Приятно, но я ничего не поняла, – шепотом ответила Галя.

– Привыкнешь.

Галина прижималась к груди Гиви и вместе со своей девственностью, старалась пожертвовать и своим телом...

Рассвело. Галина спокойно спала на сильной груди Гиви.

Людмила проснувшись, по-кошачьи тихо вошла в спальню Гиви. Увидев Галю в постели с Гиви, Людмила с нечеловеческим криком, схватила Галю за волосы, сбросила вниз и стала топтать ее ногами. Вскочил и Гиви, но никак не смог остановить Люд-

милу. Тогда он размахнулся и ударил ее кулаком по лицу, отбросив в дальний угол. Людмила залилась кровью и потеряла сознание.

– Бежим! Одевайся! – приказал Гиви.

– Не пойду! В таком состоянии не оставлю маму.

– Она убить тебя хотела, а ты ее не можешь оставить?

– Может она больше меня любит тебя. Жалко ее...

– Да что такое для нее любовь? – сказал Гиви.

– И ты не святой, но ведь полюбил же меня.

– Жаль мне тебя и потому сочувствую твоей любви.

– Мать оправится, потом убежим. Я думаю, после этого возненавидит тебя и сделает паспорт.

Галина не ошиблась. Действительно «возненавидела» Людмила Гиви и не подходила к его постели в течение восьми месяцев. А паспорт все не сделала, но Гиви и без паспорта чувствовал себя хорошо.

Действительно медовый месяц проводили новобрачные. Денег было у них вдоволь, а бесплатная повариха, в лице Людмилы, обильно снабжала их стол разными кушаньями. В конце восьмого месяца Галина вдруг пропала. Все поиски Гиви окончились безуспешно. Искала и Людмила. Гиви заметил, что Люда что-то знает. Больше того, со дня пропажи Гали, Людмила шмыгнула в постель к Гиви и вновь стала утолять свою необузданную прихоть.

– Опять любишь? – спросил Гиви.

– А когда не любила? – вопросом на вопрос ответила Люда.

– Я же избил тебя.

– Женщине так же нужен, иногда, кнут, как и лошади.

– Еще буду бить.

– Убей, все равно буду любить.

– Ты меня не любишь. Ты любишь мужчину и к любому ляжешь в постель, как свинья в грязь... Видишь, я не люблю тебя. Я люблю Галю, ищу ее уже два месяца, но безуспешно. Ты все знаешь. Если не скажешь где она, я убью тебя.

– Бей, только в голову не надо.

– Что ты напрашиваешься?

– В тебе я вижу настоящего мужчину, а преступницу всегда должны бить.

– Сперва скажи! Рассержусь, а потом изобью.

– Нет, сперва бей. Хорошо, расскажу, только обещаю, что так изобьешь, чтобы скорее умереть.

– Начинай.

– Галину я родила от своего первого мужа. И она сейчас у своего отца, на Урале. Она уехала по моей просьбе, пожалела меня... Боже мой, боже мой! Люблю тебя! Галина поняла меня. Поступилась своей любовью. Жалость ко мне она поставила выше своей любви. А тебя я все не смогла заставить полюбить меня... Чего ждешь, бей, может разлюблю или умру...

– Скажи адрес, где Галина?

– Пермская область, город Кунгур, село Кипделино. Бортов Григорий.

– Раздевайся, – приказал Гиви.

– Я же раздета.

– Догола.

Трудно было решиться бить такое прекрасное создание, какой была нагая Людмила. Гиви вывернул прут от кровати и так сильно ударил по ягодицам Людмилы, что кровь брызнула с ее ляжек. Потом с размаху ударил по полной груди женщины и бросил прут под кровать.

Удивительно было то, что женщина даже не крикнула, и чувств не потеряла, а бросилась к Гиви и стала его иступленно целовать. С ее грудей шла кровь и измазала Гиви, который вспомнил свою борьбу с медведем в тайге.

– Кто ты такая? Какого рода, племени! Неужели так любишь? И мне, кажется, придется полюбить! – шептал теперь Гиви и не сторонился ее поцелуев, как это делал раньше.

– Таковую я знаю любовь!

– Ты и первого мужа любила, и второго. Двух законных мужей доконала. Теперь любовнику клянешься в любви! Как можно тебе верить? Если тебя полюблю, знаю, что и мою любовь бросишь в мусорный ящик, как бросила другие!

– Что поделаешь, время лечит! – сказала Людмила и положила на грудь мокрую повязку.

– Болит? – это был уже мягкий голос Гиви.

– Под грудью. Наверно, сердце.

– Ничего. Это не опасно, пройдет!

– Ты когда поедешь к Галине?

– Когда ты вылечишься.

– Сейчас же уезжай! Я уже не люблю тебя!

– Без любви я год выдержал рядом с тобой, а ты неделю не вытерпишь?

– Не хочу терпеть. Иди. Галина родила мальчика.
– Откуда ты знаешь?
– Значит, знаю.
– Через неделю поеду.
– Тайком не уходи, скажи заранее и так отправлю, как подобает зятю.

– Почему убегу, ты же разрешаешь уехать?

– Побудь, может и я за неделю оправлюсь, не хочу, чтобы ты винил себя из-за моей болезни, – с подчеркнутой насмешкой сказала последнюю фразу Людмила и сменила повязку на груди.

У Людмилы раны на ягодицах загноились и, пока она не вылечилась, Гиви пришлось отложить поездку. Наконец, настал день отъезда. Людмила принесла билет в купейном вагоне на поезд «Одесса – Пермь». Отправление 4 августа в 20.00. В день расставания они попрощались друг с другом как любящие супруги, и Гиви на ходу поезда вошел в вагон. Из Перми до Кунгура Гиви ехал на электричке, а там купил билет на автобус, который отходил на Кинделино через полтора часа и сел в скверике на скамейку. Через пять минут к нему приблизилась прилично одетая женщина с волосами молочного цвета, которая держала на руках красиво и богато завернутого младенца. Она вежливо поздоровалась и, извинившись, попросила подержать ребенка несколько минут, чтобы сбежать в... Гиви с удовольствием взял ребенка и улыбнулся ему. Он пощекотал младенца по щеке, причмокнул, ребенок с улыбкой замурлыкал. Гиви почему-то вспомнил Таню, потом Галину и на последней остановил свои размышления.

Прошло пять минут, десять... потом час, а женщины с волосами молочного цвета все не было. Ушел автобус на Кинделино... Ребенок заплакал (наверно проголодался). Гиви начал нервничать. «Наверно освободились от него», подумал Гиви, и так как ребенок все еще плакал, распеленал его – может окажется и письмо? Письма не было, но была маленькая бутылочка с соской и молоком. Накормив ребенка. Гиви начал, как с большим, с ним беседовать.

– Как видно, оставили тебя, малыш. Пойдем, поищем маму. – Он ходил по перрону и рассматривал женщин, ища незнакомку. Вдруг он увидел женщину с волосами молочного цвета. «Та или не та? Бог ее знает. Они все друг на друга похожи» – подумал Гиви и остановился перед женщиной:

– Где же вы до сих пор?

Женщина удивленно посмотрела на него.

– В чем дело?

– Оставили мне этого ребенка и скрылись...

– Вы меня с кем-то путаете. Я вас в первый раз вижу.

– Не первый раз, но последний раз увидите, если не возьмете ребенка!

Сперва один любопытный остановился около них, потом второй, скоро собралась целая толпа, подошел и милиционер, увидев скопление людей. Милиционер отдал честь, представился и для выяснения дел пригласил их обоих в отделение. Что было делать? Надо было подчиниться. Милиционер вел и женщину с собой. В отделении их посадили, и первой допросили женщину.

– Значит, вы утверждаете, что ребенок не ваш?

– Конечно!

– Очень хорошо! – сказал старший по званию и взглядом обратился к Гиви.

– Не знаю, начальник, эта женщина или нет, но очень похожа на ту, которая оставила мне ребенка.

– Хорошо, все выясним, – сказал начальник и стал заполнять протокол допроса Гиви. Гиви назвал свое имя... Врать было незачем. Он не имел документа ни своего, ни чужого.

– Зачем вы приехали из Грузии?

– Работать.

– Хорошо. Сейчас надо установить, чей же ребенок и ваше родственное отношение к ребенку.

Начальник взял трубку телефона и вызвал врача-эксперта.

Через некоторое время явился врач, полноватый, рыжеволосый человек. Он взял ребенка в амбулаторию, которая была тут же. Потом пригласил женщину, а через 10–15 минут был приглашен туда и Гиви. Через полчаса врач передал начальнику медицинское заключение, в котором было следующее:

– Ребенок мужского пола, шесть месяцев, здоровый.

Женщина: Лепухтина Светлана Ивановна, 26 лет, здорова, кровь и другие анализы не совпадают с анализами названного ребенка. Она, женщина, не рожала.

Мужчина: Табатадзе Гиви Акакиевич, здоровый, кровь и другие анализы соответствуют анализам ребенка.

Заключение подписано медэкспертом Александровым А. С.

– Ого! – почти одновременно воскликнули начальник и Гиви, оба иронично улыбнулись: один с открытием, а другой – с иронией судьбы.

После минутного молчания, начальник приказал своему подчиненному:

– Сейчас же сообщите в Грузию и установите личность Табатадзе Гиви Акакиевича.

Начальник встал и направился к выходу, но вдруг, дверь отворилась и показалась женщина, которая оставила ребенка Гиви.

– Вот она!

– Да, это я! – сказала она, за ней в комнату вошли Людмила и Галина. Теперь у Гиви потемнело в глазах. Хорошо, что он сидел, а то, наверно, упал бы. Женщина, с волосами молочного цвета взяла у Гиви ребенка, будто она не оставляла его, а он силой отнял у нее.

– Вы кто? – с изумлением посмотрел начальник на всех троих, одинаково окрашенных, женщин.

– Я мать ребенка, это моя мать, – указала Галина теперь уже на женщину с волосами молочного цвета и посмотрела ласково, но со стыдом теперь на Гиви.

– Ничего не понимаю. Никогда не видел мачеху и мать в такой согласии. А ты совсем не похожа на мать ребенка. Ребенок почти твой «ровесник».

– Что подделаешь, – проговорила Людмила, – случается...

– Как очутился ребенок у гражданина Табатадзе?

– Ребенок его, а он не гражданин, а преступник, бежавший из мест заключения! – сказала Людмила, не посмотрев в сторону Гиви.

«Неужели это та женщина, которая неделю назад клялась мне в любви?» – подумал Гиви и теперь сожалел, что оставил Людмилу лишь избитой.

– Да, это я! – догадалась Людмила о мыслях Гиви, – безмерно влюбленная в тебя! Женщина, которая не могла уступить тебя даже своей дочери. А теперь ни для кого не будешь! Многие годы будешь мечтать о женской ласке и вспоминать свободную жизнь. Если не хотел быть моим, не будешь и чужим! Я такая женщина: если трость не будет моей опорой – то пусть сгорит в пламени. Такую любовь я знаю!

Гиви с изумлением смотрел на эту женщину, которая растоптала любовь многих мужчин и теперь издевалась над ним. Гиви молчал, а Людмила, пользуясь этим, говорила всю правду и ложь убедительно.

– Почему разыграли этот спектакль? – спросил начальник.

– Ребенок нуждается в отце, а вы поможете в достижении этой цели.

– Почему до сих пор не заявили о личности Табагтадзе? Знаете вы или нет, что сокрытие преступника карается законом. Представьте ваши документы, – сказал начальник. – Передам в прокуратуру ваше дело, пусть они проводят расследование. Такое запутанное дело, как ваше, меня не касается.

Женщины сдали свои документы и написали расписку о том, что взяли ребенка. А Гиви отправили в следственный изолятор.

Через неделю Гиви был вызван на допрос к молодому следователю прокуратуры Щербинину.

– Из Грузии получено сообщение, что вы находились в исправительно-трудовой колонии. Оттуда получили справку о вашей пропаже без вести. Такой же документ получен из Благовещенска, где вы отбывали наказание. Почему все это написано?

– Наверно, к моему побегу и безуспешности поисков моей личности.

– Как вы смогли убежать?

– Не знаю, как вам ответить, чтобы вы поверили. Случайно мне в руки попала топографическая карта тайги, по которой в будущем пройдет железнодорожная магистраль. Я не медлил. Одедся тепло и пошел в тайгу.

– Пройти тайгу одному, пешком, невозможно. Вы не хотите назвать сообщников и потому придумали такую историю, – сказал следователь.

– Я говорю правду. Для меня сейчас нет смысла врать. Если не хотите верить и хотите навязать свою версию, скажите, и я ее повторю.

– Меня интересует правда.

– Я правду говорю.

– Хорошо, я верю, но какой судья поверит, что вы по тайге прошли пешком 6 тысяч километров?

– У меня только один аргумент утверждения.

– Какой?

– Кто не поверит, пусть пойдет со мной и я пешком вернусь туда, откуда убежал...

– Наш судья такой «умный», что может согласиться.

– Очень хорошо! Меня очень привлекает романтика!..

- Еще кто был с тобой?
- Никого.
- Но прошли всю тайгу. До какого города дошли?
- До Иркутска.
- Ну, хорошо. Как же вы перебирались через реки?
- На плоту.
- Невероятно. Удивительное дело...
- Другой правды я не знаю, и если вы хотите правды – должны поверить мне.
- Как долго прятались у Людмилы Бортовой?
- Год и восемь месяцев.
- Это правда. Она тоже говорит, и, я думаю, эту суку посажу рядом с тобой.
- Если можно не вредите ей. Я не хочу, чтобы она села в тюрьму, – сказал Гиви.
- А она же предала тебя. Это ничего?
- Прощаю! Бог милостив. Простит!
- У тебя характер настоящего джентльмена, но не знаю, с каким характером встретится тебе судья.
- Один месяц шло следствие. Молодой следователь, закончив дело, передал его в суд. Суд состоялся 8 сентября. Пермский народный суд рассмотрел дело Гиви Табатадзе и Людмилы Бортовой. Гиви обвинялся в побеге из колонии, а Бортова в укрывательстве преступника и незаявлении об этом властям.
- Гиви был добавлен новый срок и на 10 лет он был отправлен в исправительно-трудовую колонию строгого режима. Людмила Бортова была осуждена на 4 года в исправительно-трудовой колонии общего режима.

* * *

...В двери купе постучали. Нино открыла. В дверях стояла молодая проводница с подносом – разносили чай. Поезд подъезжал к вокзалу.

– Еще одна ночь и утром будем на месте, – сказал Гиви.

Рано утром поезд подошел к вокзалу. Гиви и Нино, не спеша, сошли с поезда. Гиви нанял такси и сказал водителю адрес Игоря. Дома оказались мать Игоря, Марина, и жена Люда, которые очень обрадовались приезду Гиви и не скрывали своей радости. Гиви представил Нино. В доме уже чувствовалось довольство. Гости передали хозяевам подарки, купленные для них. Хозяева стали суетиться, готовя обед. Люда уже не носила траура по Игорю, а Марина была сломлена. Мать – есть мать! – она не могла забыть своего Игоря. Наташа выросла, похорошела, стала походить на отца. В короткий срок был накрыт стол, который обслуживала только Нино. Скоро опьянели и стар, и мал. Начались танцы, песни, поцелуи... Застолье превратилось в праздник в честь знакомства с Нино. Нино быстро освоилась. Особенно полюбилась ей Наташа, которая учила ее русскому языку, а сама училась говорить по-грузински.

Шли дни. Гиви и Нино были счастливы. Счастливы были и хозяева, ибо благодаря богатым гостям, им не грозила бедность.

Однажды Нино и Гиви решили пойти посмотреть клад Колчака. Наташа тоже хотела пойти с ними, но это не было предусмотрено, и Нино с Гиви рано утром ушли одни.

В полдень они достигли цели. Гиви, осторожно отложив камень, освободил лаз в пещеру. Гиви и Нино вошли в пещеру. Гиви зажег факел, и через некоторое время Нино увидела богатство, которое ее привело в изумление. Гиви открыл ящик, который был обит серебром. Из содержимого этого ящика извлек кольцо, которое выделялось красотой; надел на палец Нино, а Нино в знак благодарности его поцеловала.

Кольцо действительно было красивое: золотое, в ромбообразном гнезде, были помещены 14 бриллиантовых камней, которые сейчас, при свете факела, отражались десятками искр. Бриллианты были расположены крестом. Откуда такое кольцо оказалось в этом тайнике?

25 мая 1872 года у Эссен-Драмштадского великого герцога Теодора родилась дочь, которую назвали Александрой. В детстве ласково называли Алисой. Рождение дочери обрадовало герцога и он заказал кольцо лучшему ювелиру, которое было бы не под силу купить «простому смертному». Бриллианты для кольца он снял с эфеса своей сабли, которая была ему подарена Григорием Распутиным...

Теодор подарил кольцо своей супруге с условием, что, когда Александра выйдет замуж, кольцо перейдет к ней.

В 1894 году Александра стала женой Николая Романова, императора России, и мать надела это кольцо в день свадьбы на палец своей любимой дочери Алисы.

В марте 1917 года, после Февральской буржуазной революции, императрицу вместе с император-

ской семьей арестовали и сослали в Тобольск. А 16 июля 1918 года в Екатеринбурге была расстреляна семья императора всея Руси конюхом Юревским.

Юровский, с налитыми кровью глазами, стал приканчивать наганом расстрелянных. Увидев на пальце императрицы кольцо, содрал с мертвой и в тот же вечер обменял его на бутылку самогона. Ни Юровский, ни продавец самогона не знали цену кольца. Продавец самогона обменял у купца Бардиева это кольцо на женские чулки. Бардиев же в 1919 году оказался в отряде Колчака, а кольцо в общем кладе Колчака...

Это кольцо красовалось теперь на пальце Нино. Они счастливые возвращались к своим гостеприимным хозяевам, которые уже давно ждали их.

Материальное положение создает хорошее настроение. Гиви, благодаря несметному богатству клада Колчака, содержал своих хозяев в достатке. Все семейство часто гуляло на озере или реке, отдыхали и пировали.

Физически отдыхал Гиви, но духовно он все время проводил со своими родными и близкими в Грузии. Рядом с ним была всегда его Нино – «его жизнь», как он ее называл, и «его надежда».

В том году весна была ранняя. Март так же капризничал, как и в Грузии. Что-то закапризничала и Нино. Это не укрылось от Гиви.

– Что-то ты приуныла, Нино! – спросил Гиви у жены и обнял ее.

– Не обижайся, Гиви, здесь все хорошо, я счастлива, но мне хочется домой, хочу к маме.

– Разве стоит из-за этого унывать? Приготовься и, когда захочешь, поедем. Повидаешь своих родных, близких, а потом вернемся сюда или куда захочешь...

Нино очень обрадовалась словам мужа и расцвела, как весенняя роза. Решено было навестить пещеру, взять достаточное количество богатств и через неделю поехать в Грузию.

...День, когда они собирались навестить пещеру, выдался пасмурный. Дул холодный ветер. Было очень холодно. Гиви хотел один пойти в пещеру, но Нино запротестовала, и он вынужден был взять ее с собой...

В полдень они были у пещеры. Гиви убрал мох, очистил лаз, переложил камни, чтобы можно было свободно войти в пещеру, и первым вошел в нее. Пещера выглядела как-то мрачнее прежнего. Гиви зажег факел и за две-три минуты дошел до потайной двери клада. Открыв дверь, они взяли несколько ценных вещей, много золотых монет, все это поместили в вещевой мешок и были готовы возвращаться, как Нино сказала:

– Пообедаем, немного отдохнем, а потом, если останется время, пойдем, а нет, так переночуем здесь и утром двинемся в путь.

– Чего ждать! Пообедаем и пойдем.

– Устала я!

– Ходьба пешком полезна для тебя в твоем положении, – сказал Гиви и стал раскладывать на ящике кушанья, заранее взятые из дому. А из запаса Колчака взял бутылку коньяка и красное вино.

... Это было двадцать второе марта. Таял снег, кое-где в пещеру просачивалась вода, но там где они сидели было совершенно сухо.

А на дворе действительно была погода не для путешествия. Дул холодный ветер и мокрые хлопья снега кружились в воздухе. Гиви и Нино уже закончили обедать, как поднялся такой шум, будто вместе завели десятки двигателей, и их вой отдавался в пещере с такой силой, что можно было не просто растеряться, а сойти с ума.

Пещера вздыбилась, зашаталась, и с потолка стали падать сперва маленькие, а затем большие камни. Вдруг перед Гиви упала большая глыба, которая, попади она в Гиви, превратила бы его в лепешку. Гиви схватил Нино и обнявшись они стояли долго, не шевелясь...

Когда землетрясение кончилось, Гиви убедился, что он со своей любимой женой, с колчачковским кладом теперь оказались заваленными в пещере, без надежды выбраться отсюда... Это было 22 марта... Это было землетрясение, которое вошло в историю, как одно из самых разрушительных, происшедших на территории Сибири. Иркутская сейсмологическая станция определила его силу порядка 1.10/25., которая равна силе, выработанной Ингури ГЭС в течение 300-лет бесперебойной работы.

Нино дрожала и прижималась к Гиви. Она женским своим чутьем понимала, что это конец, что отсюда выбраться было уже невозможно без чуда, а на чудо надеяться – гиблое дело. Богатство тогда хорошо, когда его можно применить, а здесь, в пещере,

где выход был замурован огромными скалами, богатство было ни к чему.

Земля еще временами сотрясалась, но малыми толчками; маленькая пещера, где были Гиви и Нино, теперь уже не подвергалась опасности. Гиви попытался как-то развеселить жену, и, оторвав ее от своей груди, спросил:

– Что с тобой? Чего ты липнешь ко мне? Сейчас не до этого!

– А что такое? Кто-нибудь увидит, что ли?

– Ты же спешила домой.

– Теперь уже не скоро вернемся домой!..

– Бог милостив. Он никогда не оставит человека в беде, не указав ему пути спасения. Вот увидишь, завтра повторится землетрясение и откроется нам путь к спасению... А сейчас надо спать, время два часа ночи. Нам утром надо рано вставать.

Все это так сказал Гиви, будто ничего не случилось и, что он собирается заснуть в своей постели у тещи. Он соорудил из своей одежды постель и уложил на нее Нино.

В пещере было сыро, но не холодно. А Нино все дрожала и всю ночь не спала. Только под утро заснула она на груди своего Гиви.

Утром Гиви зажег факел (спичек и жиру было вдоволь) и осмотрелся. В пещере было много консервированных продуктов, жить было можно. С водой было похуже, но вот о воздухе пока Гиви не думал. А ведь без воздуха – ни шагу.

– Нино, нам обязательно нужно продержаться. 24 часа мы уже выдержали. Еще, быть может, придется

держаться несколько суток. Надо надеяться на чудо. Вот тебе одна бутылка вина, тебе алкоголь нельзя принимать, но это черное вино, оно питательно и согревает. Ребенок может родиться пьяницей, но бог с ним, пусть родится, а там посмотрим. Твой организм должен питать и ребенка, потому, очень прошу тебя, поступай так, как я говорю. Не то я оставлю тебя и уйду!

Нино улыбнулась, ведь убежать отсюда было невозможно.

А в пещере опять гудело, и опять земля ходила ходуном. Нино, кажется, уже привыкла ко всему и лишь изредка вскрикивала. На третий день она почти уже не боялась. Она отказывалась от еды и, по настоянию Гиви, глотала по три глотка вина через каждые 4 часа.

«Как спасти Нино, чтобы она не погибла раньше меня? Правда после меня ей будет еще труднее, но хоть немного будет жить после меня, не почувствую и не увижу ее потерю» – думал Гиви и ломал голову, как спасти ее. Он перевернул ящик, в котором были сокровища, содержимое сгреб в угол, свою одежду постелил в ящик и уложил в него Нино.

– Как хорошо мне сегодня спалось, настоящий выдумщик ты у меня, – сказала Нино, когда проснулась в ящике. А для Гиви ее спокойствие было главнее всего.

Теперь надо было думать о еде. Вина в бутылке осталось еще половина. Вид этого черного вина вызвал у Гиви воспоминание:

. . . «Пересылка». Третий месяц, как вышли из Тбилиси. Невероятно трудные условия в перевалочных

пунктах. Конвоиры, которые изощрались в издевательствах над заключенными. Были случаи, когда во время перевозок с железнодорожных станций, заключенных перевозили до тюрьмы на автомашинах и конвоиры с борта сбрасывали трупы умерших арестантов...

Через три месяца достигли Новосибирска. Новосибирская тюрьма – шестиэтажная, три из которых находились под землей. Она сооружена так, что сами работники тюрьмы иногда блуждают в ее коридорах.

Где-то в подземелье раздался лязг, и двери за «этапниками» закрылись наглухо.

– Убивают нас эти сукины дети, – по-грузински сказал кто-то, а у Гиви расширились глаза на эти слова.

– Не убивают, а мучают, а это хуже смерти, – отозвался другой голос, тоже по-грузински.

– Давай сыграем, – предложил первый голос.

– Во что сыграем? – спросил второй.

– В кости.

– Три месяца я в дороге, ничего не осталось, на что я сыграю?

– В тюрьме всегда есть на что играть. Сыграем на выживание.

– Как?

– На кровь.

– Идет. Из нас хоть одни выживет, и то хорошо.

Две тени сели на корточки на бетонном полу.

– Выходи почту.

– Пятьсот граммов вперед, двести назад!

Начали бросать кости. То первый, то второй при каждом выбрасывании с силой ударяли ладонью об правую голень. После четырех выбросов первый сказал:

- С тебя пятьсот граммов!
- Выходи почту! – сказал второй.
- Эти пятьсот граммов и капля назад.
- Пешина.
- Всю высасываешь? Дармач!
- Идет.

Несколько раз бросали и опять первый голос сказал:

- Выходи почту!
- Что положено и капля назад. Не ночевать же здесь?
- Идет.
- Приходи же, костяшка, собачья кость! – сказал второй.
- мы в расчете.

Еще продолжали играть, проиграл один, выиграл второй, тут ничьей не бывает.

Гиви думал, что они играют шутя, но когда первый оголил локоть, сделал надрез вены и подставил полулитровую алюминиевую кружку, Гиви от испуга, удивления и возмущения замутило, его начало рвать и он потерял сознание.

На второй день первого вынесли из камеры, а второй продолжал путь на Север...

«А может этим приемом спасти Нино?» – подумал Гиви. Он будто случайно сломал коньячную

бутылку и, выбрав самый острый осколок, спрятал его под ящиком, в котором лежала Нино.

Когда Нино заснула, Гиви взял осколок стекла, освободил левый локоть и сделал осколком надрез прямо в изгибе. Из вены пошла кровь. Гиви подставил стакан и, набрав граммов двести, перевязал рану, преждевременно очистив ее коньяком.

Черное вино, которое оставалось в бутылке, хорошо смешалось с кровью, только немного стало светлее, но Нино не могла увидеть это при бледном свете факела.

Третий день. Нино проснулась. У нее была температура. Гиви заставил ее выпить «вино»...

Вечером Гиви опять сливал со своей вены кровь в бутылку и заставлял Нино пить. Так продолжалось семь дней.

Вечером Нино сказала мужу:

– Я хочу сказать тебе кое-что. Прошу не перебивать меня. Я умираю, ноги у меня уже холодные и их уже не согреть. Мне осталось жить не более 3-х часов. Ты думал, что я спала, а я искусала себе руки от боли. У меня в животе умер плод. Это страшные, невыносимые боли. Я осталась жива, но какой ценой! Нет плода нашей любви. А после этого мне и жизнь не дорога. Но ты остаешься и я хочу, чтобы ты поклялся мне в том, что исполнишь мою просьбу.

– Помнишь, я в поезде сказала тебе, что видела страшный сон, тогда я тебе его не рассказала. Так вот, слушай теперь: Будто я полюбила другого, и собиралась идти к нему, но ты не отпускал... Яви-

лись два ангела, подхватили меня и куда-то повели на встречу с тем человеком, которого я полюбила. Ты следовал за мной и просил меня вернуться. Но вдруг ты упал в разбушевавшуюся реку, тебя унесла вода. Я хотела помочь тебе выплыть, но не было у меня сил.

Сон я рассматривала так: я влюблена в бога, и он забирает меня безгрешную, чтобы служить ему. А ты спасешься! Но останешься утопленником... Теперь я прошу одного, и, клянись, что выполнишь мою просьбу и не нарушишь эту клятву.

– Клянусь! – с дрожью в голосе сказал Гиви, и Нино догадалась, что Гиви плачет...

– Не плачь! Плач не мужское дело. Выслушай до конца: Если отсюда выйдешь живым, постарайся мой прах похоронить в земле Грузии. Моим родителям не сообщай! Мое тело вручи своей матери, а мою душу духу пресвятой Нино – просветительнице Грузии! Ты еще женишься, но женись на такой, чтобы любила тебя и была верна тебе, как я, чтобы была так же богата душой, как я!

– Никогда! – взревел Гиви, достал ее из ящика, прильнул к уже охлаждающему телу любимой и стал ее целовать.

– Не умирай! Я тоже скоро умру, но не умирай раньше меня. Потерпи, победи смерть! Пожалей меня! Что я скажу родителям, Закро! Как я привезу тебя к моей матери, когда она еще не видела тебя!

– Гиви, выслушай меня! Завтра ты не услышишь моего голоса. Ты мужчина, многое испытал и это испытание тоже должен вынести. Я всегда хотела

спросить тебя и жду твоего ответа. Когда бог создал вселенную, всем существам выделил для существования Солнце, Землю, Воду и Воздух. Это четыре понятия, из которых мы не понимаем, какой из них главный, сравним с земными понятиями: Любовь, Жизнь, Смерть и Ненависть. Из этих восьми, ты какому понятию отдашь первенство? Мне совсем не трудно умереть и ни о чем не жалею, кроме любви, теперь скажи мне, любишь меня?

– Люблю! Нино! Люблю больше жизни! Клянусь тебе матерью своей! Богом клянусь! Нет, богом не буду клясться... пусть оставит тебя мне, и я буду его вечным слугой! Люблю тебя, Нино! – стонал Гиви и целовал умирающую.

– Ох, как хорошо, еще повтори, что любишь... умираю, Гиви! Закрой мне глаза...

На руках у Гиви Нино уже стала холодеть... Гиви держал на руках бездыханный труп и тупо смотрел на него... Теперь он был до того растерян, что чуть не смеялся над своим положением. Гиви, который не знал что такое жалость, горе, страх и предательство, если бы сейчас увидел себя в зеркале, испугался бы – у него мгновенно побелели волосы и борода. Он часто думал о себе, что не знает жалости, но, оказалось, и его сердце подвластно горю.

Некоторое время стоял Гиви, как изваяние, не шевелясь, с трупом на руках. Потом положил его на землю, перевернул ящик ребром вниз, чтобы было пошире, и сам устроился рядом со своей супругой, которая теперь лежала, как в гробу, положив руки на грудь.

Ту ночь Гиви провел у тела Нино, ни на минуту не смыкая глаз. Думал. Думал о своей Нино, о своем ближайшем будущем. Он никак не мог примириться со смертью Нино, не мог примириться с холодом ее тела, прижимался к ней, стараясь согреть ее своим теплом, но тщетно... Силы покидали и его; без еды и питья, так как запасы давно кончились, обескровленный, он уже не хотел жить и мужественно стал ждать свою кончину...

На двенадцатый день, в 12 часов дня (дни и ночи Гиви узнавал по часам, которые не забывал завести), пещера опять вздыбилась, на Гиви посыпались земля и камни. Вдруг толчок еще большей силы перевернул ящик-гроб и Гиви вылетел из него направо. Нино – налево. Третий толчок был еще сильнее двух первых. На «потолке» пещеры образовалась щель, которая все больше расширялась. Оттуда стали сыпаться камни и щебень, а потом земля. В щели забрезжил свет.

Гиви не шевелился, ждал чуда, и все ему казалось видением, но один камень, упавший ему на грудь, вывел его из оцепенения. Он еще не хотел подниматься... это было все равно, как помилование для приговоренного к смерти... В ушах его раздалось завещание Нино: «предать ее прах земле в Грузии».

Гиви встал, поднялся на ящик, затем подтянулся и пролез в образовавшуюся расщелину. Вдохнул свежий лесной воздух, который придал ему силы и вылез на волю. Одна сторона расщелины опускалась к реке. Кое-как поднялся из расщелины Гиви, и, в это время одна сторона пещеры рухнула в реку...

Гиви осмотрелся. Природа успокаивалась. Он вернулся в пещеру, теперь уже открытую с одной стороны и отыскал Нино. Поднял ее на руки и вынес на безопасное место. Затем вернулся туда, собрал драгоценности в свой вещмешок, подхватил свои топорик и вышел оттуда, заранее спрятав в углу оставшиеся драгоценности.

Отойдя от пещеры со своей ношей, Гиви прилег на лугу, ноги не слушались его. Голод, жажда и двенадцатидневное заточение сделали свое дело, – он, обессиливший долго не мог подняться.

Наконец, Гиви поднялся и пошел к реке, чтобы напиться. Когда возвратился назад, вдруг из чащи на него выбежал беляк. От неожиданности оба замерли. Заяц уставился на Гиви своими раскосыми глазами, а Гиви успел потихоньку вытащить из-за ремня свой топорик и бросить в него. Топор попал в голову и оглушил зайца. Гиви быстро подбежал к нему и схватил.

Землю еще трясло, но толчки были все слабее и реже.

Гиви сидел у костра и жарил заячье мясо на углях. Утолив голод, он начал делать сани. Связав два шеста, он положил на них ящик с телом Нино, и, впрягшись в него, тяжелыми шагами пошел к своим хозяевам.

Было уже за полночь, когда Гиви постучался к вдове Игора.

– Кто там? – послышалось из-за закрытых дверей.

– Это я, Гиви!

Дверь открыла Люда, но, увидев Гиви, она вскрикнула и захлопнула дверь, прямо перед носом Гиви.

– Что случилось, Люда?

– Уходи отсюда! Не то позову милицию, ты не Гиви.

– Открой двери, у меня несчастье, погибла Нино, нужна твоя помощь...

Гиви настолько изменился за эти десять дней, что был неузнаваем. Когда Люда узнала в чем дело, вся их семья очень огорчилась гибелью Нино. Ну, а Наташу не могли оторвать от тела Нино.

– Вот как надо любить, так что и состариться за эти десять дней. – сказала Наташа.

Гиви не ответил ей; спросил было ли здесь землетрясение. Ему сказали, что землетрясение и здесь было сильное, капитальные постройки очень пострадали, а рубленные избы выдержали, что жертв в деревне нет, а в городе, говорят, много...

– Нужна твоя помощь, Люда, – сказал Гиви.

– Говори, что хочешь, я готова сделать все для тебя и твоей Нино.

– Помоги обмыть тело Нино, наденем на нее подвенечное платье и положим в тот ящик. А завтра утром приведи врача, надо ее забальзамировать и взять у врача свидетельство о смерти. Остальное потом.

– А зачем бальзамировать? Ты, что собираешься ее везти в Грузию?

– Может быть, и тебе придется ехать.

– Из-за Нино, вместе с тобой пойду хоть на край света.

– Тогда за дело.

Люда так убрала Нино, как девушки готовят свою подругу перед свадьбой...

Гиви только сейчас увидел себя в зеркале; ни одного черного волоса не осталось у него на голове, в бороде и усах, только брови и ресницы сохранили свой цвет. А на лице так отразилось горе, что ему сейчас можно было дать лет сорок пять.

Утром Люда привела врача, который оказался мужчиной средних лет, полный, с обрюзгшими веками и небритым лицом.

– Слава Акимович! – так представился врач Гиви. Гиви назвал себя и сразу перешел к делу.

– ! У меня большое горе. Я в гостях здесь и во время землетрясения от страха погибла моя жена.

– Это случается! Многие гибли от этого. Земля еще не успокоилась...

– Так вот, Слава Акимович! Давайте сперва выпьем за упокой души моей супруги, а потом я скажу, почему я побеспокоил вас.

При упоминании о выпивке, глаза у врача расширились, он сел на стул. Люда собрала на стол и поставила перед Гиви бутылку коньяка. Выпили, закусили все, кроме Гиви, который не прикасался к еде, но коньяк пил.

Принесла Люда и другую бутылку коньяка...

– Сейчас, если хочешь, распишусь хоть в убийстве Николая Второго, – сказал врач.

– Слава Акимович, надо сделать бальзамировку умершей. Я хочу исполнить ее слова и похоронить в Грузии. А до Грузии путь далекий, да и жара стоит чрезмерная, и я боюсь...

– Хорошо. Это легкое дело, только надо ее прооперировать, удалить внутренности, а потом,

даю гарантию, что тело сохранится, как живое, – стал бахвалиться Акимыч.

– А если не оперировать?

– Внутренности быстро разлагаются, но можно и так сделать, чтобы тело не испортилось сто-сто двадцать лет...

– Так и сделаем. Один ящик коньяка за мной!

– О! За ящик коньяка, я еще убью кого-нибудь, забальзамирую и дам тебе, чтоб ты два трупа взял отсюда! – пьяно пошутил Акимыч.

– Не надо шутить, еще одна просьба у меня: я хочу справку, что усопшая действительно моя жена и что она от испуга скончалась во время землетрясения.

– И это не трудное дело. Только дайте ваши паспорта, свидетельство о браке и я завтра принесу все для бальзамировки и справки, которые вы хотите.

– Акимыч, к несчастью у нас нет ни паспортов, ни свидетельства о браке, – сказал Гиви и наполнил еще стакан.

– О! Это уже хуже!.. Но можно и это сделать, если можете назвать свои имена, – оказал Акимыч и опорожнил стакан.

– Это, кажется, можем...

– Так вот, напишите, имя, фамилию, отчество усопшей и твое, возраст и время регистрации брака. Я приду завтра и все сделаю, чтобы вы были довольны.

Врач пришел на второй день, принес нужные справки и сделал бальзамировку.

Гиви со своей стороны не остался в долгу.

Гиви ходил целые дни, как неприкаянный, и, видя это, Люда часто вздыхала.

– Гиви, я хочу задать тебе один вопрос, только отвечать искренне: когда-нибудь у тебя женщина была верной подругой?

– Что ты имеешь в виду?

– Настоящую дружбу, а не интимную связь!

– Нет.

– Почему! Наверно потому, что вы мужчины думаете, что женщина создана только для половой жизни, не представляете, что женщина может также мужественно нести дружбу, как и мужчина, а может быть и больше. Женщина может сильнее любить, хранить тайну, терпеть, да и силой не очень-то уступает мужчине. Так никогда не сломается женщина, как ты сейчас. Человек, говорят не только о мужчине, но и о женщине: – все мы дети Адама и Евы. Человек – луч заката солнца, который сопровождается великими потрясениями, строительством, развитием, техникой и противостоянием с природой, чтобы переделать природу в свою пользу. А ты покоришься своему горю и не думаешь о завтрашнем дне. Забыл, что Нино завещала похоронить ее прах в Грузии? Самое главное, не сомневайся в своей силе и чувствуй всегда, что ты Человек с большой буквы. Кант говорил: «Человек – цель природы, а не средство». «Человек – это посредник между всем и ничтожеством». – Паскаль напоминает, а Гете говорит, что «Человек – это все человечество». Видишь, человек это все, а ты? Что с тобой? Что тебя поработило? Ты же с самой природой должен бороться!

Я русская женщина и хочу предложить тебе дружбу, чтобы доказать, как мы можем дружить. Я хочу разделить с тобой то горе, которое мы несем от потери Нино.

– Да ты, оказывается, оратор. Твои слова, думаю, вернут меня на «поле боя», – вместе с этими словами Гиви, начал приводить себя в порядок, умылся, почистился, однако от бритья отказался: в Грузии, в трауре не бреются в течение года...

Большую часть клада Люда и Гиви превратили в деньги, и в тот же день пошли прямо к начальнику железнодорожной станции, который оказался симпатичным мужчиной средних лет.

Люда вежливо поздоровалась и попросила о помощи.

– В чем должна состоять моя помощь? – спросил начальник станции.

– Этот товарищ, мой гость, во время землетрясения погибла его жена, вот справка о ее смерти. Надо ее прах багажом отправить в Грузию.

– Сочувствую вашему горю! Я сейчас же выделю вам два места в купейном вагоне и в том же составе, в багажном вагоне место для праха. Только знайте, прах не должен быть в гробу. Можете положить на носилки, или сбить ящик, только не должно быть формы гроба, а то не допустят.

– Хорошо! Прах лежит у нас в дорогом ящике, который я принес в приданное, и, который был куплен моей матерью у какого-то торговца. Еще одна просьба к вам. Если можно, мы откажемся от предложенных вами мест в купейном вагоне и разрешите нам ехать вместе с покойницей в багажном.

– Вот в этом я вам не помощник. Да и не представляю, как можно ехать в багажном вагоне, где нет ни отопления, ни света. Или вы думаете, что ваш покойник потеряется? Такое не просите, такое еще не встречалось. Вы сделайте, как я сказал, только не забудьте обить ящик материей и написать адрес.

– Это разумно! – сказал Гиви, который до сих пор стоял молча.

– В первой кассе вам выдадут билеты, – сказал начальник станции при прощании и взял телефонную трубку...

– Вы Табатадзе? – спросила кассирша с расстановкой букв в фамилии. – Вот вам два билета в купейный вагон и один в багажный.

...Старый Никита Захарович, сосед Люды, отвез Гиви с Людой и их ношей на станцию. Они вовремя погрузились в вагон, положив ящик в углу, а сами пошли в купе.

Трудно описать эту поездку... В Москве, после 12-часового ожидания, прибыл Тбилисский поезд. Ящик опять погрузили в багажный вагон, а сами сели в купейный...

Харагаули. Маленький перрон. Багаж сняли станционные рабочие и внесли в багажное отделение.

– Сообщим в село, и нам помогут, – сказала Люда.

– Нет, мы должны так похоронить Нино, чтобы никто не узнал о моем здесь появлении, а то выяснится все... Я не забочусь о себе, будут беспокоить прах Нино.

– У нас же все документы в порядке, – сказала Люда.

– Эх! – вздохнул Гиви.

– Ты так изменился сейчас, что собственный отец тебя не узнает. Но осторожность не помешает. А мы в России думаем, что в Грузии можно сохранить в тайне всякое злодеяние и преступление... А ты боишься показаться в своем селе!

– Так было раньше. Взаимовыручка была движущей силой грузин, но революция разъединила людей. Сейчас за предательство получают чины и ордена.

– По крайней мере, сообщим родителям Нино.

От этого тоже отказался Гиви, не желая причинить великую боль родителям Нино.

По предложению Гиви, они наняли рабочих, которые перенесли ящик к кладбищу, и отпустили их, щедро одарив за труд...

Был поздний вечер, когда Гиви и Люда подошли к кладбищу. Кругом никого не было. Они внесли ящик и поставили рядом с могилой матери Гиви. Гиви очертил заступом четырехугольник на земле рядом, со святой для Гиви, могилой матери и начал копать. С первым же ударом кирки в памяти вспыхнуло детство.

Ему было восемь лет, когда умерла мать от воспаления легких, и мальчик остался сиротой с отцом. Мальчик часто бегал на могилу матери и проводил там долгое время, орошая свежую могилу своими слезами... Однажды, он заснул на могиле матери, время было осеннее, и вернувшись, заболел тоже воспалением легких. Гиви метался в бреду и звал мать...

– Сын умирает! Если с ним что-нибудь случится – выкопаю жену и себя убью! Люди добрые, помогите! – с плачем носился бедный отец...

* * *

Люда с остервенением работала, помогая Гиви рыть могилу. Полная луна освещала местность так ярко, что не было надобности зажигать фонарь.

* * *

...Женщины положили ребенку на лоб листья свеклы, смазали и протерли ему спину козьим жиром, надели на ноги шерстяные носки, пропитанные в уксусе, напоили крепким чаем и уложили в постель. На второй день жар спал у ребенка, пришел врач, которого после кончины матери, Гиви ненавидел.

– Не подходи близко, – кричал ребенок при виде врача, – ты весь в крови и сам как черт! – Никак не могли успокоить его.

Наконец, врач вынужден был уйти, оставив таблетки от температуры. Ребенок и таблетки не принял, забросив их в камин.

На третий день температура понизилась, а на четвертый он уже сидел в постели и, взяв перо в руки, сочинил первое стихотворение, которое посвятил памяти матери и, которое помнит и сейчас...

Люды уже не было видно, так глубоко они вгрызлись в землю, но она еще копала.

– Хватит, куда ты еще копаешь, – сказал Гиви.

– Ты ничего не говоришь, и я работаю, – ответила Люда из ямы, выбрасывая оттуда землю.

Гиви помог Люде подняться из ямы, сошел туда сам и проделал дырку в земле, оголив часть гроба матери. Он зажег две, купленные заранее восковые свечки и прикрепил их к гробу матери.

...Долго стоял в могиле на коленях Гиви, молясь и разговаривая с матерью. Потом с помощью Люды осторожно опустил ящик в могилу и забросал землей. Гиви уплотнил землю на могиле, прикрыл ее дерном, чтобы не было видно новое захоронение, и вошел в церковь. Там он поставил две свечи и стал молиться.

...Я назвал церковью маленькую базилику, которая была построена еще в X веке. У базилики крыши уже не было. Стены обрушились, но кое-где еще сохранились фрески, которые относились в XII–XIII вв.

Перед тем, как начать молиться, у Гиви в голове промелькнуло, как на экране, горькое его детство и воспоминание об этой базилике:

...Стояла весна 1921 года. В тот год воскресение должно было быть 22 апреля. Люди готовились к воскресению. Революционеры преследовали верующих.

За неделю до воскресения, в базилику явился Маркоз Папуашвили со своим отрядом, выволок оттуда за бороду попа Онофрия, сбрил полбороды, раздел догола и отпустил... Поднялся хохот... «Дорогу святому отцу! К всевышнему спешит представиться, в чем мать родила!» – гоготали дружинники Маркоза. Потом обвели круг на двери базилики и стали стрелять в цель, стараясь попасть в центр.

Отец Гиви, Акакий, услышав дома стрельбу, раздающуюся со стороны базилики, поспешил туда.

– Что вы делаете, люди! – крикнул Акакий и прильнул к двери, в которую стреляли. Стрельба прекратилась. К Акакию подошел Маркоз:

– Хванчу! – (так звали Акакия домашние), – не надо с нами враждовать, отойди от дверей, а то... – Маркоз заскрежетал зубами, – церковь – гнездо изуверства.

– Это не церковь! – сказал Хванчу и пока он продолжал разговор, Маркоз повернулся:

– Да, это не церковь, базилика, монастырь, но чем бы он не был, он является центром суеверия и зла, и наш долг выветрить из ума человечества эту позорную для человека, веру.

– Это не церковь, не базилика и не монастырь, это исторический памятник! Наше прошлое и величие, иконостас наших предков! Их обитель, для нас святая земля, которая ждет наших тел, чистых и безгрешных!

– Уйди с дороги! – не сдавался Маркоз, – когда были камень и железо в услужении у народа? Человеку должен помогать разум, а Бог никакой не помощник!.. Вот сейчас взойду на колокольню, сниму крест и сброшу вниз, посмотрим, что сделает мне твой Бог мать его...

Хванчу смотрел на почти безумного Маркоза, и про себя шептал – «прости ему, Господи, ибо не знает что творит!»

Маркоз распорядился выстрелами сбросить крест, возвышавшийся над колокольной.

Восемь человек, его дружинников, стали в удобное место и попеременно начали стрелять в крест, но не то стрелки оказались дурными, не то крест был сделан из действительно божественного материала, но он гордо возвышался на своем месте.

Маркоз расстрелял две обоймы маузера, но все было впустую. Тогда он распорядился принести лестницу, сам полез наверх, и, с большим трудом поднявшись до основания креста, стал сбивать его при помощи кинжала и рукоятки пистолета. Наконец, крест поддался. Обрадованный Маркоз сбросил его на землю, под гогот своих дружинников.

Маркоз, сойдя с колокольни победителем, стал теперь зло смеяться и топтать крест, изрыгая матерщину и проклятия. Это продолжалось несколько минут. Потом, вдруг Маркоз остановился, лицо у него передернулось, правый глаз выпучился, правая нога остановилась, а рука отвисла и с ревом и нечленораздельным ругательством, он упал на землю. Люди с испугом смотрели на это явление, потом, когда его состояние стало еще более ухудшаться, дружинники отнесли его домой.

Говорят, что в ту ночь базилику поджег отец Маркоза. А священника Онофрия мертвым нашли у родника.

Маркоз был еще жив, пригвожден к постели и видевшие его люди, говорили «по его спине ползают черви, а он, метаясь, мечтает о смерти».

У Маркоза был один сын, ровесник Гиви, Гурдзим, который пошел по стопам отца и был участковым этого села.

Физически очень сильный, он, Гурдзим, олицетворял какого-то животного; свойства всех животных можно было найти в его характере и поведении. Приплюснутым носом и выдвинутым вперед подбородком, напоминал он орангутанга, выпяченными и залитыми кровью глазами – аспида, согнутыми плечами и короткими конечностями – медведя весной, который всю зиму провел в берлоге и от голода, у которого живот был приплюснут к позвоночнику... Душевно тоже походил на животное. Как у животного, у него были развиты зрение и нюх, он был беспощаден ко всем, он не знал своих и чужих, знал только СВОЕ, с целью присвоения какого-либо предмета, не чурался ни воровства, ни разбоя, ни убийства, а в доносах он был первым мастером. Правда, репрессии и, так называемая, «чистка» в Грузии закончились и «законность» действовала со всей строгостью, но в государственных структурах еще не перевелись ранее проникшие туда двуличные «Гурдзимы» и подобные ему твари.

Жена Гурдзима была подстать своему супругу; отличалась она от мужа лишь тем, что все свойства внешности и характера мужа в ней еще больше напоминали животное, только на ее пальцах росли согнутые, как у бабы-яги, когти, которые всегда были грязны...

Управившись с захоронением и убрав в тайное место инструменты, Гиви еще раз помолился, вручил святой богородице дух Нино и, пока горела свеча, просил бога о прощении своих грехов. Потом, уйдя с кладбища быстрыми шагами, Люда и Гиви

еще до восхода солнца пришли на станцию в Харагаули.

– Уедем отсюда на побережье Черного моря, немного отдохнем, а затем наметим наш дальнейший маршрут.

Люда часто мечтала о лазурном море, и когда Гиви сказал об отдыхе на побережье, она с удовольствием согласилась. Они приехали в Кобулету и сняли комнаты в частном доме.

Два дня Гиви был со своими думами, а на третий спросил у Люды, как сообщить родителям Нино о его положении.

– Не надо сообщать ничего. Как ждали до сих пор, так пусть ждут и дальше.

– А если в один прекрасный день Закро придет к тебе и спросит о нас? Что ответишь?

– Скажу, что... не видела вас.

– Нет, скажи, что мы взяли богатство, часть его, и уехали во Францию.

– Не поверит в это.

– Почему?

– Потому, что знает, как ты влюблен в родину и не поверит в твою поездку в такую даль.

– Ты должна уверить его. Другого выхода нет. Я напишу письмо, а ты отправишь его заказным письмом из Москвы, будто мы перед отъездом написали это письмо.

– Как, ты не поедешь со мной вместе?

– Я приеду после воскресенья, хочу на могилу Нино принести весенние фиалки.

– И я поеду с тобой.

– Ты отдохни. Не все же время будешь ездить со мной. Мы сделали большое дело, теперь расстанемся. Зачем тебе вести такую неугомонную и полную опасностей жизнь.

– Я вместе с тобой познала полноценную жизнь и, будет неблагодарно с моей стороны не разделить твою будущую жизнь.

– У тебя дочь, семья, обоснованная жизнь, а на меня чего смотреть? Неприкаянный я человек, которому бог дал одну спутницу, и ту отнял черт... Не думай, что я недоволен нашей дружбой. Я доволен и очень благодарен тебе. Ты хорошая и потому мне жаль тебя. Может со мной что-то случится, а такие как ты, должны жить долго.

– Мне не жаль посвятить свою жизнь тебе, я хочу быть рядом с тобой, а жениться ты можешь на ком угодно... – Люде всё-таки изменила сила воли, и из глаз потекли слезы... Гиви согласился.

...Туманным выдался тот воскресный день, но потом распогодилось. Гиви и Люда ранним утром принесли на могилу Нино и матери крашенные яички, много цветов и по две бутылки коньяка, на каждую могилу... В жизни Гиви это была самая большая неосмотрительная и необдуманная ошибка; ибо он знал, как строго запрещались религиозные праздники и даже упоминание о них. В этот день учащуюся молодежь увозили на экскурсии, в походы или какие-нибудь мероприятия, чтобы отвлечь их от празднований. В эти дни милиция часто околачивалась около церквей, выслеживая верующих.

Участковый Гурдзим заметил, что невероятно

много цветов было положено на могиле жены Акакия Табатадзе, а также рядом, где никто не должен быть похоронен. Участковый решил выяснить это у Акакия, а свою жену с донесением послал в райотдел милиции.

Вечером Гурдзим пришел к Акакию Табатадзе. Акакий не очень обрадовался непрошенному гостю, но не подал и вида, и принял его.

– Кто умер у тебя? – сразу без всяких приветствий, спросил непрошенный гость.

Хозяин не ждал такого вопроса и немного погодя ответил:

– Эх! Кто же у меня не умер? Жена умерла, а о смерти сына сообщили дважды!

– Это знаю! Но кого недавно похоронили рядом с твоей женой и так богато убрали розами?

Хванчу и сам раньше заметил это обстоятельство, но не знал, что ответить этому назойливому человеку.

– Отстань, пожалуйста! Рядом с моей женой похоронен мой отец, с другой стороны мать, а по их сторонам мои предки...

– Ну и их могилы ты убрал так богато?

– А что, не были достойны, что ли?

– Ладно, выясним! – сказал с угрозой Гурдзим и рысцей удалился со двора.

...А в это время жена Гурдзима стояла перед начальником районного отделения милиции:

– Как это на кладбище кого-то похоронили, и никто не знает кого? – с удивлением сказал начальник.

– Так и есть начальник, я сама видела, своими глазами, по лошадиному заржала жена Гурдзима, Гултамзе.

– Хорошо, проверим, – сказал начальник и потянулся к трубке телефона.

– Да, слушает Давид Шецирули! – сказали на другом конце провода.

– Интересное дело, товарищ Давид. На кладбище церкви Святой Троицы похоронен труп, о котором никто ничего не знает. Да, сейчас же хочу выехать, но с вашей стороны ожидаю следователя, фотографа и врача-эксперта... Вы сами?.. Очень хорошо!

Начальник милиции распорядился подготовиться к выезду на операцию.

Уже к полудню оперативная группа прибыла на кладбище и стала раскапывать могилу Нино, около которой до приезда группы стоял Гурдзим. Раскопали, и все были удивлены, когда в могиле вместо обычного гроба, был обитый бархатом ящик. Гурдзим первый кинулся к ящику и стал сбивать с него замок. Когда был вскрыт ящик, все были удивлены, что в нем лежала женщина, которую никто не опознал. А до того Гурдзим успел снять с пальца Нино кольцо так мастерски, что любой вор мог позавидовать ловкости рук этого пройдохи.

Кроме работников милиции и прокуратуры, здесь было много любопытных сельчан, но никто не ведал, кто был положен в этом ящике-гробу. Пустую могилу засыпали землей, а покойницу увезли в район для основательной экспертизы. Вскоре из больницы было получено заключение судебной экспертизы.

В нем было сказано, что труп принадлежал восемнадцатилетней женщине, на седьмом месяце беременности. Ребенок мужского пола умер в утробе за восемь часов до смерти матери. У женщины в желудке обнаружена кровь первой группы, а у самой женщины и ребенка кровь третьей группы резус отрицательный. Предполагается, что смерть женщины наступила вследствие страшных болей из-за смерти плода, о чем свидетельствуют искусанные руки женщины. Смерть женщины наступила приблизительно 15–18 числа сего месяца. Труп бальзамирован работником медицины. На трупе различаются отпечатки пальцев двух мужчин и одной женщины, которые сфотографированы и приложены к акту.

Справка была заверена судебно-медицинской экспертизой и стояли две круглые печати.

Молодому следователю Георгию Амаглобели было поручено вести следствие по этому делу и выяснить все обстоятельства вокруг этого тайного захоронения.

На другой день в республиканских центральных и районных газетах были помещены фотография Нино и объявление с просьбой сообщить что-либо об этой личности в случае опознания. Но кроме Гиви, никто не мог узнать Нино, так изменил ее лицо девятидневный голод.

Девятого мая Гиви и Люда были еще в Кобулету. Гиви рано лег, чувствуя какое-то необъяснимое томление. После полуночи Гиви во сне услышал голос Нино «Гиви, помоги!». Гиви вскочил и растерянно сидел некоторое время на кровати. Потом лег, но,

заснув, опять ему почудилось, что Нино зовет его. Гиви встал и начал одеваться.

– Куда ты собрался? – подала голос из смежной комнаты Люда.

– Нино что-то трудно. Я должен поехать к ней.

– И я с тобой, – сказала Люда.

Гиви хотел отговорить Люду, но это ему не удалось сделать, и они выехали в два часа ночи в направлении Харагаули.

В этот же день они были в Харагаули. Когда стемнело, они направились в сторону кладбища.

... Как вкопанный остановился Гиви, увидев разрытую могилу Нино.

– Помоги, Люда! Кто ее украл, в чем она провинилась, за что такое мучение ей ниспослал бог? Где ее искать? К кому обратиться? – растерянно стоял Гиви.

Люда впервые видела Гиви в таком беспомощном состоянии...

Потом Гиви сел, собрался с духом, и, после долгих споров с самим собой, решил пойти к отцу. Но как? Дом его носит траур по нему самому. Как же он явится вдруг перед ним... Но к кому пойти более верному и надежному?..

...Гиви прошел в калитку и остановился у маленького домика...

– Сын мой. Гиви, Гивико... – слышался из глубины дома зов. Гиви изменился в лице: не почудилось ли? – Где ты, сынок? Если ты жив, хоть раз покажись... во сне все время вижу тебя живым, наверное, ты не погиб... сынок мой, если ты мертв, забери меня!

Гиви не выдержал стенаний отца и открыл дверь...

– Кто ты? – спросил старик.

– Я, Гиви, отец, Гиви, я Гиви!

– Ты явился ко мне, чтобы забрать меня, добрый дух! Почему ты опоздал?

– Нет, отец! Это я Гиви, живой, вот потрогай меня! – стал целовать Гиви своего дорогого старика. Потом потрогал его лоб, спросил:

– Что это? У тебя жар? Не бойся, отец, сейчас ты уже не умрешь. Я буду с тобой.

– Я не боюсь смерти, я молил бога о смерти, спешил тебя увидеть. И бог меня послушал, исполнил мою просьбу, вот видишь, явился ко мне твой двойник, но как ты поседел, верно, ты много пережил...

Первый раз сообщили, что ты попал в бурю и погиб, тогда я умер в первый раз; а через несколько лет сообщили, что тебя разорвали волки в тайге – и тогда я умер во второй раз. А сегодня приходит какой-то молодой человек из прокуратуры, назвался Георгием Амаглобели, тот вообще свел меня с ума, говорит: твой Гиви жив и, если был у тебя, не скрывай, Я спросил, откуда он взял такое, а он говорит, что об этом рассказала молодая женщина, похороненная рядом с твоей супругой... Правда, не ты убил ту женщину? Какая была красивая, А живая, наверно, была ангел. Кто же она?

– Жена была моя, отец,

У Хванчу потекли слезы, которые Люда утерла своим платком,

– А куда увезли труп? – глухо спросил Гиви.

– Не знаю, сынок. Все, что было на поверхности, перерыли, перегадили. Это наше новое правитель-

ство, а теперь стали искать и под землей. Могилу первым увидел Гурдзим Папуашвили, наверное, ты его помнишь, это сын Маркоза. Гурдзим охранял окрестности кладбища, чтобы в праздник люди не приходили на могилы своих предков. Он и сообщил властям обо всем.

– К тебе еще придут и будут спрашивать, скажи, что приходил какой-то белобородый человек, который не назвал себя и просил, чтобы оставили покойницу в покое. А сейчас ты пойдешь с нами и мы положим тебя в больницу,

– Кто эта женщина, сынок?

– Жена моего друга.

– Пойдем, сынок. Раз ты жив и я хочу жить...

К заведующему больницы зашел симпатичный, средних лет мужчина, не представившись, попросил уложить в больницу больного отца и, как будто между прочим, сунул ему пачку денег в карман. Заведующий мигом распорядился предоставить койку старику, приставил к нему врача и остался очень доволен посетителем. А Гиви сбегал на рынок, принес отцу много фруктов и под подушку положил деньги – пригодятся.

– Я скоро вернусь отец, но если опоздаю, со мной ничего не случится, не беспокойся! – сказал Гиви, прощаясь с отцом.

Гиви опять вошел в кабинет к заведующему.

– Извините меня за назойливость. Но очень интересует меня судьба трупа, который перенесли сюда в воскресенье.

– А, да, труп! Труп у нас хранится в морге, и если не объявятся родственники, его наверно, захоронят.

– А кто похоронит?

– Наверно, кто отрыл, тот и похоронит...

– Наверно, там же похоронят, откуда взяли?

– Не могу знать, черт их знает...

– Если объявятся родственники, что для того нужно, чтобы разрешили взять покойницу?

– Когда у нас кто-то умирает, мы выдаем родственникам справку о смерти, и они без препятствия забирают своего покойника, а это... это не знаю, такого в моей практике не было. А представитель прокуратуры предупредил нас, чтобы этот труп не выдавали никому без их ведома.

Выйдя из кабинета заведующего, Люда сказала Гиви:

– Значит, мы узнали, что Нино лежит здесь...

– Ночью надо выкрасть Нино» сказал Гиви, и они удалились со двора больницы.

Ночью Гиви и Люда проникли в морг и при свете свечи увидели лежащий на операционном столе под белой простыней труп Нино. На операционном столе была постелена коричневая клеенка, на которой Гиви написал: «Проявите добродушие и не глумитесь над покойницей. Прошу не издеваться над прахом невинного человека... Я дух преследуемого человека и, если кто-нибудь со мной желает встретиться, тот найдет для этого способ... Прах будет покоиться там же, где был похоронен в первый раз. Еще раз покорнейше прошу, не глумиться над покойницей!

С уважением: преследуемый дух».

Две тени вынесли что-то из морга и ушли прочь.

Для Гиви и Люды неудобно было нести ящик с Нино, поэтому Гиви устроил ящик у себя за спиной, как вещмешок и они медленно пошли в направлении церкви Святой Троицы...

Отыскав, спрятанные заранее инструменты, Гиви отрыл старую могилу рядом с матерью и вновь захоронил туда ящик с Нино.

Уже светало, когда Гиви с Людой подошли к дому Гиви. Он решил этот день провести в своем доме...

Вечером он собрался уходить, но Люда не отпустила его одного и пошла вместе с ним.

Гиви сунул за пояс наган, на руки надел перчатки из кожи Козлова и вместе с Людой направился к роднику Папуашвили. До родника оставалось еще немного, как Гиви услышал какой-то тихий вой, который Гурдзим, наверно, называл пением. Гурдзим шел прямо на них. Гиви сразу узнал Гурдзима. Гурдзим тоже заметил две тени у родника и решил вернуться назад.

«Вернусь назад» – думает лягушка, заговоренная змеей, а в действительности сама движется вперед и попадает прямо в пасть змеи».

...Перед Гурдзимом встал Гиви и с укором сказал:

– Здравствуй, Гурдзим, что с тобой, так неприветливо встречаешь старого друга, разве так можно?

– Кто ты? – крикнул Гурдзим и потянулся к пистолету, но пока он открывал кобуру, Гиви поймал его руку. Гурдзим не растерялся и ударом свободной руки уложил Гиви на землю. И пока он доставал из кобуры пистолет, Люда так сильно ударила его по голове камнем, что он медленно стал валиться на землю, а пистолет выпал из его руки.

Гиви поднялся, сунул себе в карман пистолет Гурдзима, а самого Гурдзима усадил у родника, побрызгал на него холодной водой и привел в чувство.

– Что с тобой, Гурдзим? Разве так встречают старых друзей, я же не как враг встретил тебя? – с нетерпением ждал Гиви, когда придушит этого зверя, но спокойным голосом спросил Гурдзима.

– Не знаю, друга и врага сегодня не различишь, я думаю, что все враги. Чтобы не было врагов, надо кому-то делать добро, а для добра у меня нет времени. Человек должен служить одному или злу, или добру. Эти два понятия в одном организме не совмещаются!

– Значит, ты решил служить только злу? Хорошо, это меня не интересует, ты мне вот что скажи: Как ты нашел могилу неизвестной женщины?

– А разве трудно было заметить? Убранную розами новую могилу. Разве на пустом месте кладут розы и красные яйца. Да и земля была свежо вытоптана.

– Ты же мог не раструбить об этом?

– Да, но я служу своему делу. Почему должен ходить на свободе убийца такой красивой женщины?

– Говорят, из больницы выкрали ее.

– Выкрали и оставили письмо. Сегодня были из прокуратуры и проверили.

– Что, вновь отрыли могилу?

– Да, отрыли и вновь захоронили на прежнем месте...

– Видишь, к чему привело твое действие! И вновь не дают покоя человеку.

– А зачем должны быть спокойными в земле она, а ее убийца на земле?

– Откуда ты знаешь, что ее убили, а не сама умерла?

– Такие молодые, здоровые люди сами не умирают, им в этом помогают.

– И в прокуратуре так думают?

– Я их мнение и говорю.

– На руке женщины было кольцо, кто его взял? – спросил Гиви.

Гурдзим вдруг умолк, задумавшись и, когда он запоздал с ответом, Гиви вновь опросил.

– Не знаю... – промямлил Гурдзим.

– Знаешь! – сквозь зубы произнес Гиви и достал из кармана пистолет Гурдзима.

– Не убивай! Скажу. Я снял кольцо с руки женщины.

– Никто не видел?

– Нет.

– Значит, украл и присвоил. Где сейчас кольцо?

– Жене подарил...

Гиви взвел курок пистолета.

– Не убивай! – взревел Гурдзим.

– Боишься? – с напускным спокойствием спросил Гиви.

– Боюсь!

Гиви спокойно схватил его за волосы, приставил к виску пистолет и спустил курок...

Кровь Гурдзима окрасила родниковую воду...

..Люда и Гиви теперь направились к дому Гурдзима. Подойдя к окну, откуда лился свет, Гиви и Люда увидели, что жена Гурдзима в кухне готовила ужин,

а на безымянном пальце блестел бриллиантовый перстень Нино. Гултамзе при виде незнакомых людей хотела закричать. Но Гиви достал наган и приказал молчать.

– Садитесь, – вежливо пригласил Гиви хозяйку и подал ей стул.

– Хорошее у вас кольцо, но не цените его.

– Муж подарил. На нем крест изображен и потому не люблю, а так оно красивое...

– А откуда принес муж это кольцо, не сказал?

– Наверно, отнял у кого-то...

– А не боитесь, что не долго удастся вам жить украденным и не пойдет вам в прок все это, нечестным путем добытое богатство.

– Сейчас все так живут...

– Сними кольцо!

– Не дам! – твердо сказала Гултамзе и убрала руки за спину.

– Оно же тебе не принадлежит?

– Сейчас оно мое, – сказала она и с такой быстротой схватила топорик, что Гиви не уследил за ней, но Люда, которая стояла сзади, схватила ее за руку и вырвала топорик.

– Я буду кричать! Всех разбужу, – зло сказала Гултамзе, – Убирайтесь отсюда.

На крик Гултамзе из другой комнаты вошла старуха. Но к этому времени Гултамзе лежала на полу, сбитая с ног ударом Гиви. Старуха тоже хотела поднять крик, но Гиви схватил ее и зажал ей рот. Гиви держал старуху, зажавши ей рот до тех пор, пока она не упала. Потом он снял со стенки полотенце, заткнул рот

Гултамзе тряпками, а потом перевязал ей подбородок. Снял с ее руки кольцо и удивился.

– Что ты сделала, почему разрежала кольцо! – но потом догадался, что кольцо было узкое, и, чтобы натянуть его себе на палец, пришлось Гултамзе кольцо разрезать. Гиви подвел Гултамзе к столу, на котором была прикреплена мясорубка, сунул ее пальцы туда и закрутил ручкой.

– Теперь твоим пальцам не понадобятся кольца.

Глухой вой женщины раздался в доме. Гултамзе не вытерпела боли и потеряла сознание...

... Гиви при помощи длинного шеста сделал глубокое отверстие на могиле Нино до ее гроба и опустил туда кольцо,

– Я уже тебя боюсь! – сказала Люда.

– Почему?

– Ты очень беспощаден!

– Да, я беспощаден, но только к тем, кто сам не щадит людей! Знаю, что ты хочешь сказать. Но кто знает, столько невинной крови на совести Гурдзима и его жены. Только таким образом надо бороться с такими людьми, как Гурдзимы.

– Тебя будут разыскивать, если узнают, так легко не отвертишься,

– Для меня все равно «быть или не быть», но раз ты советуешь – побреюсь.

На рассвете Гиви и Люда сели на московский поезд с Зестафонского вокзала и отправились...

* * *

Утром в кабинет прокурора вошел молодой следователь Георгий Амаглобели и доложил:

– Убийство, товарищ Давид!

– ?

– В селе Цминда Самеба, а может самоубийство, пока не установлено.

– Кто убит?

– Сотрудник милиции Гурдзим Папуашвили.

– Тот, что нашел могилу неизвестной женщины? А может это имеет какую-то связь с убийством?

– Пока ничего не известно. Сейчас едем на место происшествия. Может, вы тоже поедете?

– Обязательно поеду.

Солнце только что поднялось, когда к роднику Папуашвили подъехали два автомобиля, из которых вышли сотрудники милиции и следственных органов.

Гурдзим сидел, будто уставший, прислонив голову к стенке родника... У правой руки лежал его пистолет, стреляная гильза валялась в луже. Все это создавало впечатление самоубийства.

После обследования местности, труп Гурдзима отправили в райбольницу, а работники прокуратуры пошли к дому Папуашвили, где перед ними предстала не менее страшная картина. В комнате, где во многих местах на полу было много крови, причитали две женщины, которые еще не ведали о смерти Гурдзима.

Краткая выдержка из показаний Гултамзе Ломидзе-Папуашвили: «Я была в кухне и готовила ужин. На столе была прикреплена мясорубка. В комнату

вошли два незнакомца. Я собралась кричать, но один пригрозил наганом и велел молчать.

– Если можете, опишите внешность.

– Один был среднего роста, похож на старика, седой и белобородый, но, несмотря на старость, он был очень сильным. Черные, как лопатки руки. На нем была коричневая, кожаная куртка. Того же цвета шерстяные брюки и сапоги. Второй был молодой, но тоже очень силен... Взял меня за локоть и чуть не переломил. Белобородый приказал снять с пальца кольцо, когда я отказалась, сам сдернул его. Когда увидел, что кольцо было разрезано, взревел, почему я так сделала! (кольцо я разрежала потому, что оно не налезало мне на палец). Заткнул мне тряпками рот и перевязал полотенцем подбородок. Подтащил меня к мясорубке, вложил туда пальцы моей руки и закрутил ручкой... Больше ничего не помню!...».

– Из дому больше ничего не взяли?

– Нет, в другие комнаты даже не входили.

– То кольцо, где было куплено?

– Муж принес на другой день после праздника.

– Как думаете, кольцо было дорогое?

– Нет! Какими-то блестяшками на нем был изображен крест...

Врач-эксперт взял отпечатки пальцев...

– Тетя Марта подумайте, руки у того человека были голые или в перчатках?

– Голые были, сынок, голые. Сама видела своими глазами, только черные и волосатые, ногти были отросшие и на пальцах волосы. Только вот что меня удивляет, пальцы были черные...

– Гурдзим опаздывал домой?
– Когда как... Иногда опаздывал.
– Как вы думаете, враги были у вашего сына или у вас вообще?

– Вы бы спросили, друзья есть или нет? А врагов хватает! Когда мой муж записался в новое правительство, мы зажили лучше, есть было что. А люди завидовали. Говорили, что награбленное не долго будет нас беспокоить. Сама своими ушами слышала, как соседи говорили, что и до нас доберутся. Мой муж никогда не грабил, но выходи на площадь и кричи, что ты честен, кто поверит в это сегодня. Теперь моего Маркоза нет, так стали к Гурдзиму приставать и поносить его везде.

– Хорошо, тетя Марта, обязательно арестуем ваших притеснителей...

Через две недели Давид Шецирули вызвал следователя Амаглобели и спросил, каковы результаты следствия.

– Товарищ, Давид! Следствие шло по правильному пути, – немного смутясь, начал докладывать прокурору следователь, – и вдруг мы оказались в тупике. На теле незнакомой покойницы оказались два незнакомых отпечатка, а вот третий принадлежит Гиви Акакиевичу Табатадзе.

– Это какой Гиви, которого волки разодрали?

– Да, так точно! Однажды он погиб во время бурана, а во второй раз его разодрали волки. Именно поэтому я и удивляюсь... Отпечатки пальцев на пи-столете Гурдзима принадлежат Федору Васильевичу Козлову, его же отпечатки и в доме Папуашвили!

Но Козлова несколько лет назад разорвало кольцо транспортера и в настоящее время его труп похоронен на кладбище исправительно-трудовой колонии. Интересно то, что Козлов и Табатадзе отбывали наказание в одной колонии. Для уточнения данных я посетил колонию. Раньше снятые фотографии доказывают, что справки соответствуют действительности. Вот фотографии, как был изодран на транспортере Козлов, – следователь положил на стол прокурору фотографии. – Но очень затруднено исследование могилы Козлова; «кто знает, может, на том месте похоронили десять трупов после Козлова», – засмеялся начальник колонии. А Табатадзе пользовался хорошим авторитетом в колонии, его похоронили отдельно. Вот старые и новые фотографии (передал прокурору фотографии Табатадзе). Мы вскрыли могилу Табатадзе, и нашли несколько костей, изглоданных волками. Бедренная кость была в прошлом сломана. Но по заключению врачей колонии и гражданской медицинской комиссии, где сохранилась анкета Табатадзе, утверждает, что у Гиви Табатадзе никогда не было перелома бедренной кости! – закончил следователь.

– По-вашему, выходит, что Табатадзе жив?

– По моим расчетам, да! Но я не располагаю никакими сведениями для подтверждения этой догадки...

– Ваши расчеты неосновательны. Если бы Козлов и Табатадзе были живы, они бы до сих пор объявились. К тому же они не такие дураки, чтобы работать голыми руками и оставлять свои отпечатки...

А что касается перелома бедренной кости, он же тайгу прошел пешком, может, тогда и сломал ногу и лечился у охотников, как же он мог оказаться у врача на учете? Еще раз пошлите в центр отпечатки пальцев и продолжайте следствие! – строго сказал прокурор следователю, который вышел из кабинета прокурора с тысячью противоречивых мыслей.

Колеса поезда, отбивая ритмический стук, мчали Гиви в купейном вагоне на Север. Он устроился у столика купе и сочинял письмо к Закро. (Это письмо изъято из архива семьи Николаишвили):

«Здравствуй, брат Закро!

Как вы живете, надеюсь, что все хорошо! С нетерпением ждал твоего приезда, но ожидание переросло в бесконечность. Я не смог приехать, (причину ты знаешь сам). Что делать не знаю, Нино не дает покоя: «поедем во Францию, мы тоже посмотрим мир», а возможность у нас есть и я согласился. Так что через неделю мы будем в Париже. Не огорчайтесь, что едем, не повидав вас. Извиняемся перед бабушкой, Порфирием, Цирой и Галиной. Думаю, после всего найдем время повидать вас. Шутка ли, твой племянник родится во Франции!..

Часть тех вещей, которые ты знаешь, хранятся у Люды (супруги Игоря), а остальные на месте, там же. Если понадобятся – употреби. Нино укладывается и извиняется, что не пишет сама. Три дня назад она послала вам письмо с этим сообщением, но я еще раз пишу.

Остальное сообщу в письме из Франции.
Обнимаем и целуем всех вас.
Ваши Нино и Гиви».

CHAPIDZE GARI
DESIRED SPRING CAME
DETECTIVE

Редактор – Мери Придонашвили
Художественный редактор – Мака Самхарадзе
Технический редактор – Назиброла Капанадзе
Дизайнер – Гванца Махатадзе

Издательство – “Колор”